

**ПОДВИГ
ПЕРМСКИХ
ЧЕКИСТОВ**

**ПОДВИГ
ПЕРМСКИХ
ЧЕКИСТОВ**

ПОДВИГ ПЕРМСКИХ ЧЕКИСТОВ

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

**Р2
П44**

**Составитель
Н. П. Козьма**

**Рецензенты:
Н. П. Вракин, П. А. Курганов**

П $\frac{70302-57}{M152(03)-82}$ 19—82

**© Пермское
книжное
издательство.
1982.**

www.perm-book.ru

Вместо предисловия

Чекист... Это слово стало символом стойкости, бесстрашия, самообладания, мгновенной реакции и терпеливой сосредоточенности, глубокой вдумчивости, символом беспредельной преданности Коммунистической партии, своему народу.

Родилось это чеканное слово в декабрьские дни семнадцатого года, когда перед молодой Республикой Советов с обнаженной прямотой встал вопрос о самом существовании. Раскрывала арсеналы, примыкала штыки к винтовкам интервенция, нашивали на рукава гимнастеров черепа со скрещенными костями оголтелые белогвардейцы. Внутри страны стремительно разваливался царский государственный аппарат, его специалисты, кто со злорадной усмешкой, кто выжидательно, следили за титаническими усилиями Советской власти наладить государственный аппарат нового типа, еще не ведомого истории. Умирали заводы и фабрики, голод перемещал миллионы людей, гнал их по дорогам из города в деревню, из деревни в город. Создавалась самая благоприятная почва для саботажа, разлагающих слухов, для удушения революции изнутри. В дворянских особняках за глухими запорами плелись сети заговоров. Левые эсеры отливали пули, пропитанные ядом, начиняли взрывчаткой хитроумно устроенные бомбы...

Революция вынуждена была защищаться. По решению партии пролетариат взял в руки карающий меч — была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). Продумывая и обосновывая

необходимость неотложных мер борьбы с контрреволюцией, В. И. Ленин настойчиво подчеркивал: во главе ВЧК может стать лишь человек, обладающий самыми высокими качествами революционера современного типа, проверенный подпольем и тюрьмами, решительный, последовательный, непримиримый к врагам, кристально честный. Дзержинский! Да, всеми этими качествами в высшей мере обладал Феликс Эдмундович Дзержинский — профессиональный революционер, ближайший соратник Владимира Ильича. Именно Дзержинскому партия поручила возглавить Всероссийскую чрезвычайную комиссию.

И вот уже вырастают первые ряды чекистов: Я. Х. Петерс, В. Р. Менжинский, И. К. Ксенофонтов, М. С. Кедров, И. С. Уншлихт, М. Я. Лацис, В. В. Фомин — стойкие большевики, испытанные коммунисты с безупречным революционным прошлым. Это были руководители, создатели школы чекистского искусства. На ответственной, тяжелой, а зачастую и опасную службу партия направляла рабочих, смело выдвигала молодежь. В повседневной борьбе отковывались те качества, которые необходимы настоящему чекисту.

Дзержинский и его соратники, сотни не столь известных и вообще безымянных людей, рядовых тружеников ЧК, послужили тому, что слово «чекист» стало символичным.

Одни произносили это слово, задыхаясь от ненависти, другие шептали его со страхом. Но народ, передовая мыслящая интеллигенция верили чекистам всей душой. Чекистов призывали в минуты опасности и смятения, вспоминали о них с признательностью. Признательность эта проявлялась еще и потому, что ЧК никогда не была слепым карающим орудием, на знамени ее начертан не только меч, но и щит. Защита интересов партии, народа всегда была побудительной основой действий чекистских органов. И не случайно заботу о будущем страны — о детях, о беспризорных детях, партия поручила именно ВЧК, которой контрреволюционеры всяких мастей запугивали обывателя...

Сколько суровых испытаний прошли советские чекисты! Годы гражданской войны, полные драматизма, муки, сложнейших пере-

плетений человеческих судеб и страстей. Годы нэпа — когда из нор вылезло всяческое отребье, полезло вперед брюхо буржуазии. Годы создания колхозной деревни — с ночными выстрелами в спину из обреза, со зловещими заревами кулацких мятежей. Годы индустриализации — с коварными диверсиями, с проникновением враждебных элементов к самым важным узлам нашей системы, с тяжелыми ошибками и партийно честными принципиальными выводами и оценками. Годы Великой Отечественной войны — когда в смертельной схватке столкнулись два мира...

Рассказать даже вкратце о ВЧК, затем ГПУ, затем КГБ — это все равно что заново перелистать страницы истории нашей партии, нашей страны. И на всем ее протяжении чекисты, плоть от плоти, кровь от крови советского народа, совершали удивительные подвиги, выигрывая у врага сражение за сражением. Великолепные образцы творчества, вершины самообладания, храбрости проявлялись и на протяжении месяцев и в выигрыше мгновения, когда преодолевалось невероятное напряжение. Никогда не уйдут из памяти народной имена чекистов, отдавших жизнь за людей, за их светлое будущее.

Среди этих имен достойное место занимают имена пермских чекистов — одного из отрядов органов государственной безопасности Страны Советов.

История Пермской ЧК началась в восемнадцатом году. В то время для Советской власти положение в губернии, как и во всей стране, было крайне тяжелым. В таежных дебрях, в мелких уездных городах, в самой Перми гремели выстрелы, скапливались отряды головорезов.

В такой накаленной обстановке 15 марта 1918 года Пермский Совет рабочих и крестьянских депутатов назначил городской Чрезвычайный комитет, впоследствии переименованный в Пермскую губернскую чрезвычайную комиссию. Через месяц — два началась организация уездных чрезвычайных комиссий в самых взрывоопасных местах — Чердыни, Соликамске, Пожве, Чермозе. Мало было, по крылатому выражению В. И. Ленина, завоевать власть — надо было удержать ее.

Принималось во внимание все: и социально-экономические характеристики города, села, и транспортно-географическое его положение, и сколько школ, фельдшерских пунктов, сколько церквей, моленных домов располагалось в округе. Без этого невозможно было создать представление о тактике и стратегии врагов Советской власти, о том, какие упредительные, профилактические меры можно было предпринять.

Возглавить всю эту сложную и кропотливую работу партия поручила Федору Николаевичу Лукоянову, испытанному революционеру, большевику с 1913 года. Вероятно, человеческой психике свойственно воспринимать прежде всего яркие, броские поступки, остро-драматические ситуации. Подспудная, продуманная, точно выверенная деятельность организаторов, как правило, остается в тени, хотя без нее невозможны никакие серьезные действия. Вот так же в тени, казалось бы, осталась деятельность Федора Николаевича Лукоянова, юриста, журналиста, большевика безукоризненной выверки, который соединил теорию и практику революционной борьбы на новом этапе, прозорливо определил главные направления борьбы с контрреволюцией в условиях Западного Урала. С июля 1918 года Ф. Н. Лукоянов назначается председателем Уральской чрезвычайной комиссии.

Человек необычайной биографии Павел Иванович Малков, Василий Васильевич Винокуров, герой баррикадных боев 1905 года в Мотовилихе и гражданской войны Александр Лукич Борчанинов возглавляли в течение семи лет Пермскую ЧК. Кровавые кулацкие восстания, контрреволюционные заговоры, диверсии были повседневными событиями этих семи лет.

Но и в эти годы чекисты проводили в жизнь генеральную линию партии — быть всегда с народом, опираться на народ. Именно благодаря этой мудрой политике были раскрыты десятки заговоров, сотни людей поняли, с кем им по пути, и опустили оружие, направленное против Республики Советов.

Пермская губчека приняла самое непосредственное участие в формировании частей Красной Армии, которые отправлялись на борьбу с Колчаком. Важность такого шага трудно переоценить.

Запутанные эсеровскими лозунгами, одурманенные нажимом религии, вчерашние крестьяне, а нынешние красноармейцы должны были понять, во имя чего и против чего они борются. Объективно говоря, начиналось формирование солдата нового типа, который, в отличие от солдата империалистической армии, должен был твердо осознавать, для чего в руках у него винтовка. И незаурядную роль в пробуждении этого сознания сыграли чекисты.

Баржи смерти, распятые на крестах большевики, предсмертные слова которых несла на багровых волнах Кама, разрушенный мост, заледенелые трупы в черных рамках прорубей — колчаковщина. Сколько их осталось — недобитых белогвардейцев, сорвавших погоны, спрятавшихся в городах и деревнях... Чекисты разоблачали их, предавали праведному суду.

В тридцатых годах в Кунгурском районе кулаки сколотили организацию, целью которой было свержение Советской власти, в Пермской губернии создавались «Промпартия», «Трудовая крестьянская партия», «Союзное бюро меньшевиков» — очаги экономической контрреволюции. Чекисты проникали в эти организации, рискуя жизнью, срывали зловещие планы врагов.

А в годы Великой Отечественной войны! Вступили в единоборство не только две идеологические системы, но и разведки двух систем. Не секрет, что у разведок фашистской Германии был солидный опыт мирового шпионажа, шантажа, диверсий. Но закономерно, что советская разведка, органы ЧК выиграли и это единоборство. Органы госбезопасности не только противостояли мощной разведывательно-подрывной машине фашистской Германии, но и парализовали ее шпионскую, диверсионную, террористическую деятельность, обеспечили в разведывательном и контрразведывательном плане крупные оборонительные и наступательные операции советских войск, работу железнодорожного транспорта, оборонных отраслей промышленности в советском тылу, организовали за линией фронта, в самых сложных условиях фашистского тыла, широкую разведывательно-диверсионную работу.

Из прославленных имен советских разведчиков уместно, наверное, напомнить имя Николая Ивановича Кузнецова. Он родился

в 1911 году в Свердловской области, после окончания техникума приехал в Кудымкар, работал таксатором по устройству лесов в окружном земельном управлении. Осенью 1932 года в Коми-Пермяцкий окружной отдел ГПУ поступило заявление Кузнецова о готовящемся заговоре кулаков против Советской власти. В Николая Ивановича стреляли, он чудом избежал смерти. Так началась чекистская деятельность Кузнецова. Это был талант, это было призвание.

Вероятно, так или иначе, о таланте, о призвании, о судьбе чекиста повествует и эта книга. Авторы ее — писатели, журналисты — не претендуют на всеобъемлющий охват истории и деятельности ВЧК, ГПУ, КГБ. Можно рассказывать и рассказывать о подвигах мгновений и о кропотливой мыслительной работе в кабинетах, но все равно невозможно было бы раскрыть полную картину всего того, что называется деятельностью органов государственной безопасности. Будем надеяться, что страницы отдельных биографий, отдельные яркие штрихи этой деятельности дадут читателю определенное представление о работе чекиста, о том, как вместе с партией, с народом органы государственной безопасности страны защищали и защищают ее достоинство и ее достояние.

Книга заканчивается очерками о последнем периоде Великой Отечественной войны. Разумеется, после салюта Победы для чекистов мирные дни не наступили. Империалистические идеологи, утратив главную ударную против Советского Союза силу — германский фашизм, изыскивают новые способы борьбы с нашей страной. Огромные денежные средства, гигантский пропагандистский аппарат — все подчинено подрывной деятельности. Борьба продолжается, чекисты бдительно охраняют интересы Советского государства.

Об этом свидетельствует высокая оценка, данная XXVI съездом КПСС деятельности органов КГБ СССР. В Отчетном докладе ЦК сказано:

«Острота классовая борьба на международной арене предъявляет высокие требования к деятельности органов государственной безопасности, к партийной закалке, знаниям и стилю работы наших

чекистов. Комитет госбезопасности СССР работает оперативно, на высоком профессиональном уровне, строго придерживаясь положений Конституции, норм советского законодательства. Зорко и бдительно следят чекисты за происками империалистических разведок. Они решительно пресекают деятельность тех, кто становится на путь антигосударственных, враждебных действий, кто посягает на права советских людей, на интересы советского общества. И эта их работа заслуживает глубокой признательности партии, всего нашего народа».

Генерал-майор
Н. Щ е р б и н и н

Чрезвычайные полномочия

Пленарное заседание исполкома Пермского городского Совета 15 марта 1918 года вел его первый председатель Александр Лукич Борчанинов. Решался вопрос о создании в Перми чрезвычайного комитета. К этому времени в городе и уездах огромной губернии власть взяли в свои руки Советы, но враги новой власти саботировали ее мероприятия, вели контрреволюционную агитацию, стремились создать продовольственный кризис, кое-где организовывали вооруженные выступления, убивали красногвардейцев, милиционеров, активистов.

Первая весна революции была трудной для всей страны. Еще в феврале Совет народных комиссаров в своем воззвании объявил социалистическое Отечество в опасности. Страна находилась в кольце фронтов. Потому и осмелела внутренняя контрреволюция. Александру Лукичу, недавно вернувшемуся в Пермь после подавления мятежа оренбургского казачества, лучше, чем другим членам исполкома, было известно, на что способны враги. Он знал, что борьба предстоит длительная и жестокая. В ЧК необходимо направить наиболее преданных делу революции, опытных и смелых людей. Каждая кандидатура обговаривалась особо. Члены исполкома понимали, что ошибки здесь не должно быть. В числе других была рассмотрена и кандидатура Павла Ивановича Малкова. О себе он рассказывал так:

«...В октябре 1912 года я приехал в Котельнич бывшей Вят-

ской губернии и поступил в частную столярную мастерскую, где познакомился со столяром Коломийцевым, возглавлявшим в то время кружок РСДРП. Кружок Коломийцева выписывал «Правду». Так под ее влиянием и воздействием Ленских событий я в конце 1912 года официально вступил в партию большевиков.

В июле 1915 года, в связи с преследованием со стороны полиции, переехал в Пермь и поступил на Пермский пушечный завод в модельный цех столяром.

За этот период, до начала Февральской революции, был пропагандистом, вел подпольную партийную работу, за что со стороны полиции подвергался в 1916 году неоднократным преследованиям. Со дня Февральской революции вел партийную работу в Мотовилихинской организации, был членом и секретарем цехового партийного комитета. В 1917 году был членом общегородского комитета большевиков в Перми и членом Совета, вел партийную и советскую работу до декабря 1917 года.

По организации Красной гвардии в Перми был избран начальником Красной гвардии городского района, а с 15 января 1918 года вместе с другими товарищами организовывал штаб Красной гвардии Советов и был членом его.

За время работы в Красной гвардии занимался организацией отрядов и принимал непосредственное участие в борьбе со всякого рода контрреволюционными выступлениями».

Участвовавший в заседании исполкома Федор Николаевич Лукоянов — один из организаторов Красной гвардии в Перми, первый председатель Пермской ЧК — рассказал присутствующим, что в октябрьские дни Малков вместе с рабочим Мотовилихи Васильевым создал красногвардейскую пулеметную команду из десяти пулеметов. Эта команда под их руководством охраняла Уралсовет на случай вооруженного выступления сторонников Керенского. Помимо этого, пулеметчики совместно с мотовилихинскими красногвардейцами охраняли почту, казначейство, пороховые погреба. Действовали оперативно и смело.

За кандидатуру Малкова высказался и Александр Лукич Борчанюков. Немногословным было его выступление:

— Знаю товарища Малкова по совместной работе на Мотовилихинском заводе. При царском режиме он активно боролся за интересы трудящихся, одним из первых стал на защиту завоеваний революции. Партийная организация Мотовилихи вполне ему доверяет.

Членам исполкома был предложен для ознакомления документ, характеризующий деятельность Малкова: выдержка из протокола конференции пермских городских райкомов партии от 2 декабря 1917 года:

«2. Организация Красной гвардии, доклад тов. Малкова. Тов. Малков знакомит собрание с постановкой дела в Мотовилихе. Там рабочие цеха выбирают из каждых 25 человек одного наиболее надежного и испытанного. Находя невозможным несение двух служб, его освобождают от работы, и 5 человек, выбравшие его, делая отчисления от своего заработка, платят ему то, что он зарабатывал. Возникновение Красной гвардии и там относится к дням погрома, но теперь дело поставлено гораздо лучше. В настоящее время в распоряжении Мотовилихи находится 600 человек в полной готовности. Устроены штабы, где все время производится дежурство красногвардейцев. Формирование гвардии продолжается, и в скором времени будут вооружены и обучены 1000 человек».

Председательствующий Борчанинов предлагает утвердить кандидатуру Павла Ивановича Малкова в качестве члена Пермского чрезвычайного комитета по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. «За» голосовали все члены исполкома.

Большая ответственность легла на плечи этого, в сущности, совсем еще молодого человека. В свои двадцать шесть лет он прошел нелегкий жизненный путь, но работа в чрезвычайном комитете требовала особых качеств. Он был предан делу революции, имел острое классовое чутье, но как недоставало ему образования! Хорошо бы засесть за книги, подучиться. Но обстановка того времени не допускала медлительности, она требовала принятия решительных мер. Необходимо было пресечь погромную агитацию монархистов, ликвидировать спекуляцию и саботаж.

Времени на решение иных вопросов не оставалось, надо было

действовать. Уже на третий день после утверждения Малкову выдается специальное удостоверение:

«Предъявитель сего удостоверения Павел Иванович Малков состоит членом Пермского окружного чрезвычайного комитета по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем и имеет право в любое время по собственной инициативе производить обыски, аресты лиц, реквизиции о конфискации товаров и имущества. Все организации обязаны оказывать ему содействие, предоставляя в его распоряжение нужные средства и технические силы. Все милиционеры и красноармейцы обязаны подчиняться всем распоряжениям товарища Малкова...

Председатель Пермского окружного
чрезвычайного комитета
Ф. Л у к о я н о в».

Возможность контрреволюционных вылазок в то бурное и тревожное время обязывала руководство пермских чекистов быть постоянно наготове. Прочесывание ненадежных городских районов и целевые облавы для очистки города от подозрительных элементов сменялись операциями по разоружению «диких» воинских эшелонов, шедших через станцию Пермь II преимущественно на восток. Как правило, во главе их находились кадровые офицеры бывшей царской армии.

Одну из операций по разоружению подобной воинской части впоследствии описал Владимир Федорович Сивков — в 1918 году товарищ (заместитель) председателя губисполкома и председатель ротного комитета Чусовской роты:

«Часов в 11 вечера по тревоге, объявленной Чека, значительная часть нашей роты прибыла на Пермь II, где нас встретил Малков с группой сотрудников. Он изложил командиру роты Колупаеву и мне примерный план разоружения эшелона, в котором было больше тысячи хорошо вооруженных солдат.

Рота, разбившись, заняла назначенные места. Вскоре к вокзалу со стороны Вятки подошел поезд. Было в нем примерно тридцать вагонов. Главной приметой этого поезда было знамя, насколько

помнится, зеленого цвета с изображением льва и солнца, укрепленное у дверей второго от паровоза вагона. А у полуоткрытых дверей третьего вагона на небольшом древке болталось подобие красного флага, означавшего, что тут находится командование эшелона. Сюда и забрался Малков. Назвавшись комендантом станции, он попросил заявку на снабжение прибывшей части боеприпасами и продовольствием и пригласил командира части для оформления заявки. Уход не ожидавшего подвоха командира части с комендантом был условным сигналом начала операции. Красноармейцы пошли вдоль состава, предупреждая солдат, чтобы они не выходили из вагонов в связи с эпидемией тифа, потом маневровым паровозом растащили состав на три разных пути станции и, отцепив вагоны, начали разоружение.

Командир части заявил в канцелярии коменданта, что его отряд — «часть особого назначения по охране посла Персии», и предъявил грязно сфабрикованный документ. Когда было установлено, что это фальшивка, командир отряда и его адъютант с десятком солдат, находившихся при них, были разоружены и арестованы. Командиру, бывшему полковнику царской армии, было предложено подписать приказ о немедленной сдаче оружия всей его частью, что он и сделал после некоторого колебания. Разоружение закончилось спокойно. К десяти часам утра на склады губвоенкомата было сдано больше тысячи винтовок, около тридцати станковых и ручных пулеметов и большое количество патронов и гранат различных систем. Солдаты были отправлены на переформирование, а больше 200 офицеров ждали во дворе губчека перерегистрации».

Так, благодаря находчивости и смелости Малкова, удалось избежать вооруженного столкновения и задержать воинскую часть, которая впоследствии могла попасть к Колчаку.

О другой операции, проведенной под руководством Павла Ивановича Малкова, вспоминает ветеран партии и органов государственной безопасности Георгий Яковлевич Комельков:

«В июне—июле 1918 года мне, в то время солдату батальона Пермской ЧК, пришлось участвовать в операции по изъятию ценностей у пермского купца Лаптева. Для этой операции была вы-

делена группа солдат во главе с чекистами. Проводилась она по личному указанию тов. Малкова. В течение двух дней описывались товары, припрятанные для спекулятивной продажи. Дома купца были оцеплены, никого из домов не выпускали. Во время обыска в одной из комнат я обнаружил скрывавшегося белого офицера, имевшего при себе оружие. Когда по окончании операции было доложено Малкову, он пригласил меня и поблагодарил за проявленную бдительность, а в качестве награды вручил мне пистолет. Это событие, связанное с именем председателя Пермской ЧК, осталось в моей памяти на всю жизнь».

Вручение оружия Комелькову происходило в небольшом здании на углу улиц Петропавловской и Оханской (ныне Коммунистическая и имени Газеты «Звезда»), где в то время размещались чекисты. К сожалению, это здание не сохранилось. А было в нем, вспоминает машинистка Пермского чрезвычайного комитета Александра Петровна Голых, всего четыре кабинета, в одном из которых находились пишущие машинки. Запомнилось ей первое знакомство с Павлом Ивановичем Малковым. Когда был образован Чрезвычайный комитет, он зашел в кабинет, где Голых что-то перепечатывала с Марией Сивковой, и сказал девушкам: «Шура, Маруся, с нами будете работать». Простота и доброжелательность его обращения сразу же вызвали очень доброе к нему расположение. «На наш ответ, что мы не очень-то хорошо печатаем, Малков возразил: «Не боги горшки обжигают, и вы научитесь». В дальнейшем он о нас, как и о всех сотрудниках, проявлял подлинную заботу. И еще нравилась нам его доброта. Бывало, подойдет, спросит: «Как, девушки, дела?» Посочувствует, а когда надо — поможет. Сам Малков нередко обращался за советом к сотрудникам, в том числе и к нам, спрашивал, как лучше написать тот или иной текст. Работать ему приходилось очень много. Когда мы с Марусей уходили домой, он оставался в своем кабинете. Приходя утром, мы видели, что он уже на посту. Когда только отдыхал человек!»

Но до отдыха ли было в то непередаваемо трудное время? Теперь уже не восстановить, кто печатал под диктовку Малкова (да это и ни к чему) отчет губисполкому о деятельности пермских че-

кистов с марта по октябрь 1918 года. Важны сами факты: «...Разгон существовавшей в это время контрреволюционной буржуазной городской думы, этого гнезда местных толстосумов-кулаков, можно сказать, — начало деятельности Чрезвычайного комитета. Арест видных деятелей буржуазии, меньшевиков, правых эсеров и других контрреволюционеров был ответом дельцам подпольной работы за агитацию против власти Советов. Задуманная попами и разными темными силами провокация у Белогорского подворья с целью натравить массу на Советы и вызвать погром была своевременно ликвидирована.

Разразившаяся до невероятных размеров спекуляция поставила перед комитетом задачи энергичной борьбы с этим злом. Организованные реквизиционные комиссии на железной дороге выполняли свои задачи, а именно — тысячи задержанных на железной дороге разных спекулянтов, мешочников и других типов явились следствием работы этих комиссий...»

Малков весь был в работе. Ему, председателю Пермской ЧК, редко удавалось выкроить время, чтобы уделить внимание семье, позаниматься со своими малышами. Участие в работе губкома партии и губисполкома, решение чекистских дел отнимали у него едва ли не все время. Срочные вопросы часто возникали и в ночное время. Так было и шестнадцатого августа 1918 года. Ранним утром дежурный ЧК сообщил о получении важной телеграммы из Всечрезкома. Малков, привыкший к срочным вызовам, через несколько минут был уже одет в свою кожаную куртку. Взглянув на спящих детей, ободряюще кивнув жене, он обычным своим быстрым шагом направился к ожидавшей у ворот гостиницы пролетке.

К моменту появления Павла Ивановича в ЧК телеграмма уже была расшифрована. В ней сообщалось, что по железной дороге на восток по подложным документам едут белогвардейцы. Предписывалось проверять у всех пассажиров документы, подозрительных задерживать, о результатах доносить.

Как всегда, Малков действовал решительно и оперативно. По его указанию были вызваны сотрудники железнодорожного отдела, усилены наряды на станциях и на пристанях.

Уже в первый день было задержано несколько подозрительных лиц. Среди них выделялся некто Виголь, заявивший, что едет на восток с миссионерскими целями.

— Чем же он обратил на себя внимание? — спросил Малков у старшего наряда Третьякова.

— Как докладывали задерживавшие Виголя красноармейцы, — ответил чекист, — он довольно странно отнесся к своим вещам. Если бы ему не напомнили, что необходимо взять вещи с собой, — саквояж так и остался бы на скамейке. Содержимое проверили, ничего ценного не нашли.

— Необходимо еще раз проверить более внимательно и в присутствии незаинтересованных лиц, — потребовал председатель. — Похоже, это не простой миссионер. Не из тех ли он эсеров, которые разбежались после июльского мятежа в Москве?

Это указание Малкова было выполнено. При тщательном осмотре саквояжа в искусно заделанном тайнике были найдены документы, указывающие на отнюдь не миссионерскую деятельность Виголя.

В заключении, подписанном Малковым и другими членами коллегии Пермской ЧК, указывалось:

«...Задержанный Виголь Александр Карпович преследовал цель пробраться через фронт для помощи чехословакам, имел при себе незаполненные бланки с печатями, при обыске у него нашлись письма, устанавливающие связь Виголя с гельсингфорскими белогвардейцами, он, Виголь, состоя в комитете спасения родины в Гельсингфорсе, во время переворота способствовал белому террору, указывая лиц, подлежащих расстрелу, каковых было расстреляно около шестидесяти человек». Виголь был объявлен вне закона и как враг трудового народа расстрелян.

В тот вечер, когда Малков подписал заключение по этому делу, он допоздна засиделся в своем служебном кабинете. Необходимо было подготовиться к предстоящему заседанию губкома партии, где намечалось обсуждение положения, сложившегося в губернии с обеспечением населения продуктами питания. Павел Иванович решил еще раз посмотреть ленинские тезисы по продовольственному во-

просу. Занимался он в своем кабинете. Следуя старой привычке, делал записи в тетрадь для наиболее важных дел. Однако вскоре его занятие было прервано секретарем, вошедшим в кабинет.

— К вам, Павел Иванович, просит разрешения войти Феофанов Василий. Говорит, что знает вас и хотел бы переговорить лично по очень важному делу.

И почти сразу же в кабинете появился мужчина лет тридцати. По выправке и по тому, как он начал разговор, можно было определить бывалого солдата. Поздоровавшись и коротко напомнив о себе, как участнике разоружения белогвардейских воинских частей на станции Пермь II, он заговорил о существовании дела, осторожно подбирая слова:

— Еще во время службы в отделе милиции на Пермской железной дороге я и мои товарищи обращали внимание на подозрительное поведение комиссара охраны дороги Шитова...

— В чем же это проявлялось? Насколько мне известно, охрана организована удовлетворительно, до сих пор каких-либо серьезных упущений не наблюдалось.

— В том-то и дело, что внешне вроде бы все хорошо. Но, посудите сами, коммунистов в охране нет, кто сам ушел, а кого под разными предлогами перевели на второстепенные участки. В то же время в окружении Шитова появились такие люди, как Буркин — ярый контрреволюционер, имеет связь с белогвардейцами, Кланов, бывший офицер, Митрошин — бывший кадет и другие. Все они считают Советскую власть антивластью. Они и под меня подкапывались — не знали, что я партийный...

Беседа с Феофановым затянулась. Надо было подробнее узнать о тех людях, которых он считал врагами Советской власти.

Только поздно вечером Павел Иванович продолжил подготовку к предстоящему заседанию.

Между тем заявление Феофанова было поручено проверить контрразведывательному отделу. Сведения о враждебной деятельности Шитова подтвердились, он был арестован.

По указанию Малкова Военно-революционному комитету была дана ориентировка о состоянии охраны железной дороги. Предла-

галось передать охрану моста через Каму в надежные руки, а также усилить охрану других мостов. Однако более детального расследования чекисты в то время провести не смогли. Военно-революционный комитет тоже не смог принять необходимых мер. Это дорого обошлось пермякам. Во время отступления красных частей в декабре 1918 года, в результате предательства в охране, железнодорожный мост через Каму не был взорван, белогвардейцам досталась исправная магистраль.

Еще летом пермским чекистам пришлось участвовать в борьбе с мятежниками. Надеясь на приход белогвардейцев, представители свергнутых классов как в городах, так и в сельской местности поднимали контрреволюционные мятежи. Наиболее опасными из них были ижевско-воткинский и сепычевский. Под руководством Малкова была организована речная флотилия; она направилась вниз по Каме для подавления ижевско-воткинского мятежа. В село Сепыч, где особенно зверствовали кулаки, истязавшие и убивавшие большевиков и сочувствующих, отправился отряд чекистов во главе с начальником контрразведывательного отдела ЧК Воробцовым.

Прибытие чекистов, отрядов рабочих и красноармейцев положило конец сепычевскому мятежу. 23 августа 1918 года Советская власть в Сепычах и в соседних селах была восстановлена.

Видя зверства кулаков, среднее крестьянство и другие слои населения стали отходить от кулачества. Многие заблуждавшиеся поняли истинную роль чекистов в борьбе за интересы трудового народа. Этому способствовало и обращение Пермской ЧК к населению губернии, подготовленное по инициативе Малкова и через два дня после победы в Сепычах опубликованное в газете «Известия Пермского губисполкома». В нем говорилось:

«Товарищи рабочие и крестьяне! Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем объявляет всем гражданам, что ввиду неоднократных выступлений как отдельных лиц, так и целых общественных групп против Советов она будет принимать самые решительные меры с тайными контрреволюционерами. Те же самые меры она будет применять к спекулянтам всякого рода, мародерам и саботажникам, способствующим всем гнус-

ным проискам контрреволюции, не брезгующим всякими способами в борьбе с Советской Рабоче-Крестьянской властью. Чрезвычайная комиссия призывает всех граждан Пермской губернии и уезда быть спокойными, не нарушать мирного хода общественной жизни и не поддаваться на провокационные вызовы контрреволюционных буржуазных агентов из правого лагеря: меньшевиков, правых социалистов-революционеров и других прихвостней буржуазии.

Чрезвычайная комиссия заявляет, что она будет ограждать жилище и личность граждан от всяких покушений со стороны хулиганских, воровских банд. Чрезвычайная комиссия просит всех честных граждан помогать комиссии бороться со всеми этими негодными для общественной безопасности лицами».

После опубликования обращения в ЧК стало поступать значительно больше заявлений от граждан, многие приходили сами и сообщали о заговорщиках, расхитителях и спекулянтах. Эти сообщения помогли раскрыть белогвардейский заговор против штаба 3-й армии, располагавшегося в доме паромщика Мешкова, предотвратить враждебные действия отдельных работников военного комиссариата из числа бывших офицеров царской армии.

Трудно приходилось председателю Пермской ЧК Малкову — не хватало знаний. Всего два года удалось поучиться ему, сыну бедного крестьянина, в родной деревне Михеевцы Вятской губернии. В двенадцать лет он уже стал учеником столярной мастерской в городе Халтурине. Однако природная смекалка, хорошая трудовая закалка, настойчивость в овладении знаниями, общение с опытными коммунистами и собственная партийная работа, служба в Красной гвардии, а затем в ЧК выдвинули Малкова в число видных руководителей губернии. Много полезного для работы в органах Павел Иванович получил на Всероссийской конференции Чрезвычайных комиссий в ноябре 1918 года, где он был делегатом от пермских чекистов.

На конференции обсуждались меры по совершенствованию работы чекистов, по устранению недостатков в их деятельности. Об этом несколькими днями раньше, 7 ноября, говорил Владимир Ильич Ленин, выступая на митинге-концерте сотрудников ВЧК.

Слушая выступления делегатов, Малков еще отчетливее уяснил значение той деятельности, которую выполняли чекисты в центре и на местах, осуществляя непосредственную диктатуру пролетариата. Как программу действий воспринял он призыв проявить максимум революционной энергии, политической зрелости и беспощадно сметать с пути все то, что мешает пролетариату в его творческой работе.

Многое намечал сделать Малков по улучшению работы ЧК в Пермской губернии, возвратившись с конференции, но не все замыслы удалось ему осуществить. Борьба не утихала, наоборот, она становилась все более ожесточенной. Перми угрожала опасность захвата белогвардейцами, еще активнее стали действовать те, кто ждал их прихода. Семнадцатого сентября выстрелом из-за угла был убит военный комиссар Волегов, через месяц с небольшим от бандитских пуль погиб чекист Третьяков, в декабре левые эсеры пытались поднять смуту в Мотовилихе. Тревожные вести поступали с фронтов. Губернская ЧК работала день и ночь. Все коммунисты города были мобилизованы и переведены на казарменное положение. И все же, несмотря на самоотверженную работу чекистов, многие оставшиеся на свободе враги вредили как могли. Даже при приеме здания для размещения штаба был обнаружен подготовленный к взрыву динамит.

3-я армия, оборонявшая Пермь, не смогла противостоять белогвардейским частям, 24 декабря 1918 года город захватили колчаковцы. Но и в этой, казалось, безвыходной ситуации Малков до конца оставался на своем посту. При наступлении колчаковских войск на Пермь он вместе с другими товарищами и батальоном губчека организовал заслон, чтобы дать возможность эвакуировать учреждения и гражданское население. В течение двух суток они отбивали у колчаковцев захваченные ими составы и выводили их на станцию Чайковская, срочно направляя в сторону Глазова.

Беззаветной храбростью Малков завоевал уважение своих товарищей. Враги Советской власти его ненавидели. На третий день после взятия Перми колчаковцами реакционное духовенство, облачившись в ризы, кропило дома, где жили и работали большевики.

Особенно много «святой воды» было израсходовано на помещения ЧК, квартир Борчанинова и Малкова.

Что же было потом? Уже после гражданской войны Павел Иванович рассказал об этом в своих воспоминаниях. В газете «Звезда» от 17 декабря 1922 года читаем:

«Колчак, вытеснив из Перми, гонит нас дальше. Отступаем, но твердо верим, что за нами будет победа. Блюхеровская дивизия имеет в своих рядах закаленных товарищей, которые больше верят в победу и умеют ее добыть, чем кто-либо другой...

Село Петропавловское — крупное село, многим известное, в нем жили члены учредительного собрания, крупные торгаши, имеющие связи с Вяткой и Москвой, а главное, в этом селе есть сыны торговли — прапорщики и поручики. В селе расположен центр снабжения дивизии, база боеприпасов... Вся зажиточная свора, видя незащищенный тыл армии и воображая, что вообще красных мало, затевает гнусное дело — восстание в тылу, взвесив наши силы... и имея недалеко поддержку в районе Ижевска и ряде окружающих волостей. Эти господа начинают готовиться.

Обставлено дело у них настолько конспиративно, что только особое классовое чутье чекиста, всевидящего эту связь, определяет, где центр контрреволюции, и принимает меры к раскрытию заговора.

Дело серьезное, нужно спасти огнеприпасы для целой дивизии, предотвратить кошмарную расправу с тыла. Чутье, сообразительность указывают путь. Товарищ П. знакомит нас с товарищем Лихачевым. Долго рассуждать некогда, моментально решаем: я и Лихачев обязываемся быть помощниками в момент, когда приезжает гость — руководитель восстания...

Предлагаем свой план комитету действия. Нас прячут, мы с товарищем П. сидим в засаде. Сидим, поджидаем. Думаем, а что, если нас выдадут здесь, тем более место ненадежное? Знает об этом лишь прислуга, которая оказывает через нас Красной Армии содействие. Тесно, душно, шевелиться нельзя, услышат, дело будет проиграно.

Слышим, идут, собираются, наступают решающие минуты. План восстания готов. Необходимы действия.

Жутко и нам становится от того, что мы слышим, как ведут переговоры: уничтожить руководителей красноармейских частей, захватить склады, обрезать связь и тому подобное.

Тихо... Тов. П. передает: приготовиться. Необходимо действовать. Решающая минута. Мы выскакиваем из убежища. Никак не ожидавшие нашего появления заговорщики почти не сопротивляются, и скоро мы являемся победителями. Победенные отправляются для дознания и расследования к товарищу П.»

После отступления из города многие пермские чекисты оказались в рядах Красной Армии, участвовали в тяжелых оборонительных боях. Часть сотрудников Пермской чрезвычайной комиссии эвакуировалась в Вятку, откуда была направлена в действующую армию, в тыл колчаковских войск. Некоторые были зачислены в состав Уральской и Вятской ЧК.

А что же Павел Иванович Малков? В его биографии читаем: «...Я был срочно вызван в город Вятку для доклада специальной комиссии ЦК РКП(б), товарищам И. В. Сталину и Ф. Э. Дзержинскому, о причинах падения Перми...»

Комиссия возглавила работу по восстановлению боеспособности отступивших частей. Под ее руководством партийные организации Урала и Вятки провели массовую мобилизацию коммунистов. По предложению комиссии партийные и советские органы районов, занятых врагом, распускались, а коммунисты направлялись в войска и для организации подпольной работы в колчаковском тылу. Был обновлен состав военных комиссаров и политработников, улучшена партийно-политическая работа.

Комиссия дала оценку и работе чекистских органов Урала, «которые на общем фоне развала партийно-советской работы стали единственными представителями Советской власти в провинции, но без дополнения положительной агитационно-строительной работой партийно-советских учреждений сами оказались в совершенно изолированном, исключительном положении». Именно это подчеркнул Феликс Эдмундович Дзержинский, заслушивая представителей чекистских органов Урала, в том числе и Малкова.

Одним из итогов работы комиссии ЦК РКП(б) было образова-

ние в Вятке Военно-революционного комитета. 1919 год... Девятнадцатое января... Объединенное собрание партийных и советских органов... Протокольная запись...

«Собрание созвано по инициативе Председателя комиссии Совета обороны — Сталин, Дзержинский.

Порядок дня: организация в Вятке Военно-революционного комитета.

От Чрезвычайной комиссии — Малков».

По рекомендации Ф. Э. Дзержинского Вятский губком партии и губисполком назначили Малкова председателем Вятской ЧК. Кроме того, Павел Иванович был введен в состав тройки по обороне Вятки и назначен членом особого отдела 3-й армии.

Снова он на переднем крае борьбы!

Близость фронта чувствовалась во всем. В Вятке разместилось много различных учреждений, город и уезды губернии были переполнены эвакуированными. В этих условиях активизировали свою деятельность враги Советской власти, стремившиеся посеять панику, дезорганизовать тыл Красной Армии, распоясались различные преступные элементы.

Малков организует облавы, проверки. Чекисты под его руководством помогают формированию воинских подразделений, снабжению фронта обмундированием и боеприпасами, пресекают злоупотребления хозяйственников, участвуют в ликвидации лишних учреждений и изгнании из города паразитического элемента.

Оптимизм, энергия Малкова воодушевляли его соратников и подчиненных.

Вятский период деятельности Малкова был хорошо известен Галине Петровне Рычковой — участнице установления Советской власти в Пермской губернии. Впоследствии в своей книге «Мгновения и годы» она вспоминала: «Павлу Ивановичу Малкову было тогда около тридцати лет. Всегда подтянутый, аккуратный, в куртке и кожаных брюках, высоких сапогах, он держался спокойно, уверенно и просто. Про Малкова говорили, что у него есть какое-то особенное чутье — умение разбираться в людях, выявлять их способности и привлекать к работе наиболее энергичных и сведущих».

Людей привлекало в нем и то, что даже в трудных условиях он проявлял заботу о своих товарищах, помогал им. «Я познакомилась с ним случайно в уездном городке Слободском, где остановилась после возвращения из Юрлы, — читаем в книге Рычковой. — Малков приезжал в Слободское в командировку и принял большое участие в устройстве моей дальнейшей судьбы: ему было известно об юрлинском кулацком восстании и расстреле моего мужа, которого он хорошо знал».

Но, пожалуй, главной чертой Малкова была его необычайная храбрость. В наиболее опасных операциях он всегда принимал личное участие. Так было и в Слободском, куда он выезжал во главе отряда чекистов для захвата группы бывших белогвардейцев.

В уезды губернии направлялись многие чекисты. Они выясняли обстановку, принимали меры по наведению порядка на местах. По их данным составлялись ежедневные сводки для Реввоенсовета 3-й армии, которая готовилась к наступлению.

Вот одна из таких сводок:

«Малмыжский уезд: с приближением фронта положение уезда неопределенное. В деревне Кугунур кулачество, ввиду приближения белых банд, разогнало сельский Совет и избрало новый состав, в который преимущественно вошли кулаки и спекулянты. Был командирован председатель волостного совета для разбора дел. Кулаки заявили, что они не согласны допустить бедноту к власти. Принимаются меры для перевыборов сельского Совета и восстановления порядка...»

Несмотря на усилия чекистов, во многих местах Вятской и на границах с Костромской и Вологодской губерниями стали группироваться поддавшиеся белогвардейской агитации дезертиры и представители имущих слоев. Бывшие офицеры и агенты Колчака готовили восстание в тылу частей Красной Армии на Восточном фронте; намечалось поднять его как раз в тот момент, когда начнется наступление наших войск. Реввоенсовет 3-й армии принял решение послать экспедиционный отряд для уничтожения гнезд контрреволюции. Малкову поручается возглавить экспедиционный отряд и действовать согласно выработанному плану. Ему дано право прини-

мать все меры, чтобы контрреволюционные очаги были уничтожены. Действовать предписывалось решительно и беспощадно, не причиняя вреда мирному населению.

В удостоверении, подписанном командующим 3-й армией, указывалось:

«Предъявитель сего товарищ Малков есть начальник специального экспедиционного отряда, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Товарищу Малкову разрешается подача телеграмм «военная», разговор по прямому проводу со штабом Третьей Армии и проезд в штабных вагонах в районе расположения Третьей Армии.

Всем военным и гражданским властям надлежит оказывать полное содействие товарищу Малкову при исполнении им служебных обязанностей».

К тому времени вятские чекисты располагали сведениями о готовящихся выступлениях, известны были и некоторые главаря. С учетом этих данных Малков распределил силы отряда, включив в каждую самостоятельную группу чекистов, знавших обстановку в уездах, где предстояло действовать. Командирам было предложено опираться на местный актив — коммунистов и сочувствующих.

В результате операций, проведенных под руководством Малкова, были ликвидированы контрреволюционные очаги на территории Вятской губернии. Удалось выявить около двадцати тысяч белогвардейцев. Все это способствовало победам Красной Армии на Восточном фронте, скорейшему освобождению Урала от колчаковцев.

К первому июля 1919 года вся Вятская губерния была очищена от врагов, белогвардейцев изгнали из ряда уездов Пермской губернии, вновь стала свободной Пермь. На родине Малкова, в Вятской губернии, сравнительно спокойно.

Мысленно Малков уже давно в Перми. Лучшая пора его жизни прошла в этом городе. Победы, конечно, радуют, но чем, какой мерою измерить горечь отступления, потерю многих товарищей? Одни сложили головы в открытом бою, другие не вернулись из колчаковского тыла, многие, оставшиеся на захваченной территории, погибли от рук карателей. Все это оставило глубокий след

в душе Павла Ивановича. Изменился даже его облик. Он посуровел, лишь изредка можно было увидеть на его лице добрую улыбку.

Как только в Перми был создан Военно-революционный комитет, Малков оказался на новом посту. Вновь он назначается председателем Пермской чрезвычайной комиссии. И хотя колчаковцы были выброшены с Урала, работы чекистам хватало. В Пермской губернии оставалось еще немало скрытых и явных врагов Советской власти. Они всячески вредили. В Осинском, Пермском, Оханском и других уездах белогвардейские банды, скрывавшиеся в лесах, терроризировали местное население, грабили, убивали.

Сложнейшее положение складывалось на Печоре и севере Чердынского уезда. По поступившим в ЧК сведениям белогвардейцы, поддерживаемые английскими интервентами, организовывали воинские формирования для действий в тылу Восточного фронта и помощи Колчаку.

Это очень тревожило Пермский комитет обороны и губком партии. Тридцатого ноября 1919 года, на внеочередном совместном заседании, проходившем под председательством Емельяна Михайловича Ярославского, были заслушаны доклады Малкова и других товарищей о положении на севере края. После обсуждения решили направить туда значительные силы, объединив командование в одних руках. В Екатеринбург был послан нарочный за оружием, одновременно приступили к сбору теплых вещей для отправлявшихся на север отрядов. Наряду с этим предусматривалось «провести мобилизацию коммунистов Усольского уезда; снять отряд из 33-й бригады, находившийся в Ильинском, и двинуть на север, двинуть на север отряд товарища Назукина из Усольского уезда; выбрать наиболее обученных и пригодных к военным действиям добровольцев Союза молодежи, находящихся в данное время в территориальном полку».

Из воспоминаний участника северных боев Сергея Георгиевича Варова:

«...В сентябре 1919 года стало известно, что на севере появились какие-то вооруженные банды. Эти банды захватили Троицко-Печорский район и начали продвижение к Корепинской волости Чердынского уезда. Сразу же из Чердыни был выслан отряд в количестве 60 человек под командованием коммуниста Голубева. Трагическая участь постигла этот отряд. Он продвинулся до пристани Якша на Печоре, но здесь был окружен частями интервентов и полностью уничтожен.

Положение становилось серьезным. Нужно было предпринять спешные и решительные меры. Я в то время был комиссаром 22-го отдельного батальона войск ЧК. Помню, вызывает меня к себе председатель Пермской ЧК по борьбе с контрреволюцией Павел Иванович Малков.

— Надо, — говорит, — Сергей Георгиевич, кончать с белогвардейцами. Слышал, опять зашевелились?

— Слышал, Павел Иванович, — отвечаю, — надо кончать.

— А коли так, то придется туда ехать.

— Не возражаю.

Ничего больше не сказал я в тот момент председателю, но в душе был рад, что посылают меня на такое ответственное задание...»

С присущей ему энергией Малков организует отправку воинских подразделений на север для борьбы с белогвардейцами, находит время со многими побеседовать лично, проявляет заботу о людях, отправляющихся воевать в трудных и сложных условиях. Уже в декабре направленные на север воинские подразделения имели некоторые успехи.

Из донесения Ф. Э. Дзержинскому. 2 декабря 1919 года.

«На Чердынском участке противник вел наступление превосходящими силами под прикрытием бомбометов, минометов, артиллерии, при большом количестве пулеметов, (белогвардейцы) широким фронтом подходили на 30 верст к Чердыни. 30 ноября наши части под Искором одержали блестящую победу: противник потерял 200

убитыми, в том числе 15 офицеров, один пулемет, несколько винтовок. Наши потери 20 убитых, 25 раненых.

Используя победу, части перешли в наступление, захватив Искор, наступают на Ныроб. Мы срочно формируем подкрепление — обмундируем, вооружаем и направляем в Чердынь.

Просим вашего содействия через Реввоенсовет дать срочное распоряжение штабному 3 о беспрепятственном удовлетворении наших требований на вооружение и обмундирование. Предгубчека Малков».

Однако эта победа не была решающей. Противник готовил на севере большое наступление, целью которого была дезорганизация красного тыла, разгром нашей армии с левого фланга. Вернувшийся из расположения белогвардейцев чекист Шулаков сообщил, что главные силы белых находятся в Троицко-Печорске и состоят в основном из бывших офицеров и так называемых добровольцев, фактически же спровоцированных и мобилизованных белыми местными жителями. Операция в направлении Перми возложена на 10-й северный полк, в составе 700 штыков при восьми пулеметах, а 1-й и 14-й северные полки вели наступление в Юго-Западном направлении и к концу первой половины ноября заняли Яренск и Усть-Сысольск. Приведенные данные подтвердили и военнопленные, захваченные под Искомом.

Об этом Пермский комитет обороны и губком партии сообщили в Реввоенсовет республики и во ВЦИК, высказав предложение передать командование всеми силами в Вычегодско-Кай-Чердынском крае в одни руки.

Последовал приказ, и командование войсками края было передано Малкову. В январе 1920 года он приступил к формированию штаба обороны. Действовать необходимо было срочно, белогвардейцы пытались нанести удар нашим войскам, захватить жизненно важные пункты на севере страны.

Из краткой информации о подвигах начальника обороны Вычегодско-Кай-Чердынского края Павла Ивановича Малкова, составленной на основе материалов штаба обороны края:

«...Несмотря на полное отсутствие в начале формирования сотрудников для штаба, последний был закончен формированием в конце второй недели февраля благодаря неутомимой работе товарища Малкова и обаянию его имени, привлекшего в кратчайший срок на посты его сотрудников, действительно энергичных и свежих людей, вдохновляемых примером начальника и приступивших к делу с места в карьер. Результатом явился тот знаменательный факт, что в конце третьей недели, к 20 февраля, организация обороны была закончена и войскам обороны был отдан приказ о наступлении в трех районах: Вычегодском, Кай-Чердынском и Тобольском».

К этому остается добавить, что противник не выдержал и направил к Малкову своих парламентаров. Белые пошли на все предложенные условия. В плен сдалось 76 офицеров и около восьми тысяч солдат, захвачено много вооружения, 28 пароходов и несколько барж с продовольствием.

В течение двух месяцев наши войска под командованием Малкова ликвидировали банды белых в Вычегодском, Кайском и Чердынском крае. Генерал Миллер — организатор выступления на севере — признал поражение. В освобожденных районах была восстановлена Советская власть.

Из автобиографии Павла Ивановича Малкова:

«...По ликвидации Северного фронта я был вызван в Москву для доклада о проведенных мною операциях, после чего... был представлен к награде орденом Красного Знамени и тогда же получил назначение на Северный Кавказ на должность начальника Северо-Кавказского сектора войск внутренней охраны республики и председателя Донской чрезвычайной комиссии.

Назначая меня на Северный Кавказ, товарищ Дзержинский лично беседовал со мной и указал мне на необходимость принятия мер к быстрой ликвидации остатков белобандитских отрядов, оперировавших в то время в разных городах Северного Кавказа, подчеркнув, что это дело большой государственной важности».

Феликс Эдмундович поинтересовался, какие у Малкова имеются вопросы.

— Разрешите ехать туда с пермяками, товарищами по борьбе с колячковцами, — попросил Павел Иванович.

Такое разрешение было дано; наметили двухнедельный срок для формирования специальной пермской бригады. В нее вошли многие пермские чекисты, и в установленный срок она во главе с Малковым отбыла в Ростов-на-Дону. В конце мая 1920 года Павел Иванович принял командование войсками внутренней охраны Республики Северо-Кавказского сектора.

Войска под командованием Малкова активно участвовали в разгроме контрреволюционных восстаний в различных районах Северного Кавказа, а также в ликвидации десантов генерала Врангеля под командованием генерала Улагая и казачьего полковника Назарова. Северный Кавказ стал полностью свободен от белогвардейцев. Была одержана еще одна победа.

Борьба на фронтах гражданской войны стоила здоровья и жизни многим защитникам завоеваний революции. Вот и Малков сильно подорвал здоровье. В августе 1921 года отборочная медицинская комиссия предложила ему двухмесячное лечение с последующей сменой работы.

Павел Иванович никогда не щадил себя, выполняя свой партийный и чекистский долг. Вновь предстояла борьба теперь уже с болезнью, которая не позволяла работать с полной отдачей, а иначе он не умел и не мог.

Победителем он вышел и на этом фронте: болезнь отступила. После лечения Малков был направлен на партийную работу в Народный комиссариат внешней торговли, а затем как представитель советских внешнеторговых организаций работал в Аргентине, Уругвае, Испании, Колумбии, Бразилии. И там, неоднократно бывая в сложных ситуациях, он всегда оставался стойким защитником интересов Родины.

Умер Павел Иванович Малков в 1956 году в Москве.

Пермяки помнят его имя. В канун 50-й годовщины органов ВЧК—КГБ Пермский горисполком на своем заседании вновь принимает решение в отношении П. И. Малкова:

«Учитывая заслуги перед Советской властью председателя Пермской губчека Малкова Павла Ивановича, исполнительный комитет городского Совета решил:

переименовать улицу Светлую в улицу П. И. Малкова».

Большая жизнь

В личном деле Николая Михайловича Быстрых бросается в глаза обилие анкет и мандатов. В этом, однако, нет ничего удивительного. То суровое время, в которое он жил, накладывало свой неповторимый отпечаток и на людей и на документы. Революция хотела точно и достоверно знать, кто становится в строй ее борцов и защитников.

В одной из анкет, заполненной 22 сентября 1920 года, на вопрос: «Ближайшие задачи по переживаемому моменту?» (как видим, анкетой проверялась и политическая зрелость бойца!) Быстрых ответил: «Укрепить тыл, разбить Врангеля и польскую шляхту и зажечь пожар мировой революции».

В этом ответе весь он, его революционный романтизм, неукротимый энтузиазм, несгибаемая воля.

Размышляя о незаурядной личности Быстрых, невозможно не вспомнить слово «самородок». Да, самородок, ибо как не подивиться тому, что простой паренек с Урала стал революционером, видным чекистом-организатором.

Николай Михайлович родился 26 января 1893 года в Пермской губернии. Отец его работал на Мотовилихинском пушечном заводе токарем по металлу, получил два увечья и вынужден был уйти на пенсию. Впрочем, слово «пенсия» в данном случае звучит слишком громко. Это были гроши — десять рублей в месяц. А в семье десять ртов, всех надо и накормить, и обуть, и одеть, и выучить. Отец

пытался прирабатывать пеннем в церкви, и все же жилось тяжело и беспросветно.

Едва Коле Быстрых исполнилось четырнадцать лет, он бросил двухклассное училище и пошел на завод подручным. Работа была тяжелой, кровавые мозоли не сходили с детских рук, но он был рад, что мог хоть чем-то помогать семье.

Мотовилихинский завод стал для Николая Быстрых истинной школой революционной закалки. Вот что он писал в своей автобиографии:

«...На заводе меня окружала исключительно рабочая среда, и я воспитывал в себе исключительно рабочий дух. Я так полюбил свою профессию металлста, что меня не тянуло ни на какую другую работу. Мои товарищи по станку были старыми революционерами, от которых я получил политическое воспитание».

Да, Николаю, можно сказать, повезло: вместе с ним работали большевики Василий Сивилев, Иван Башков, братья Гребневы — Николай и Алексей. Особую роль в закалке Быстрых сыграл Василий Максимович Сивилев, возвратившийся к тому времени из ссылки. Он одним из первых рассказал Николаю о большевистской правде, поведал ему сущность таких слов, как «революция», «классовая борьба», «партия». Николай усердно выполнял поручения Сивилева: распространял листовки, предупреждал рабочих, собравшихся на сходки, о появлении полиции.

Революционная работа для Николая Быстрых стала самой жизнью. Не было ни одной забастовки на Мотовилихинском заводе, в которой бы он не принимал участие. Его увольняли с завода, трижды арестовывали.

С началом первой мировой войны Быстрых вместе с его сверстниками взяли в солдаты. Он попал в 194-й Троицко-Сергиевский полк, затем был переведен в 107-й запасной и, наконец, в 3-й Саратовский пулеметный полк. Николай и здесь ведет среди солдат большевистскую агитацию. После Февральской революции его избрали членом полкового комитета.

В царской армии Быстрых дослужился до старшего унтер-офицера, его послали в школу прапорщиков, но путь в офицеры ему

был закрыт напрочь: сыну ли рабочего, неблагонадежному, вручать золотые погоны?

В июне 1917 года Быстрых как специалист был откомандирован на завод.

Накануне Октября он стал большевиком. Рекомендовала его вся мотовилихинская партийная ячейка.

Мотовилиха жила предчувствием великих революционных событий, готовилась к новым боям. Быстрых участвует в подготовке вооруженного восстания, разоружает казачьи эшелоны, возвращающиеся с фронта.

В октябре 1917 года большевики создали в Мотовилихе красногвардейский отряд. Быстрых был назначен начальником пулеметной команды.

Как большевик Быстрых стал чекистом? Чем объяснить, что именно на этом поприще особенно полно раскрылись его незаурядные способности?

В. И. Ленину принадлежат слова, ставшие афоризмом: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...»

Уметь защищаться... Чтобы эти слова воплотились в реальность, в строй защитников революции вставали все новые бойцы — преданные, верные, готовые до последнего дыхания выполнять свой долг. В одну шеренгу с этими бойцами встал и Быстрых.

Кандидатура Николая Быстрых отвечала всем требованиям партии, предъявляемым к чекистам. Потомственный рабочий, он подчеркивал в одной из своих анкет: «Рабочий-пролетарий, весь век живу своим трудом».

В мае 1918 года Николай Михайлович Быстрых становится чекистом.

На самые боевые посты пришли люди, беззаветно преданные делу коммунизма. Они никогда не сидели за партой, не кончали академий. Их учила жизнь, революция. Отсутствие опыта заменяли классовое чутье, самоотверженность, революционный энтузиазм. Да

и опыт в огне боев приобретался во сто крат быстрее. Активных «штыков» недоставало, работы было невпроворот. И потому нет ничего удивительного в том, что Быстрых волею партии перебрасывался в этот период с одного участка на другой. Порой было и так: примет дела, доложит по инстанции, а ему уже вручают телеграмму — назначаетесь на новый пост, срочно, без промедления убыть к новому месту службы. Но неизменным оставалось одно: всегда назначали туда, где пуще всех других качеств требовалась, как отмечено в его характеристике, «железная пролетарская выдержка».

Первой ступенькой на сложном и многотрудном пути чекиста для Николая Михайловича Быстрых стала работа в Оханской уездной ЧК.

Вести о происках контрреволюционного охвостья — одна тревожнее другой — шли в Пермь из Оханска. Кулачье, подбиваемое белогвардейцами и эсерами, превратило крупные села, такие, как Шлыки, Острожку и другие, в свои опорные базы и все настырнее поднимало голову. В архисрочном порядке необходимо было принимать решительные меры для защиты революционных завоеваний народа от классового врага.

В Оханске Быстрых становится членом уездной ЧК, а вскоре и ее председателем. Именно здесь проявился у него талант чекиста, как сплав подлинной партийности, умения распознать и обезвредить глубоко затаившегося врага, опираясь на помощь и поддержку трудящихся.

Под руководством Быстрых чекисты раскрыли подпольную контрреволюционную организацию из числа бывших офицеров.

А было так. Рабочий Верхотурского склада сообщил в уездную ЧК о том, что в доме Колчанова по Елизаветинской улице вечерами частенько собираются подозрительные люди. Среди них этот рабочий опознал некоего Василия Палкина, который до революции окончил школу прапорщиков, а ныне работал в городской аптеке. Отец Палкина служил полицейским и безжалостно расправлялся с революционерами.

Чекисты взяли дом на Елизаветинской под особое наблюдение.

Сообщение рабочего подтвердилось — там собираются заговорщики. Надо было срочно выяснить, какие цели они преследуют. Быстрых предложил внедрить в их группу своего человека. Это удалось.

Однажды осенней ночью чекисты оцепили дом Колчанова. Низкие тяжелые тучи ползли над притихшим городком. По железной крыше неумолчно барабанил дождь. В доме тускло желтело лишь одно окно, остальные были плотно затянуты занавесками. Еще до того, как чекисты вошли в дом, кто-то невидимый в темноте, вероятно выставленный для охраны, заподозрив неладное, подал условный сигнал — протяжно свистнул. Медлить было нельзя — чекисты взломали запертую дверь.

В просторной комнате за длинным столом сгрудилось более двух десятков человек. На столе — закуска, водка. Один из «гостей» нервно растягивает мехи гармошки. Лица, подсвеченные неярким светом лампы, — испуганные, растерянные, но в глазах — лютающая злоба. В постели на высоко взбитых подушках лежал человек, натянув одеяло к самому подбородку.

— Ни с места! Руки вверх! — командовал Быстрых.

— По какому праву? — пытался выразить удивление немолодой широкоплечий мужчина с черной бородкой. — Мы отмечаем день рождения друга — Федора Андреевича Колчанова. Извольте убедиться — он лежит на кровати, в нижнем белье. Тяжко болен. И ваше вторжение...

— Не делайте большие глаза, господин Подлипский, — осадил ретивого «гостя» Быстрых. — Будьте уверены, мы разберемся, кто чем болен. Вот ордер на арест.

— Вы меня знаете? — оторопело, дрожащим голосом спросил Подлипский.

— Не только вас. И кроме того, нам известен род занятий друзей поручика Колчанова. Сдать оружие!

Заговорщики были арестованы. На допросах они пытались юлить, уйти от ответа за свои преступления.

При обыске в доме бывшего статского советника Подлипского, в котором принимал личное участие и Быстрых, был обнаружен едва ли не целый склад оружия с большим количеством патронов.

Много оружия изъяли чекисты и на квартирах других участников контрреволюционной организации. Был также обнаружен детальный план восстания. Целью его было — разгромить Оханский Совет, захватить власть в городе и, опираясь на силы эсеров и кулаков, охватить восстанием весь уезд.

Учитывая важные данные, добытые чекистами в ходе этой операции, Оханский Совет объявил в городе осадное положение. Были приняты срочные меры по пресечению вражеских происков во всем уезде.

2 сентября 1918 года по постановлению уездной ЧК, под которым стоит и подпись Быстрых, главари контрреволюционной группы были приговорены к расстрелу. Так в самом зародыше был сорван опасный заговор врагов.

При этом нельзя не отметить такой исключительно важный факт. Даже в условиях осадного положения Быстрых и руководимые им чекисты действовали на основе социалистической законности и справедливости. Они сумели отделить от истинных врагов тех, кто заблуждался и был втянут в подпольную организацию по своей политической слепоте. Свидетельство тому — и поныне хранящийся в архиве документ: постановление уездной ЧК, в котором говорится, что «не установлено ничего компрометирующего в действиях» ряда участников группы и они подлежат немедленному освобождению из-под ареста.

В ходе этой операции Быстрых на деле доказал свою способность организовать чекистов на борьбу с опасным замаскированным врагом, действовать стремительно и искусно.

Характерно, что о первых успехах Быстрых узнал Феликс Эдмундович Дзержинский, высоко ценивший таких преданных, талантливых людей. Председатель уездной ЧК получает назначение на новый, более высокий пост — заведующего оперативной частью и члена коллегии Вятской губернской ЧК.

К этому периоду относится еще одно знаменательное событие в жизни Николая Михайловича — его знакомство с замечательным полководцем гражданской войны Василием Константиновичем Блюхером. И тогда, когда отряд Блюхера совершал героический рейд

по тылам Колчака и выбивал бежавших из многих городов и сел Урала, и тогда, когда Василий Константинович возглавлял 4-ю, 36-ю и 51-ю дивизии, которые громили белочехов и белоказаков, неизменно начальником особых отделов, соратником прославленного начдива был Николай Михайлович Быстрых. Чекисты помогали укреплять боевой дух бойцов, принимали самое активное участие в партийно-политической работе среди местного населения и красноармейцев.

В мае 1919 года Быстрых получает мандат начальника активной части особого отдела 3-й армии Восточного фронта. Назначение это было очень ответственным.

К началу 1919 года Восточный фронт стал наиболее тревожным. Колчак, поддерживаемый интервентами, нанес удар на северном участке, чтобы в районе Пермь—Котлас соединиться с английскими и американскими войсками и совместно идти крестовым походом на Москву.

После захвата Перми быстрое наступление белых стало угрожающим.

Центральный Комитет партии принял экстренные меры, которые привели к изменению положения на Восточном фронте. В частности, в 3-ю армию были направлены кадры опытных коммунистов. А уже весной 1919 года наши войска начали наступление.

С этими событиями и совпадает назначение Быстрых. И хотя положение в 3-й армии было в основном исправлено, предстояла длительная борьба с агентурой противника. Здесь Быстрых и вступает в смертельную схватку с врагом.

Колчаковская агентура буквально наводнила тылы.

Начальником автомобильного управления армии был некий Карагальский, бывший царский полковник. На этом посту Карагальский чувствовал себя вольготно: специалистов по автоделу в ту пору, естественно, можно было пересчитать по пальцам, и ему не стоило большого труда вводить в заблуждение командование. Не жалея красок, он рисовал отрадную картину состояния автотранспорта, а сам через доверенных и близких людей делал все, чтобы выводить из строя машины, так необходимые фронту.

Прикрываясь своим авторитетом, Карагальский сколотил подпольную контрреволюционную группу, подкупами, обманом и шантажом вовлек в нее сотрудников ряда управлений штаба фронта и с их помощью добывал ценные сведения о наших частях.

Раскрыли группу вроде бы случайно — шофер, возивший Карагальского, однажды ночью замешкался у подъезда дома, где он жил, и стал невольным свидетелем его встречи с неизвестным в кожаной куртке. Карагальский, видимо, не ожидал прихода незваного гостя и стал зло отчитывать его, но тут же, вспомнив о шофере, перешел с русского языка на французский. Шофер сделал вид, что ничего не услышал, поспешно уехал, но через час обо всем уже знал Быстрых.

Установили наблюдение, выявили новые факты, и вскоре Карагальский и его подручные давали показания военному трибуналу.

Еще более сложным и значительным было дело полковника Кукова, поручиков Ельцова и Карагодина. Эти колчаковские офицеры сумели проникнуть в святая святых штаба 3-й армии — в ее разведотдел. Опасность была губительной.

Располагая всеми видами связи, агенты передавали в штаб Колчака сведения о каждом нашем разведчике, отправлявшемся в тыл белых, заранее обрекая его на гибель. В короткий срок была парализована разведка армии.

Но и они были разоблачены и обезврежены.

Это лишь конечные результаты операций, которые провел Николай Михайлович Быстрых в первые годы своей работы в ЧК. По ним можно судить, как нелегок чекистский хлеб, сколько за этими итогами бессонных ночей, адского напряжения, сколько было решено головоломных задач, какого невероятного труда потребовало каждое следственное дело.

Своего рода заключительным аккордом работы Быстрых в особом отделе 3-й армии была операция по выявлению агентуры Колчака среди пленных белых офицеров.

Красная Армия наступала, отвоевывая у Колчака Сибирь. В ходе наступления многие офицеры из разгромленных армий попадали в плен. Часть из них не расставалась с мечтой о восстановлении

старых порядков, тешила себя надеждой на временный характер поражений. Колчаковцы сколачивали вокруг себя пленных офицеров и готовились при благоприятной ситуации ударить в спину Красной Армии. Быстрых вовремя распознал эту опасность. Чекисты выявили организаторов заговора и тем самым предотвратили мятеж.

Меньше года прослужил Николай Михайлович Быстрых в 3-й армии. Третьего апреля 1920 года ему вручают новый мандат — начальника особого отдела Екатеринбургской чрезвычайной комиссии. Он руководит разгромом контрреволюционной организации в Тюмени.

Произошло это так. Отступая под ударами Красной Армии, войска Колчака бежали из Тюмени. Но в городе по заданию белогвардейского штаба были оставлены в глубоком подполье колчаковцы. Среди них и супружеская чета Бенер. Аполлон и Анна Бенер, выходцы из богатых помещичьих семей, охотно взялись выполнять задания колчаковского штаба. Они слыли хлебосолами, часто принимали у себя гостей. Это облегчало им выполнение задания: никто не придавал особого значения тому, что в их доме то и дело появлялись новые люди. Постепенно Бенерам удалось сплотить большую группу офицеров, которые намеревались поднять мятеж.

Однако и Бенеры, и их подручные вскоре были арестованы.

Между тем война еще не закончилась. Красная Армия разгромила Колчака, но в апреле 1920 года буржуазно-помещичья Польша вторглась в Белоруссию и на Правобережную Украину.

Партия бросает все силы на борьбу, проводит новую общепартийную мобилизацию. В части действующей армии влились тысячи коммунистов. В разработке плана разгрома белополяков непосредственное участие принимал В. И. Ленин. Главный удар предстояло нанести в Белоруссии, севернее Полесья.

Именно здесь, под Белостоком, находилась 16-я армия, в которую был направлен Быстрых. В этот напряженный период начальник особого отдела постоянно на передовой. И не удивительно: май 1920 года выдался крайне тяжелым. Белополяки заняли Киев, продолжали наступать.

Вскоре после приезда Быстрых в 16-ю армию им была организована сложная чекистская операция.

Началось с того, что артиллерия белополяков стала вести исключительно точный прицельный огонь по позициям наших войск. Принимались все возможные меры, чтобы сбить с толку подозрительно сверхметких пушкарей противника: чаще, чем обычно, менялись огневые позиции, из одних окопов в другие перемещались подразделения пехоты, строились ложные огневые точки. И все тщетно: артиллеристы противника будто своими глазами видели все это. Снаряды как бы теряли интерес к опустевшим окопам. Огонь артиллерии обрушивался на новые, только что занятые нашими частями, позиции, не проявляя никакого «внимания» к оставленным или ложным.

Дело дошло до того, что противник подверг артиллерийскому обстрелу штаб 10-й дивизии, во время которого погибли начдив и ряд сотрудников штаба.

Было ясно, что агенгура белополяков, окопавшаяся в нашем тылу, снабжает свои штабы шпионскими сведениями и, более того, корректирует стрельбу артиллерии.

Быстрых собрал чекистов на экстренное совещание. Агенты врага представляют опасность, подчеркнул он, ставя задачи своему аппарату. И до тех пор, пока мы не выявим шпионскую сеть, нечего и думать об успешных боях против белополяков. Наступление наших войск было под угрозой.

Чекисты взялись за работу. Как-то одному из них крестьянка рассказала о том, что на базаре в Волковыске она слышала от своей знакомой: если победят красные, всех мужчин угонят в рабство в Сибирь... Чекисту удалось узнать, кто пустил этот нелепый слухок, явно рассчитанный на то, чтобы вбить клин между Красной Армией и белорусским крестьянством. Звено за звеном — и обнаружилась целая цепочка. Она привела к прихожанам, слушавшим проповеди в костеле, а от них — к ксендзу Кляму, оказавшемуся матерым шпионом, руководителем контрреволюционной организации, в которой состояло до ста человек. Заодно с ним орудовала помещица Вольская. Их агенты сеяли ложные слухи, собирали сведения о частях Красной Армии, готовили восстание.

Вскоре арестованные агенты выдали и тайну сверхметкости польских артиллеристов. Оказалось, что в Брест-Литовске на телефонной станции действует корректировщик. Он точно направлял снаряды противника, летевшие через Западный Буг.

После этого Быстрых вместе со своими чекистами начал поединок с известным в то время белопольским контрразведчиком поручиком Клецем. Этому опытному резиденту удалось создать в прифронтовой полосе разветвленную шпионскую сеть. Ее участниками собирали информацию, взрывали железнодорожные мосты, склады с боеприпасами и другие военные объекты. Кроме того, резиденты разведок противника действовали в Минске, Седлеце, Брест-Литовске.

Успех на фронте... Порой он представляется лишь как результат наступления мощной лавины войск и техники. Такое представление, однако, слишком прямолинейно. Не было бы этой мощной лавины, если бы и чекисты не вложили в подготовку победы свои силы, ум и талант, не смогли бы разгадывать замыслы врага.

На фронте Николай Михайлович Быстрых не только разрабатывал и осуществлял чекистские операции, но, как правило, лично руководил ими.

Сохранился интересный документ — рапорт Быстрых на имя председателя особого отдела ВЧК:

«Сообщаю, что согласно заданию члена Реввоенсовета 16-й армии выехать с отрядом особого назначения на реку Наревка под Белосток для задержания отступающих частей нашей армии и восстановления порядка в тылу наших войск 20 августа выехал по направлению Волковыск—Белосток по железной дороге. Не доезжая 7—8 верст до Белостока, наш эшелон потерпел крушение благодаря разобранному пути и был обстрелян во время крушения ружейным и пулеметным огнем. Разобран путь был для отступающего в то время из Белостока бронепоезда «Воля», на который также 21 августа сего года утром в 9—10 часов было сделано нападение, и бронепоезд начал отходить по направлению на Волковыск, но путь ему был прегражден свалившимся нашим эшелонном под откос. Бандитами в количестве 200 человек с 3 пулеметами... было на месте крушения сделано вторичное нападение на бронепоезд, где часть

команды была перебита и ранена, и бронепоезд попал в руки белополяков. Но благодаря принятым мерам (наш отряд был приведен в боевой порядок и повел наступление, а также был вызван вспомогательный поезд) белополяки были отогнаны и бронепоезд был спасен. Бой за сохранение бронепоезда продолжался в течение 8 часов, ремонт же пути 4 часа. Раненых было с нашей стороны 60 человек, убитых 15 и без вести пропавших 3 человека.

Начальник особого отдела 16-й армии Быстрых. 30 августа 1920 г.»

Когда читаешь рапорт, не можешь отделаться от мысли, что все это («отряд был приведен в боевой порядок и повел наступление») происходило стихийно, само по себе, без какого-либо влияния со стороны Быстрых, без особого напряжения. Лишь данные о количестве убитых и раненых, приведенные в конце рапорта, говорят о горячей схватке.

Конечно же, все было гораздо сложнее. Поезд потерпел крушение, теплушки пошли под откос. Выскочившие из них бойцы, еще плохо соображавшие, что произошло, тут же попали в засаду и залегли под огнем противника. Среди бойцов началось замешательство, нашелся и паникер, готовый обратиться в бегство. Но Быстрых первый оторвался от земли и повел бойцов в атаку. Расправились с паникером. Боевой порядок был восстановлен. Восемь часов длился неравный бой — на стороне противника было и численное превосходство, и выгодная местность, и внезапность нападения, но чекисты выстояли, а затем и погнали врага, и спасли бронепоезд. Кроме того, после боя сумели восстановить и путь и бронепоезд.

За героизм, проявленный в этом бою, Николай Михайлович Быстрых награжден орденом Красного Знамени. В наградном листе в графе «Мотивы награждения» отмечалось, что «четырёхлетняя деятельность тов. Быстрых в чекистских органах полна самоотверженной борьбы со всеми видами контрреволюции, борьбы, требовавшей и умения, и неиссякаемой энергии, и революционной преданности. И тов. Быстрых с честью оправдал возлагавшиеся на него задачи».

С западных границ Быстрых перебрасывают в Крым, где он принимает участие в разгроме врангелевских войск, находясь на посту начальника особого отдела 6-й армии. В ноябре 1920 года он прибывает в освобожденный Симферополь, где решением Крымревкома назначается начальником особого отдела ЧК Крыма.

Наиболее примечательным событием в этот период была его работа в комиссии по фильтрации группы белых офицеров. По своему составу это была разношерстная масса — тут были и лица, занимавшие у Врангеля командные посты, и специально оставленная шпионская агентура. Были и колеблющиеся, которые уже расстались с иллюзиями и решили связать свою судьбу с Советской властью. Быстрых и его аппарату предстояла большая и кропотливая работа: искоренить притаившихся контрреволюционеров и привлечь силы честных военных специалистов на службу революции.

Много сил и энергии вложил Быстрых и в разгром махновщины.

Махновские части в Крыму повели яростную анархистскую агитацию среди населения, стремясь восстановить его против Советской власти. Они все больше скатывались к прямому бандитизму. Командование Красной Армии отдало приказ об аресте штаба махновцев. Провел эту операцию Быстрых. В ночь с 26 на 27 ноября все сотрудники махновского штаба, включая его начальника Гавриленко, были арестованы. На рассвете 27 ноября Быстрых уже докладывал предревкома Крыма о выполнении задания.

Чекистская деятельность Быстрых, прошедшего, по существу, все основные фронты гражданской войны, была по достоинству оценена. Ему вручили золотые часы с надписью: «Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

В этом же году Быстрых получил почетное оружие — серебряную шашку, на которой была выгравирована надпись: «Николаю Михайловичу Быстрых за храбрость в борьбе с врагами Советской республики от Феликса Дзержинского».

Молодому Советскому государству необходимо было организовать надежную охрану и оборону границ. Законодательным актом,

провозгласившим создание пограничных войск, был декрет правительства об учреждении пограничной охраны. Он был подписан В. И. Лениным 28 мая 1918 года.

Пограничным войскам вменялось в обязанность пресекать контрабанду и нарушение границы, защищать богатства территориальных вод от расхищения, осуществлять надзор на пограничных реках за соблюдением правил международного судоходства, защищать население приграничья от нападения банд.

Декрет точно определил политическое, экономическое и военное значение охраны границ.

У многих коммунистов рядом с партийным билетом лежал мандат: «Направляется в пограничные войска». Этот мандат был вручен и Быстрых. В октябре 1923 года его назначают начальником пограничных войск ГПУ Украины.

Николай Михайлович с головой уходит в новую для него работу. К февралю 1924 года прошла реорганизация охраны границы на основе объединения пограничных оперативных органов и пограничных войск. Были введены единая войсковая организация от округа до заставы, принципы единоначалия. Вместе с тем всемерно повышалась роль политорганов как проводников линии партии в войсках. Возглавляя Украинский пограничный округ, Быстрых постоянно выезжает на самые боевые участки границы, организует взаимодействие отрядов, заботится о наиболее целесообразной расстановке кадров.

Служба у пограничников западных рубежей была напряженная. Это не пугало Быстрых. Будучи по натуре человеком исключительно требовательным, он в то же время покорял людей своей самоотверженностью, выдержкой, умением принять точное решение в самой сложной ситуации. Его знали и уважали пограничники. Под руководством опытного чекиста они сравнительно малыми силами перекрывали пути шпионам, диверсантам и контрабандистам, постоянно повышали боевую готовность застав.

Часто бывая на границе, Быстрых постоянно напоминал пограничникам слова Ф. Э. Дзержинского из приветствия делегатам II съезда политработников войск ГПУ:

«Перед вами стоят две важнейшие задачи: во-первых, продолжить и развить до наивысших пределов работу по воспитанию наших войск в духе и направлении деятельности органов ГПУ и, во-вторых, сделать из красноармейцев пограничной охраны железных и сознательных стражей советских границ».

Совершенствованию пограничной службы Быстрых подчинил все — волю и опыт командиров, партийно-политическую работу, деятельность тыловиков. Он не терпел застоя мысли, равнодушия и косности. Личным примером стремился пробуждать у людей инициативу, желание вносить все новое, передовое в организацию охраны границы.

Быстрых требовал, чтобы пограничные войска, восприняв все лучшее, ценное из того, что накоплено боевым опытом Красной Армии, в то же время неустанно овладевали чекистским мастерством, искусством высокой бдительности. В тактике действий пограничников, по мысли Быстрых, особенно велика потребность в таких качествах, как мобильность, маневренность, внезапность действий, высокая эффективность огневых и ударных средств, способность пограничников скрытно и одновременно появляться в нескольких пунктах, чтобы упредить нарушителя границы. Быстрых был приверженцем так называемых летучих отрядов (прообразы будущих маневренных групп), которые, даже будучи оторванными на длительное время от ядра пограничного отряда, могли бы успешно вести бой с диверсантами и вооруженными группами противника.

Известно, что с самых первых шагов охраны границы родилась прекрасная традиция — крепкая, нерасторжимая дружба пограничников с трудящимися приграничья. Быстрых понимал, что помощь народа в охране границы при малочисленности пограничных застав особенно необходима. Участки были большими, совершенно отсутствовала инженерная и сигнализационная техника.

Нужно создать такую базу со стороны местного населения, со стороны бедняков, середняков, колхозников, чтобы у нас граница была ненарушимой, — так сформулировал эту важнейшую задачу Быстрых, выступая с докладом на первой окружной партийной конференции погранвойск Украины летом 1931 года.

Он рассказал о том, как трудящиеся приграничья спешат на помощь воинам в зеленых фуражках, если того требует обстановка.

Когда ночью на одной из застав прозвучал сигнал тревоги, активисты соседнего села устремились на помощь пограничникам. Они перекрыли все дороги, послали к начальнику заставы своих связных за получением указаний. На другом участке того же отряда не прошло и пяти минут после тревоги, как местные жители и лесники верхом на лошадях прискакали на заставу и предложили свою помощь.

Рост индустриальной мощи СССР создал необходимые условия для того, чтобы и на границу пришла новая техника. В части и подразделения начинали поступать улучшенные образцы стрелкового оружия, различное инженерно-техническое оборудование, отечественные автомобили. Шел процесс постепенной моторизации войск. Разрабатывался перспективный план внедрения радиотехники, зарождалась пограничная авиация. Теперь уже не только добрый конь да свои надежные, натренированные ноги выручали бойца-пограничника.

Трудно было, пожалуй, найти в пограничных войсках Украины такого энтузиаста и борца за техническое оснащение границы, как Быстрых. Он без устали ратовал за изучение техники, за овладение техническими знаниями прежде всего командным составом.

Николай Михайлович и сам всегда тянулся к знаниям. Он страстно любил книги, много читал, одним из первых поддержал идею шефства советских писателей над пограничниками.

В 1931 году закончилась боевая служба Быстрых на Украине. Итоги ее скупы, но достаточно четко оценены в одной из аттестаций: «Н. М. Быстрых поставил на должную высоту охрану украинской границы. Испытанный боевой чекист. Знает и любит военночекистскую работу. Обладает инициативой. Прекрасный товарищ. Пользуется общим уважением у работников ГПУ».

Вскоре Николай Михайлович Быстрых выдвигается на должность начальника Главного управления пограничной охраны и по

совместительству — начальником Главной инспекции ОГПУ по милиции. Два года проработал он на этом посту. В Москве были уже иные масштабы — на его плечи легла ответственность за всю советскую границу.

В то время на стол начальника ГУПО каждый день стопкой ложились тревожные сообщения из Средней Азии. В пограничных районах Таджикистана, Узбекистана и Туркмении ожили банды басмачей. Они совершали разбойничьи налеты на нашу территорию из-за кордона, бесчинствовали, убивали партийных работников, жгли дома жителей, грабили.

Для борьбы с басмачеством вместе с другими работниками партия направляет в Среднюю Азию и Николая Михайловича Быстрых.

С именем Быстрых и командира сводного отряда Хорезмского полка ОГПУ Масленникова связана самая крупная операция по разгрому последней банды басмачей в песках Каракумов в мае 1933 года.

Главари басмачей Дурды-Мурт и Ахмед-Бек были прямыми агентами английского империализма.

Восемь суток продолжалась погоня пограничников за басмачами. Пески, жажда, бойцы выбивались из сил. Тем, кто видел известный кинофильм «Тринадцать», нетрудно представить себе, в каких условиях совершал свой героический переход отряд. И все же пограничники успешно выполнили боевой приказ: настигли басмачей и вместе с отрядами дехкан наголову разбили их.

За умелое руководство боевыми операциями против басмачей Быстрых был награжден вторым орденом Красного Знамени и вторым нагрудным знаком «Почетный чекист». А когда исполнилась 15-я годовщина пограничных войск, на груди Николая Михайловича засиял третий орден — Красной Звезды.

После разгрома басмачества в Средней Азии Быстрых снова в Москве. Его последняя должность — главный инспектор пограничной и внутренней охраны, а затем заместитель начальника Главного управления милиции НКВД.

Большую жизнь прожил этот замечательный чекист!

Девушка из Чердыни

1

«**К**огда город Пермь заняли белые, я служил в команде конского запаса. При эвакуации многие с нашего полка, в том числе я, спрятались по разным квартирам, а когда власть поменялась, я вернулся на службу и снова находился возле лошадей, как и при красных. Через неделю после прихода белых к нам в команду пришел прапорщик Воронов Егор Иванович и предложил вступить в партизанский отряд против красных. Я сразу записался, потому что за годы войны хозяйство у меня в деревне довольно исхудалось, а Воронов обещал за службу лошадей и другое пособие».

Следователь губчека Александра Лепсис отложила ручку и потрясла затекшей кистью. Снова придвинула протокол.

«В январе 1919 года наш отряд выступил. Мы ехали по деревням и вербовали добровольцев. Часть людей приходила к нам с оружием, приносили даже пулеметы.

Обычно было так: мы прибывали в деревню, и там зажиточные мужики, духовенство и иные лица доносили нам о коммунистах, активистах, прочих сочувствующих Советской власти гражданах. После того мы приступали к расстрелам и поркам. Я тоже порол и расстреливал.

Помню такой факт: в деревне Старые Часовни Воронову указали на старика, который помогал бывшей там прежде Советской власти. Фамилию и имя его я помню: Фаддей Чертков. Воронов при-

казал мне и Маркелу Поносову увести этого старика за деревню, но чтобы он больше в ней никогда не появлялся. Мы с Маркелом отвели его к реке Ласьве, посадили на берег спиной к себе и выстрелили в него из винтовок. Он упал на снег, а мы ушли обратно в деревню...»

— Хватит! — сказала следователь и ударила ладонью по поверхности привинченного к полу стола. — Хватит рассказывать, Шумилов, подпишите здесь...

Облизывая толстые сухие губы, он склонился над бумагой, стал выводить корявую подпись. Окончив эту процедуру, он снова сел на табуретку и глазами бывалого, муштрованного солдата поглядел на Александру. Взгляд смелый, открытый. Скуластое широкое лицо, большой нос с вывороченными ноздрями. Цвет глаз светло-серый, словно они долго выгорали на солнце и под конец выгорели так, что почти слились с белками. Остались только зрачки — маленькие упорные точки.

Лепсис подошла к зарешеченному окну. Сад перед тюрьмой облетал. Листья лежали на влажной земле, узорно собирались в лужах. В саду играли ребятишки, с воплями бегали друг за другом. Эти ребята пережили здесь колчаковских вояк, так же бегали по саду... Она была тогда в Вятке, а по Перми ходили, гарцевали на лошадях такие вот шумилоры.

Ей стало страшно и одиноко. Сегодня, получив назначение в ревтрибунал армии, уехал муж, а она даже не смогла проводить его. Уехал и оставил ее, девятнадцатилетнюю девчонку, в должности следователя губчека, чтобы каждый день, один на один, в этом холодном кабинете встречалась она с бывшими царскими жандармами, шпиками охранки, колчаковскими секретными агентами, карателями и мятежниками. Вот и теперь — холодный и свирепый, выплеснутый на поверхность мутной волной белогвардейского разгула убийца сидит за спиной, ненавидяще сверлит глазами. Лепсис почти физически ощутила этот взгляд, зябко передернулась. Интересно, сумеет ли он быстро сменить выражение? Она резко обернулась — у Шумилова метнулись в угол зрачки, взбурвился желвак на мясистой щеке. Потом медленно крутнул в сторону следователя мощ-

ную шею — и усмехнулся. Щелкнул языком — Лепсис нутром почувствовала тогда, сколь опасен и дик может быть этот человек. Что ему жизнь другого? Щелк, щелк. «Школа классово-ненависти в натуре», — подумала она.

— Продолжим, Шумилов. Значит, ваш карательный отряд прибыл в деревню Бастрыги...

— Утром вызывает меня Воронов: неподалеку, говорит, на хуторе живет коммунист, арестуйте его вместе с женой, но сюда не приводите. Я взял с собой Онянова Фому и отправился. Коммуниста на хуторе не оказалось, мы взяли его жену и лошадь. Лошадь я привязал к своему седелку, а жену коммуниста гнали нагайками впереди себя. Как только мы заехали в лесок, я снял винтовку, приказал бабе повернуться и выстрелом в упор убил ее...

ОТСТУПЛЕНИЕ

Бывшего следователя Пермской губернской чрезвычайной комиссии Александры Ивановны Лепсис уже нет рядом с нами. Она ушла от нас недавно, пережив своих детей. А они, дети ее — погибший на фронте сын Владимир и умершая незамужней дочь Клара, — не оставили после себя потомства. И — делать нечего! — пришлось обратиться к всемогущему Документу.

Бумага долговечней человека! Она способна передать многое. Бывает, что-то давным-давно уже забылось, а бумага все помнит.

«Согласно последнему распределению сотрудников по разрядам я с 12 разряда переведена на 9, из чего усматриваю, что я совсем не соответствую занимаемой должности, а поэтому прошу откомандировать меня в Губревтрибунал, согласно ходатайству последнего, или перевести на другую должность (например, машинистки, делопроизводителя).

Лепсис».

«Настоящим удостоверяется право на ношение и хранение сотрудником ГубЧК Лепсис А. И. огнестрельного оружия: револьвера системы Смит—Вессон и 14 шт. патронов к нему».

«Тов. Лепсис предоставляется право подачи телеграмм с надписью «Военная. Срочно. Вне очереди»,

2

— В январе 1919 года я выпросил у Воронова отпуск и поехал верхом в свою деревню. Переночевав дома ночь, я поехал гулять к друзьям в село Егорьевское. После того как мы выпили, я пошел в волостное правление. Там как раз заседала колчаковская следственная комиссия, и члены ее попросили меня расстрелять приговоренных за пособничество большевикам Кощеева, Шардина и Лядову. Я согласился, мне добровольно вызвались помогать жители села Козлов и Rogozin. Приговоренных мы сначала избили нагайками, потом посадили в сани и повезли на расстрел. Отъехав версты две, я в каждого из них пустил сзади по пуле, а мои помощники их добивали. Rogozin взял у меня шашку и лично рубил лежащих на снегу людей. Вернувшись из этого отпуска обратно в отряд Воронова, я узнал, что за заслуги произведен в подпрапорщики...

— Какая же вы сволочь, Шумилов, — с трудом разжимая сведенные ненавистью губы, сказала следователь. — Какая же вы гнусная сволочь...

— А ты не сволочишься. — Он негромко хохотнул. Зубы — желтые, ядреные, крепко и густо сидящие — как молодой кукурузный початок. — Не сволочишься. А то не погляжу, что в тюрьме, — прихлопну, как блоху. Чтобы не сказала лишку. Мне — одно к одному, дальше тюремного двора все равно ходу не будет. А там разговор короткий. И — в сумку, как говорится.

— Будет вам грозиться. — Лепсис потянула на себя ящик стола, тронула лежащий там револьвер. Мурашки пробежали по коже. Черт знает, чего можно ждать от бандюги. Еще набросится, действительно... — Все равно ведь не успеете.

— Я-то? Успе-ею. Не таких, как ты, успокаивал. А уж тебя-то — х-ха-а!..

— Но какой смысл? Вы мне действительно противны. И мы с вами — враги, здесь нет сомнений. Только вот ведь какое, Шумилов,

дело: лично от своего имени я не могу предъявить вам никаких обвинений. Не имею права. Вас народ обвиняет. Люди, понимаете? Те, кого вы секли, да не засекали, рубили, да недорубили, стреляли, да недостреляли. Вам рядом с этими людьми больше жизни нет.

— В чем и дело. В чем все и дело... — Он сипло, обессиленно кашлянул, сказал с тоской: — Отвязались бы вы от меня. Скорее бы, да и... А там уж на меня сковородушку давно-о калят... Чего ждете-то, камиссары? Скорей, говорю!

— Куда торопитесь? — угрюмо спросила Александра. — Вам ведь еще меня надо успеть прихлопнуть. Или забыли?

— Тебя-то? Да ну, перестань... Это я шутейно. Теперь время есть — прежде чем муху зашибить, сто раз подумаешь. Лишний грех — зачем он мне нужен.

— Бога, Шумилов, вспомнили?

— Бога не бога, а пошел бы я сейчас, девка, в монахи. Тихим был бы монашком, ходил от обители к обители. Баловал бы с богомолками, тянул на обочинах сладкую водочку. И-эх!..

Что-то вспомнив, встрепенулся:

— Хотя опасно, конечно. Так-ту, помню, в вороновском отряде мы одного такого странника встрели. Сабелькой пощакотали — ох, бога-атый оказался, собака!.. — Он быстро и жутко сморгнул, потер ладони.

Лепсис покачала головой: ну, зверюга! Перевернула страницу:

— Продолжим дальше, господин подпрапорщик.

— Ошиблась, деушка: подпоручик, подпоручик я, да... В июне 1919 года мы с Вороновым оставили отряд, приехали в Пермь и явились в штаб колчаковской контрразведки. Там Воронов представил меня, и я дал согласие работать секретным агентом. После этого со мной провели двухдневную учебу и с другими пятью агентами отправили на фронт в секторе Пермь—Верещагино. Первый из агентов, Федор, в тыл к красным за сведениями идти отказался, и мы с Коточиговым по приказу начальника контрразведки его застрелили. Он не знал, что его будут стрелять, а мы уговорили его идти купаться. Пошли с ним на берег речки, предварительно взяв

в штабе револьверы. Он сел на береговом склоне и стал разуваться, а мы с Николаем сказали, что сначала посидим на берегу. Но, так как Федор разувался очень долго, я не выдержал и выстрелил ему в спину. Он упал и скатился в реку. Коточигов стал ругать меня и выговаривать, что я не мог подождать, когда Федор снимет второй ботинок. Он хотел взять себе его ботинки, они были хорошие, английские. Потом он полез в воду, а я пошел обратно...

ОТСТУПЛЕНИЕ

РЕГИСТРАЦИОННЫЙ ЛИСТОК СОТРУДНИКА ЧК

Фамилия, имя, отчество: Лепсис Александра Ивановна

Образование: среднее, гимназия, VIII кл., 1909—1917 гг.

Профессия: канцелярский труд

Знание языков: пишу, читаю на французском, латинском языках

Партийность: член РКП(б) с 11 апреля 1919 г., партбилет № 276

Ближайшие родственники: мать Могильникова Екатерина Александровна, муж — Лепсис Роберт Кристьянович.

Служебные отметки: принята на службу 13 августа 1919 года следователем особого отдела Пермской ГубЧК.

Краткая автобиография: до 16 лет училась на средства матери и отчасти на свой заработок от уроков. С октября 1917 г. поступила служить в Чердынский уисполком, была избрана секретарем исполкома и членом. В апреле 1918 г. вступила в партию левых эсеров, но в августе вышла из партии, так как в корне разошлась с тактикой левых с.-ров и осознала, что только партия коммунистов — действительная выразительница воли пролетариата, с того времени работаю как член РКП(б).

Краткая характеристика сотрудника: дельный, с широкой инициативой товарищ, способен с успехом выполнять любую из ответственных должностей, вплоть до члена коллегии.

Рекомендации: заведующего особым отделом ГубЧК Колобова, председателя ЧК Малкова, председателя Екатеринбургской ЧК Тунгускова.

В регистрационном листке нет упоминания о социальном происхождении Александры Лепсис. А между тем она — дочь купца, одного из известных чердынских промышленников братьев Могильниковых, владельцев лесопильного завода и судоверфи... — Впрочем, отца она потеряла рано, и вряд ли он повлиял каким-то образом на мировоззрение дочери. «Училась на средства матери и отчасти на свой заработок от уроков». Заработок от уроков! Как вспоминает Галина Петровна Рычкова, о которой мы еще скажем далее, расплачивались за эти уроки «чаще всего не деньгами, а ненужными подарками вроде каких-нибудь безделушек».

На фотографии из личного дела Шурочка Могильникова — в гимназическом узком платье, с толстой косой. В лице — наивность, простота, безмятежность юной провинциалки. Можно почувствовать и чуть хитроватое кокетство всем этим: вот, для вас я такая! Такой вы меня и принимайте. А что я храню про себя — это уж, позвольте, только мое дело.

Но ведь надо было иметь характер, чтобы из гимназических стен сразу — в партию левых эсеров! Тогда эта партия считалась боевой, авторитет ее создавался не одним поколением террористов, и немало молодежи на первых порах шло вслед за ее дерзкими лозунгами. Да и что оставалось юной, жаждущей найти свое место в политической борьбе гимназистке выпускного класса, если весь этот класс решил поддерживать эсеровскую программу? Быть в стороне от революции Шура не могла, не хотела, ее деятельной натуре это казалось преступлением, и вот она уже выступает до хрипоты на дымных собраниях, спорит...

А дальше — разочарование... Схлынула суматоха первых революционных месяцев, и все четче стала проступать, а под конец и начисто обнажилась мелкобуржуазная, анархистская, антинародная сущность эсеровских программных установок. Что же делать? Наверно, надо покинуть уездный город с разношерстием его группировок и ехать в Пермь, учиться, попытаться там понять, за кем же настоящая правда.

В августе 1918 года Шура Могильникова поступает на медицинский факультет Пермского университета — и почти сразу же остав-

ляет его. Без средств, работы, без всяких связей в чужом городе учиться было невозможно. Она стала голодать, принялась искать работу. Но биржа переполнена безработными, к тому же за душой — никакой, по сути, профессии. Надо возвращаться обратно в Чердынь.

Обратно? И стальная пружина, до поры до времени тихо дремлющая в Шуре, начинает стремительно раскручиваться. Уехать из города, кипящего бурными политическими страстями? Из города, где на площади перед оперным театром тем же летом похоронен был герой — матрос Павел Хохряков! Шура тоже участвовала в этой процессии, шла среди других под печальную музыку военного оркестра. Обратно?!

Мы не знаем путей, приведших юную Шурочку Могильникову в Пермскую губернскую чрезвычайную комиссию, где она с конца сентября 1918 года начинает работать делопроизводителем. Однако, учитывая боевую ее натуру, будем полагать, что ведомство это она выбрала не случайно.

Мы не знаем также, как протекала ее работа со дня приема на службу до момента эвакуации вместе с губчека в Вятку. Достоверно одно — и важнейшее — событие, произошедшее за это время в ее жизни: она познакомилась с двадцатидвухлетним латышом, секретарем Пермской губчека большевиком Робертом Лепсисом и вышла за него замуж.

3

— Во время эвакуации из Перми в июле 1919 года арестованные коммунисты и сочувствующие им лица были заперты в товарный вагон, стоявший возле Камы. Воронов вызвал меня и приказал принять участие в их уничтожении. И вот мы втроем — я, Кудыма (звать не помню) и один казак — по одному водили их в лабаз, зарубали шашкой и утаскивали в воду... Сколько зарубил, я не помню, не меньше десятка, да и был пьяный, не считал.

— Чем вы, Шумилов, занимались в Перми в последние дни колчаковской власти?

— В эти дни я занимался исключительно пьянством, ликвидацией арестованных и развратной жизнью.

Он вдруг затажно, с подвывом, зевнул, сладко потянулся и сказал:

— Да-а, пожил тогда...

— Скажите мне вот что, Шумидов: ведь вы в то время были уже подпоручиком?

— Конечно.

— А Воронов?

— Он поручиком был.

— Выходит, особенной разницы в чинах у вас не было? Почему же он вами распоряжался, как солдатом: туда иди, сюда езжай, того убей, этих расстреляй? Непонятно мне.

— Чего тут не понять? Погоны эти на плечи навесили — чтобы я заслуг своих не забывал перед начальством. Мы, мол, помним, и ты помни. А так я как быдлом для них был — так быдлом и остался. Я ведь понима-ал... Сначала крепился: скажут — пойду, сделаю по-солдатски, что приказано. А потом ненавидеть стал. Измываетесь, думаю, сволочи... С того и пил сильно. Перед тем как вашим в город вступить, я двое суток пьяный по городу шлялся, покаю не знал — все Воронова искал, пришить хотел... Ночью двух колчаковских милиционеров в переулке как-то встретил, порубал в капусту. И шашку там потерял. Утром пришел, искал — а ее уже нету, подобрали...

— Вот о чем в жизни жалею? — продолжал, помолчав, Шумидов. — Нет, не о том, много или мало вас порубал. Это мне теперь без разницы. Не о жизняке своей, в ней все верно, другого конца, кроме того, какой вы мне готовите, мне и быть не должно, и я то понимаю, и не скрываю ничего... А жалко мне, девка, ту шашечку. Вот ведь железяка, хреновина пустяковая — а жалко, как вспомнишь.

— Как, и все? — удивилась Лепсис. — Больше ничего не жалко?

— Детишек жалею еще. Пятеро их у меня... Еще жалею, что мало вашего брата на веку перебрал. А пуще всего — что Воронова, гада, тогда достать не смог. Ю-ух, гнида-а.. — взвыл каратель.

— За что же вы его, благодетеля, так возненавидели?

— Благодетеля-а? Нет, ты обожди... Он ведь богатенький, из богатеньких, 'вот' он кто-о! Он и на нас-то так глядел: мол, быдлы, мурло подвластное... А кончась война — опять бы такие, как я, к нему батрачить пошли? Ведь хозяйство-то мое — пфу, не хозяйство! Портки да рубахи сопретые — вся одёжа. Воронов мне лошадей сулил — где оне, лошади-те? Замутил он нас, отвратил от дому, а теперь — будто сукровица по мне все время текет! Зако-стенело, ссохлося все внутри, и сукровица по нему...

— Вас насильно к нему никто не тащил! — жестко сказала следователь. — И потом — что-то трудно мне верится, что не случись этого — так вы бы всю жизнь достойно в земле копались, детей своих растили. Охотней поверю в то, что в конечном счете все равно с кистенем на дорогу бы подались...

— Это может быть! — внезапно успокоившись, сказал он. — Я на войне задичал, в копейку человека перестал ставить... У Воронова так-ту бывало: который бонтся красных в расход пущать, а я его по сусалам, да и сам за шашку берусь: гляди, собака, как это делается!.. Потерял шашечку, вот жалость-та где...

— Ладно, Шумилов. — Александра закрыла папку. — Скоро мы с вами распрощаемся, дело ваше будет рассматривать революционный суд. Вы были искренни, и, рассчитывая на эту вашу искренность, я хочу задать еще один вопрос: вы не знаете, где сейчас может быть Воронов?

— А разве он не у вас? — встрепенулся Шумилов. — Значит, с Колчаком ушел. Не завидую тогда я вашим...

— Нет, он не у нас. Вот видите, я тоже откровенна. И он не у Колчака, а гуляет по нашей губернии, с таким же отрядом, в каком были вы.

— Ну и гуляй он, а мне-то что?

— Конечно, конечно... Не завидуете ему?

— Не лезь в душу. Не твое дело.

Лепсис выглянула в коридор, кивнула стоящему там сотруднику ЧК. Тот пошел к выходу: хлопнула за ним дверь, загрохотали вниз по лестнице кованые сапоги.

— Подойдите к окну, Шумилов, — сказала следователь.

Он встал, зыбкой походкой привыкшего к седлу человека подошел к зарешеченному светлому квадрату. Поверх каменного забора виден был сад, пыльные избы сбоку улицы, по которой удалялся усталым нестроевым шагом красноармейский взвод... Затем шумиловский взгляд переместился ближе, на узкую площадку между зданием следственных помещений и забором. По площадке медленно шли два человека. Один — приземистый, квадратный, в кожаной куртке, фуражка со звездой, другой — коротко стриженный, белесый, с лихими солдатскими усами под коротким носом, в голубой в мелкий белый горошек косоворотке и дешевом мятом костюме.

— Это ведь Сано Фирулев, — сказал Шумилов. — Точно, он. В вороновском отряде вместе были, он в унтер-офицерах ходил, отделенным. Эй, Сано! — вдруг рявкнул он. — Фиру-уль!

Несмотря на глухие, двойные рамы, мужчина в косоворотке услышал его: он остановился, вскинул голову к окну, затоптался в недоумении.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Бывшая соученица Александры Ивановны Лепсис по Чердынской женской гимназии Галина Петровна Рычкова, всю жизнь отдавшая партийной работе, оставила после себя книгу. Вышла она в Перми в 1972 году и называется «Мгновения и годы». Многие строки в ней посвящены героине нашего очерка. Например, о встрече с нею вьюжной февральской зимой 1919 года в Вятке, куда Рычкова эвакуировалась из Перми перед вступлением в город колчаковских войск. Семья Лепсис приютила ее, поселила у себя. «Шура, дружбу с которой мы пронесли через всю жизнь, вступила в партию в 1919 году в Вятке. Работая в горкоме РКП(б), я оформляла для нее партийные документы, и партбилет она получила из моих рук. Всегда деятельная, живая, отличный организатор, Шура в любое порученное дело вкладывала душу. У нее было доброе, отзывчивое сердце, она всегда помогала товарищам всем, чем могла, нередко делилась последним...»

Так пишет подруга.

Большую ценность представляют для нас и строки, посвященные мужу Александры Ивановны, Роберту Кришьяновичу Лепсису. Привожу их полностью, за отсутствием иных документов, повествующих о его жизненном пути и служебной деятельности. Судя по всему, это был славный человек, и его имя еще возникнет в литературе.

«Роберт Кришьянович Лепсис вступил в Коммунистическую партию на фронте в октябре 1917 года. Он родился в Латвии в семье батрака. Его родные переселились в Сибирь, в город Омск. Во время колчаковщины отца Роберта расстреляли белогвардейцы за участие в партизанском движении, брат был заколот вилами, а мать умерла от побоев. Роберт Лепсис в 1918 году работал секретарем Пермской губчека. В Вятке он сначала тоже работал в губчека, а потом был выдвинут на пост председателя ревтрибунала. В дальнейшем продолжал трудиться на руководящих постах в ревтрибунале и органах ЧК—ГПУ. Длительное время работал в Москве в ВЧК вместе с Ф. Э. Дзержинским. Его уже давно нет в живых, в моей памяти он сохранился как человек кристальной честности, неподкупной принципиальности и глубокой преданности делу Коммунистической партии».

4

С Фирулевым дело обстояло так. При наступлении наших войск он вместе с другими заключенными был освобожден из Пермской губернской тюрьмы. После этого он приехал в дальний уезд, явился в исполком местного совета, предъявил справку об освобождении и сказал, что подвергался при Колчаке репрессиям за большевистскую агитацию среди солдат. Этого оказалось достаточно, чтобы его тут же устроили завхозом в уисполком.

Однако вскоре в уезде была вскрыта контрреволюционная организация, имевшая целью мятеж и захват власти. В числе других ее членов был арестован и Фирулев. И снова он предъявил справку об освобождении и заявил о своих правах, как человек, пострадав-

ший за революционное дело. Тюремных бумаг его, как и иных заключенных, найти не могли — видимо, их уничтожили или вывезли колчаковцы. Сам же он, когда его допрашивали об обстоятельствах его революционной деятельности, врал и путался...

Попутно с этими происходили другие события: объявился и стал разгуливать по уезду белогвардейский карательный отряд. Удары высылаемых на его уничтожение красноармейских и чекистских подразделений падали, как в пустоту: отряд выскальзывал из-под них, внезапно появлялся с тыла и после короткого боя, весьма кровопролитного для красных, снова исчезал куда-то, замирал на время. Можно было понять и неспециалисту, что командует бандой весьма опытный, искушенный в тактике лесной войны человек. Кличка его была — Рябок. Кто скрывался под этим именем — никто не знал.

Время было смутное, по всему уезду кулаки и иные недруги Советской власти распространяли слухи о скором ее падении. Партийные, советские работники тоже знали о готовящемся мятеже, который, по замыслу его подготовителей, должен был одновременно вспыхнуть и заняться по всему уезду, как с нескольких сторон подоженный стог. Происходили убийства большевиков, активистов, служащих. На ночь сельский актив обычно собирался в сельсовете и запирался изнутри. Только так, плечом к плечу, можно было избежать ночной пули в спину, топора в сених, можно было оборониться в случае открытого нападения.

И вот ночью перед избой, где находился один из сельсоветов, раздался стук копыт, а следом затряслась от ударов дверь.

— Кто? — спросил председатель. — Все дома!

— Красногвардейский отряд с волости, — ответили из-за двери. — Прибыли на подмогу — говорят, банда у вас ожидается, да и вообще беспокойно...

Люди в избе зашевелились. Их было шестеро: председатель, юный секретарь сельсовета, деревенский большевик — потерявший ногу на колчаковском фронте инвалид, милиционер и двое чекистов, только что на случай мятежа прибывших в деревню из уезда.

Председатель подошел к лампе, стал высекать огонь.

— Прекрати! — сказал один из чекистов.

— Пусть! — сказал другой. — Что ты в темноте увидишь? Да и нет от нее никакого толку.

Лампа осветила окно и часть улицы перед избой, где стояли несколько человек в фуражках со звездами.

— Пускай давай! — закричали они. — Спать охота!

— Отпирать, что ли? — заметался председатель. — Ой, боязно! В Серьгах так-ту сельсовет на днях вырезали...

— И тебя вырежут, — угрюмо сказал милиционер, — если своих же красных бойцов станешь бояться.

Он вышел в сени, загремел там засовом. Рослый, кудрявый рыжий мужик зашел за ним в избу. Следом вваливались подчиненные.

— Ваш документ, товарищ! — потребовал один из чекистов.

— Обожди, дай хоть поздороваться, — ответил рыжий и стал обходить затворников, жать руку. Но фамилии своей в ответ не называл.

Помещение между тем наполнялось. И прежде чем хозяева поняли, что вошедших людей гораздо больше, чем тех, кого они видели в окно, с красноармейскими фуражками, на них набросились и обезоружили.

— Ну что, коммунисты? — похохатывая, хлопая себя плеткой по сапогу, обратился главарь к побледневшим сельсоветчикам и чекистам. — Не ждали? А мы — вона они где!

— Заприте-ко их в чуланку, мужики! — приказал он. — Да стечь строго! Васька, Иван — ясно? Завтра отоспитесь. А мы — ночевать давай. Эх-ха-а... Располагайся, ребя!

— Этих-то куды девать будем? — раздался чей-то хриплый голос.

— Куды-ы! А не знаешь — куды? Ладно, с утра батяка подьдет — разберется! Начальство! Ну, а наше дело нехитрое...

Утром большевиков вывели на небольшую площадь перед сельсоветом. Они стояли долго. Собралась вся деревня: люди были хмуры, молчаливы, изредка истерически вскрикивали бабы. Бандиты частью сидели на крыльце сельсовета, курили и разговаривали, частью кучками шатались по деревне, зубоскалили с девками. Но

все потянулись к площади и стали образовывать какое-то подобие строя, когда увидели вдаль, у ворот в деревню, несколько всадников. Два старика отворили ворота и замерли, руки по швам. Едущий впереди поднес ладонь к выгоревшей фуражке. Был он рябоват и раскос, плотен телом, темно-русые короткие волосы кое-где тронулись уже серебром. Кудрявый рыжий подобострастно подбежал к нему, тиснул руку, схватился за поводья лошади: видно, приехало его начальство.

— Здорово, мерзавцы! — обратился приехавший к сельсоветчикам и чекистам.

Они угрюмо молчали. Вдруг милиционер, пристально вглядывавшийся в него, сказал негромко:

— Здорово, Воронов.

Тот вздрогнул, вскинулся:

— Кто сказал? А ну, выходи!

Милиционер сделал шаг вперед.

— Так как ты меня назвал, камуния бесштанная, поротая задница?

— Задница у меня, верно, поротая, — спокойно ответил милиционер. — Твои ребята меня, Воронов, и пороли. Ноне в феврале. Да нет, не здесь я тогда был, в работниках жил в другом уезде. Никитята помнишь? Вон ты кто, оказывается, Рябок! Знать бы мне раньше...

— Иди к стене! — крикнул всадник, расстегивая кобуру.

Смертельно побледнев, милиционер сделал шаг к стене избы. Внезапно кинулся к огородной изгороди, легко вскочил на верхнюю жердину, но спрыгнуть не успел и после сухо прозвучавшего выстрела упал ничком в огород.

— Руби их, мужики. — Всадник взмахнул рукой с револьвером. Бандиты пошли к задержанным. Раздались крики, звуки ударов. Завизжали бабы в толпе, глухо роптали крестьяне...

Вместе с вестью о происшедшем до уездной, а потом и до губернской Чека донеслась и фамилия предводителя банды. Дальше же — установить его личность оказалось не особенно сложным делом. Вот где действует теперь старый каратель! Раньше думали,

что он ушел вместе с Колчаком, прихватив часть своего отряда. Остальная часть разбежалась — кто в места, где не знали о их деятельности, как Фирулев, кто — попросту домой, в родную деревню, вроде Шумилова. Правда, этот уже третий день своего пребывания среди односельчан отметил тем, что до полусмерти избил нагайкой на улице одного мужика за то, что тот якобы пять лет не отдает взятую когда-то литовку, после чего был связан земляками и доставлен ими в волость, оттуда направлен дальше...

Но вернемся к Фирулеву. Арестованные вместе с ним участники контрреволюционного заговора показывали на допросах, что на их собраниях завхоз уисполкома не один раз говорил, что имеет связь с белогвардейским партизанским отрядом, и обещал мятежникам обеспечить помощь этого отряда в случае выступления.

Значит, Фирулев связан с Вороновым. Это ясно. Чекисты предполагали даже, что они вместе служили в карательном отряде. Но этого было мало. Если Фирулев — вороновский резидент в уездном городе, значит, у него была связь с основной базой банды. А может быть, он и сам знает, где она находится... Однако начинать работу с ним до времени, пока не будет полностью установлена и изучена его личность, не решались. Что толку — работать вслепую! Нет ни козырей, ни фактов для разговора, и Фирулев живо раскусит их, догадается, что к чему. Ну, а так просто, за здорово живешь, признать свою связь с Вороновым — на это он вряд ли пойдет, знает, чем это грозит.

...Сотрудник губчека увел бандита, и площадка перед следственным помещением опять опустела.

— Значит, старого знакомого увидели, — сказала Лепсис.

— А! Знакомый! — хмыкнул Шумилов. — Нужон он мне!

— Нам зато нужен.

— Ясно. Не нужон был, так не показали бы. Нашто он вам сдался? Фируль и Фируль, никогда я его толком и за человека-то не считал.

— Считали или не считали — ваше дело. Меня интересует, как он оказался в колчаковской тюрьме, откуда его освободили наши части.

— А-а, это... Так тут проще простого получилось. Поехал это он в мае в Пермь, с донесением от Воронова, да возьми и нацепи прапорщичьи погоны. Покуда добирался, сходило с рук — вот он и обнаглел до окончательности. Пакет вручил честь честью, — так нет чтобы сразу же и обратно сломя башку. А он нашел тут каких-то знакомых да и закуролесил. Куражился, видно: я, мол, теперь господин, золотые погоны! Ну и наскреб, собака, угодил в комендатуру. А оттуда в трибунал. Во-первых, воинский беспорядок, во-вторых, колчаковцам-то это тоже нож вострый — когда мужик, скотина беспортошная, под офицера рядится. Сам знаю, на шкуре испытал... Ну, его и посадили, и в отряд нам сообщили. Ну, мы посмеялись, да и... Не больно жалели.

Александра позвала конвоира. Зашел венгр-красноармеец, хмуро кивнул Шумилову: пошли! Шумилов встал и пошел к двери. Остановился:

— Прощай, девка. Извиняй, ежели что не так. Я поначалу-то думал о тебе: фу-ты ну-ты, ножки гнуты! А ты — крепкая, ничего...

— Ладно вам, Шумилов! На днях приду заканчивать дело, еще поговорим.

— Да нет, это вряд ли...

— Почему? — насторожилась Лепсис.

— Погому... Пошли, нерусский!

Вечером в губчека позвонили из тюрьмы и сообщили, что подследственный Иван Шумилов во время прогулки пытался совершить побег, но был застрелен.

Александру эта весть застала в кабинете начальника особого отдела Колобова, где обсуждался план операции по разгрому банды Воронова. Только что здесь закончился разговор с Фирулевым, был этот разговор серьезным и обнадеживающим: Фирулев дал согласие на участие в операции.

— Жалко тебе Шумилова, Шура? — спросил Колобов, положив трубку.

— Нет. Не жалко. Было бы кого жалеть! — отрубил она.

— Что ж, — сказал начальник особого отдела, — он контра отпетая, конечно...

Вечером выехали в уезд. На двух пролетках. Впереди ехала Шура с бойцом чекистского отряда, сумрачным пожилым матросом, следом тряся Фирулев в обществе трех оперативников. Результатом долгого разговора с ним в губчека было то, что он согласился указать основные явки белобандитского подполья в уезде и вывести чекистов на основную лесную базу вороновского отряда.

Она смотрела на темные деревья по сторонам вязкой осенней дороги и думала о муже. Как-то ему придется одному? Ей-то еще ничего, она, как-никак, в родных краях, и мать вот приехала, живет вместе с ней, а Роберт...

Она ехала и не знала, что скоро, когда с Вороновым и его присными будет покончено, тоска по мужу сорвет ее с места и бросит в холодную Сибирь, где он будет работать председателем Енисейской ЧК, а она — красноармейцем женотряда, оперуполномоченным, заместителем начальника отдела ЧК, военследователем, председателем воентрибунала...

В 1922 году Роберта переведут на работу в Среднюю Азию, а она вернется обратно в Пермь с годовалым сыном и снова будет продолжать службу в аппарате ЧК. До тех пор, пока не дадут знать о себе предыдущие годы — годы страшного, изматывающего труда и напряжения...

И Шура вновь вспоминает дни жаркого лета 1918 года, когда она рвалась из Чердыни в Пермь, чтобы поступить на медицинский факультет университета, вспоминает давнюю, несбывшуюся свою мечту — стать врачом.

РАПОРТ

Ввиду непрерывной работы в органах ЧК в течение четырех лет и острой неврастении чувствую сильную усталость и утомленность, а потому прошу дать мне 2-недельный отпуск. Отпуск в первых числах июля необходим мне для подготовки и сдачи испытания для поступления в университет, к тому же чувствую сильную слабость и утомление нервной системы, и отпуск необходим для восстановления сил.

Считать Лепсие А. И. оставившей службу в силу ее поступления в университет.

**Председатель ГО ГПУ
Борчанинов.**

Пройдет несколько лет, и Александра Ивановна Лепсис станет человеком самой мирной профессии — врачом. Этому благородному труду она отдала всю свою последующую жизнь. В годы Отечественной войны работала в Свердловске хирургом и начальником военного госпиталя. После войны жила и работала в Москве.

«Окажите
вещескую
помощь»

В 1921 году Феликс Эдмундович Дзержинский внес предложение создать при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете комиссию по улучшению жизни детей. Эта комиссия была создана, и ее председателем стал Дзержинский.

Из приказа № 23 Всероссийской чрезвычайной комиссии. Москва, 27 января 1921 года.

«...Положение детей, особенно беспризорников, тяжелое, несмотря на то, что Советская власть не щадит для этого ни средств, ни сил.

Три года напряженной борьбы на внешних фронтах не дали возможность, однако, сделать всего необходимого в этой области для обеспечения и снабжения детей и окружения их исчерпывающей заботой.

Сейчас пришло время, когда, вздохнув (легче на внешних фронтах), Советская власть может со всей энергией взяться за это дело, обратить свое внимание в первую очередь на заботу о детях, этой будущей нашей опоре коммунистического строя.

И Чрезвычайные комиссии как органы диктатуры пролетариата не могут остаться в стороне от этой заботы, и они должны помочь всем, чем могут, Советской власти и в работе по охране и снабжению детей.

Каждая Чрезвычайная комиссия должна рассмотреть, что и как

она может сделать для детей, назначив для этой работы ответственного руководителя...»

«Пермь. Губчека. Просим выделить представителя в комиссию по улучшению жизни детей, желательно члена коллегии. Губуполномоченный ВЦИК».

Представителем ЧК в пермскую комиссию по улучшению жизни детей был выдвинут Василий Васильевич Винокуров.

ПАССАЖИРЫ «ЧЕТВЕРТОГО»

По Каме шли последние пароходы. Кончалась навигация. Весь день моросил дождь. Вода в Каме была холодной, темной.

Вся палуба, или, как ее называли, «четвертый класс», была забита народом. Сидели на мешках, лежали.

Обессиленные военной разрухой и голодом люди с Волги перебирались на Урал в поисках хлеба и крова.

Среди пассажиров был и Паша Ощепков. Его тело прикрывало длинное не по росту пальто непонятого рыжеватого цвета. Вместо карманов были прорези. Зато за подкладкой можно было спрятать что угодно.

Да и все беспризорники, устроившиеся в «четвертом классе», выглядели не лучше. Грязные, оборванные, голодные. Куда они ехали? Никуда. Просто ехали.

Для Паши пароходы были излюбленным видом транспорта. На какое-то время палуба становилась постоянным местом обитания. И пассажиры «четвертого» относились к беспризорникам дружелюбно, разговаривали, иногда даже подкармливали, хотя у самих есть было нечего.

Спал Паша обычно между двойным полом на корме. Ну а если место оказывалось занято, приходилось ночевать у колесного ограждения, за бортом. И все-таки не сравнишь с крышей вагона. Пароход медленно шлепает колесами по воде, никуда не спешит, и не надо каждую ночь искать новый ночлег.

Дорога для Паши Ощепкова была привычным состоянием. Другой жизни он почти и не знал.

Когда-то, как ему казалось, очень давно, жили в деревне большой семьей, то ли в Удмуртии, то ли в Вятской губернии. Отец ушел на заработки, да так и не вернулся. Тогда их и настиг голод.

Когда началась в 1914 году империалистическая война, они с матерью уже были в дороге. Шли в основном пешком, хотя Паша был совсем маленьким. Денег на билет не имели. Мать бралась за любую работу — лишь бы накормить сына.

Но настал день, когда Паша остался один. Мать умерла. И начались его скитания.

Паше шел тринадцатый год. Он все время куда-нибудь ехал. Где только не бывал: Астрахань, Баку, Тифлис, Казань, Пермь, Нижний Новгород, Самара...

И вот снова Паша ехал в Пермь. Цели у него никакой не было. Надеялся: на Волге голод, может, на Урале посытнее?

Пароход медленно шел вверх по Каме.

Паша сидел у борта с мальчишками. Уже который раз они обсуждали событие, случившееся на одной из камских пристаней.

Они ждали пароход. Наконец увидели: идет! Пароход под названием «Красная Звезда» подошел к пристани. Но посадки не было. На палубе развернули непонятное белое полотно.

— Сейчас будут показывать «туманную картину», — сказали Паше. Так в то время иногда называли кино. Паша пробрался к самому полотну. Тут объявили, что будет выступать Крупская. Кто такая Крупская — Паша не знал. Вышла невысокая седая женщина. Паша оказался рядом с ней.

— Слово жене Владимира Ильича Ленина!

Жена Ленина! Паша так и сел. Фотограф щелкнул фотоаппаратом.

Через несколько лет, когда Паша окончит в Перми курсы по подготовке в вуз и поедет в Москву учиться, он снова встретится с Крупской. На сей раз он сам придет к ней и скажет:

— Я из Шалашинской школы-коммуны. Хочу учиться. — И смущенно напомнит: — Я стоял рядом, когда вы выступали на пароходе.

Крупская позвонит в Замоскворецкий райком комсомола и скажет:

— Окажите всяческую помощь Павлу Ощепкову.

Потом, спустя много-много лет, когда Павел Кондратьевич Ощепков будет уже профессором, в хронике двадцатых годов, показанной по телевидению, он увидит снимок: Надежда Константиновна Крупская выступает на пароходе «Красная Звезда», а рядом — мальчик, и он с удивлением воскликнет:

— Да это же я!

Но до того времени в ту осень было еще далеко. И кто знает, куда бы увели его дороги скитаний, если б молодая Советская Республика всю заботу о нем не приняла на себя.

Вечером пароход пристал к маленькой пристани Оханск. Паша был здесь уже не первый раз. Он уверенно вышмыгнул на пристань. Толпилось много пассажиров в ожидании посадки. Он шнырял между ними, и его «тайник» под подкладкой становился все тяжелее, длинные полы били по ногам.

И вдруг кто-то крикнул:

— Облава!

Паша понял: беспризорников ловят. Он хотел перескочить на борт парохода и быстро прыгнул под перила. Но чья-то крепкая рука уже держала его за ворот:

— Ты куда?

Перед Пашей стоял матрос в бескозырке. Он показался очень большим. Мальчик привычно захныкал:

— Пустите, дяденька!

Но дяденька не пускал.

— Я, дяденька, коммунист!

— Нам таких и надо, — сказал матрос.

ЗАДАЧА НОМЕР ОДИН

Два года Пермь жила мирной жизнью. После Колчака остались взорванный мост, сгоревшие пароходы, остановившиеся заводы. Еще рыскали вооруженные банды, вспыхивали кулацкие восстания, да к

тому же надвигался голод. В город прибывали тысячи беженцев, беспризорных детей.

В эту пору Василий Васильевич Винокуров работал сначала сотрудником, а потом председателем Пермской губчека.

Винокуров только что вернулся из Усольского района. Ликвидировали банду.

Он был крепкого сложения, бритоголов. Курносый нос делал лицо мальчишеским. Но глаза его были воспалены, он кашлял. Каждую осень обострялась застарелая болезнь. Врач требовал немедленно лечиться, да Винокуров и сам чувствовал... Он сел, взял листок бумаги с дореволюционной рекламой на обратной стороне и написал заявление:

«Прошу дать мне отпуск. Я не мечтал в окопах об отпусках и отдыхах и даже когда получал официально таковые, ими не пользовался. А именно, когда получил первый отпуск на месяц в 1918 году, я уехал разоружать в Верещагино банду. Во второй отпуск сформировал отряд и ушел на фронт. В настоящее время сильно страдаю болезнью. Я отдаю жизнь за революцию, но хочу принести пользу как можно дольше».

Справка врача: «Винокуров В. В. страдает туберкулезом левого легкого и находится под моим наблюдением. Процесс не поддается полному излечению, что связано с чрезмерной работой, которую выполняет тов. Винокуров. Поскольку заболевание носит угрожающий характер, Винокуров должен быть освобожден от работы минимум на три месяца и подвергнут лечению».

Винокуров положил написанное заявление и справку в стол и стал читать бумаги.

«Разыскивается член следственной комиссии Колчака, живет под фамилией беженца Качура»; «Сбежал из-под ареста Аверин»; «Совершена кража на кожевенном заводе». Ага, вот опять о детском приемнике. Пишет неизвестный гражданин: «В г. Перми по ул. Торговой и Красноуфимской и особенно на рынке оборванные беспризорники часто с повязками вместо шапок распевают молитвы, вызывая сострадания прохожих и этим зарабатывая деньги, приучаясь к легкой жизни, а еще больше к воровству. В детприемнике нет ни

какого порядка. Дети целыми днями сидят на мостовой, играют в карты или толкаются на базаре. Когда будут приняты меры?»

А вот отчет воспитательницы Желтышевой о работе приемника: «Водопровод в помещении не работает, уборщицы нет. На кухне только два котла, в одном — каша, в другом — щи. В них же кипяток для чая и мытья полов. Состав детей — текучий, возраст — разный. Есть даже парни лет восемнадцати. Несмотря на трудности, ставим пьесы на революционные темы. Создали библиотеку. Читаю вслух. Рассказываю о себе. Из воспитательниц — я одна.

Нужно немедленно ехать в детприемник, все остальное — потом.

Детская беспризорность... С врагами революции бороться научились. Тут все ясно: их нужно уничтожать. А здесь враг — нищета, голод, безотцовщина. «Обратить свое внимание в первую очередь на заботу о детях» — таков приказ председателя ВЧК Дзержинского. В первую очередь!

Скопление беспризорников в Перми быстро росло. Гнал голод. Транспортной ЧК были организованы «летучие отряды» по установлению порядка на железной дороге. Детские дома не успевали принимать детей. Не хватало помещений, продуктов, оборудования. Эти заботы легли на плечи чекистов.

Было решено создать новый детприемник, образцовый. Чекисты подыскивали хорошее здание. Здесь оборудовали прачечную, мастерскую, баню. В одном крыле корпуса приемник для малышей, в другом — для подростков. Но не успели все привести в порядок, укомплектовать педагогический коллектив, как появилась первая партия детей. Оборванные, грязные, они каждый день поступали с вокзалов и пристаней. 350 детей, 400, 500... Приемник разбух, потерял всякое управление. Сразу свила себе гнездо воровская компания. В приемнике создалось чрезвычайное положение.

Винокуров приехал в приемник к обеденному времени. Но в столовой никого не было. Его встретила воспитательница Желтышева, молоденькая девушка.

- Почему никто не обедает? — спросил он.
- Они обедают когда хотят. Меня не слушают.
- Чем же они сейчас занимаются?

— Кто чем. Многие на толчок ушли.

Винокуров обошел приемник. Он с состраданием смотрел на грязных детей, которые сидели прямо на полу или валялись на постелях.

...В этот день было созвано экстренное заседание комиссии по улучшению жизни детей.

Представитель губоно зачитал справку: число беспризорных, находящихся в детдомах и приемниках Пермской губернии, составляет 12 214 человек. Кроватей не хватает 8000, простыней — 8500, одеял — 7730, пальто — 6700. Детских домов в 1918 году было 45, а в 1921 году — 175. Хлеба выдается в месяц на одного ребенка 75 процентов к норме (22 фунта), мяса — 30, корнеплодов — 80, соли — 100, сахара — 6 процентов, крупы нет совсем.

В работе комиссии принимали участие представители всех организаций, ведающих обеспечением и снабжением детей: губкома партии, губоно, губсоцвоса, губздравотдела, губпрофсовета, женотдела, ЧК. Все эти люди были голодны, плохо обуты и одеты. Но о себе они думали в последнюю очередь. Как накормить и одеть детей?

Как-то еще зимой к Винокурову пришла девочка.

— Ну, что скажешь?

Девочка села на стул и подогнула под себя ноги.

— Я в школу больше ходить не буду.

— Почему?

— Не в чем.

— Родители есть?

— Нет, умерли. Я из детдома.

Винокуров внимательно посмотрел на нее.

— Ты так и ходишь зимой? — спросил он, потому что девочка была в старой вязаной кофте, платке, на ногах подвязанные веревкой рваные ботинки.

Девочка кивнула.

Винокуров что-то написал на бумаге с печатью, подал ей.

— По этой бумаге в финотделе получишь деньги, купишь пальто и валенки. — Улыбнулся: — Обязательно зайти ко мне в обновке.

Вечером девочка пришла радостная, в новом пальто с собачьим воротником.

— Молодец, хорошее пальто, — похвалил Василий Васильевич. — А где же валенки?

На ногах девочки были новые туфли.

— Очень уж красивые, — смутилась девочка. — Я в туфлях прохожу.

Винокуров покачал головой:

— Ладно, приходи еще раз завтра.

Девочка пришла. Винокуров достал откуда-то из-под стола валенки и сказал:

— Носи!

Девочка эта — Галя Максимова — стала потом учительницей, сорок лет проработала в школе, воспитывала детей. И ныне, вспоминая этот случай, она говорит:

— Так и не знаю, где он достал эти валенки. Может, из дому принес, может, купил. Долго я в них ходила.

...Продолжалось заседание деткомиссии. Обсуждался вопрос о чрезвычайном положении в городском приемнике. Слово взял Василий Васильевич Винокуров.

— В городе складывается тяжелое положение, — сказал он. — Из мест, пораженных голодом, тысячи детей с родителями и самостоятельно перебрались в Пермь и здесь осели. Многих детей выбросила на улицу гражданская война и разруха. Железнодорожные станции кишат голодными детьми. А что значит беспризорный ребенок? — продолжал он. — Тот, кто живет при родителях, получает не только кусок хлеба и теплый угол, но и самое главное — родительскую ласку, чего не имеет ни один беспризорник. Тут обратное: беспризорник кругом видит тех, кого считает своим врагом. Он постепенно превращается в грубого, непристунного подростка. Дети-беспризорники вынуждены жить на улице, в грязи, холоде и голоде, ночевать в гумнах, под сенями, в выгребных и помойных ямах, в угольных колодцах и так далее. Они вынуждены питаться отбросами, подаяниями. Им негде и нечем жить. Они впадают в нужду и отчаяние. Нередко они образуют воровские шайки. Созда-

ется особый мир молодых воров. Наши силы должны быть брошены на спасение умирающей и одичавшей детворы, так как вместо сознательных граждан могут вырасти преступники или неграмотные элементы. Все начинания государства замрут, и власть капитала восторжествует над темными, забытыми гражданами республики. И тогда напрасна кровь, напрасны разорения! Что я предлагаю в отношении детприемника? В ближайшие дни мы должны его разгрузить.

В это время раздался телефонный звонок. Представитель губкома партии взял трубку.

— Получены сведения от губпродкомиссара, — радостно объявил он. — Из Москвы для детских домов Перми отправляется две тысячи пудов кондитерских изделий, триста пудов шоколада и два вагона риса!

Все заплодировали.

— Товарищи, — сказал Винокуров, — это очень хорошее известие. Но у государства не хватит сил и средств содержать все детские учреждения. Я поддерживаю поступившее здесь предложение передать часть детских домов профсоюзным организациям, которые совместно с партиячками будут всемерно способствовать улучшению положения детей. Ведь декрет, подписанный Владимиром Ильичем Лениным, гласит, что, несмотря на трудности, все дети до четырнадцати лет должны питаться бесплатно.

Было решено: на полное хозяйственное содержание батальону ВЧК передать Мусульманский детский дом № 31, дошкольный детдом № 2 и губчека — детприемник.

...Заседание комиссии закончилось уже ночью.

Винокуров шел по темным улицам города. С Камы дул холодный сырой ветер.

Домой он не торопился. Жена Катя на днях уехала в Оханск к его родителям, там должна была рожать первенца. Без нее в доме было пусто.

Винокуров поднял воротник шинели. Его знобило. Но он уже свыкся со своим недугом, приспособился к нему, и мыслями был еще там, на заседании деткомиссии: кому-то что-то доказывал, убеж-

дал. Да, конечно, трудно, очень трудно взять на полное хозяйственное содержание детприемник. Это значит—одевать, обувать, кормить, учить детей. Не одной девочке купить валенки, а сотне ребятшек. А где брать средства? Чекисты сами живут на скудном пайке.

В первую очередь нужно срочно разгрузить приемник, укомплектовать педагогический коллектив. Новое помещение найти немедленно, завтра же. Свой трёхмесячный отпуск придется отложить по крайней мере на неделю-две.

Но новая беда неожиданно сорвала все планы. В детприемнике вспыхнул тиф. Был объявлен карантин.

Винокуров до хрипоты ругался с губздравотделом:

— Детей немедленно в больницу!

Но больницы были забиты, врачей не хватало. Эпидемия гуляла по всей губернии.

Винокуров получил известие из Оханска: в тифу лежала и его жена Катя. Но выехать к ней он не мог.

Детприемник превратился в огромный лазарет, и нужно было срочно принимать меры. Была создана бригада во главе с врачом, подобраны сиделки и сестры.

Наконец эпидемия стала затихать.

В один из дней, когда Винокуров зашел в детприемник, он увидел истощенных, все еще слабых детей. Они сидели в столовой за длинным столом. Стриженные, непривычно тихие.

— Что на обед? — спросил Винокуров воспитательницу Желтышеву, которая тоже была худа, острижена, в платочке.

— Меню выше нормы. Суп с мясом, пшенная каша, чай с сахаром.

Для того чтобы дети получали этот суп с мясом, чекисты устраивали субботники, концерты, лотереи, «неделю помощи ребенку». По предложению Дзержинского были выпущены две специальные почтовые марки, средства от продажи которых пошли на покупку продуктов детям.

— Ничего, — глядя на ребят, сказал Винокуров. — Победим и голод, и тиф.

В трехмесячный отпуск он так и не ушел. Написал новое заявление: «Прошу дать отпуск на два дня в связи с семейным положением». И поехал к жене. Она родила сына Вовку.

НА ВСТРЕЧУ ДНЯ

Сколько бы лет ни минуло, а Ксения Васильевна Двоглазова будет помнить свою трудовую коммуну имени III Интернационала. Тогда она была просто девочкой Ксюшей. Но уже знала, что такое война, голод, смерть родных. Как и многие коммунарки, она впоследствии стала учительницей.

Был когда-то беспризорником Петр Метусало — ныне мастер производственного обучения; Михаил Бессонов — полковник в отставке, закончил войну в Вене; Николай Фофанов — художник, Степан Шадрин — зоотехник... Да разве всех перечислишь!

Они, дети голодных двадцатых годов, вспоминают сейчас не о скудном пайке в детском доме, а о пафосе тех лет. Первые пионерские отряды, комсомольские ячейки, горячие споры, энтузиазм. Они приобщались к новой жизни.

И ныне, уже став пожилыми, они с благодарностью говорят о людях, которые не щадили ради них своих сил, своего сердца. И в первую очередь это относится к чекистам.

Имена многих из них остались неизвестными. Ведь чаще всего они делали черновую и на первый взгляд неблагодарную работу. Снимали беспризорников с поездов, пароходов, приводили в детприемники. Подыскивали помещения для детских домов. Не пустые, конечно. Приходилось выселять в прошлом состоятельных людей. Закрывали монастыри. Вместо монашек кельи занимали шумные беспризорники. Помогали в проведении в детских учреждениях ремонта, в снабжении топливом, продовольствием, проводили обследования, боролись со злоупотреблениями, подбирали кадры. Приказ Дзержинского гласил: работать не параллельно, а сообща с другими организациями.

Паша Ощепков так никогда и не узнал имени чекиста, который с приставом привел его в Оханский детприемник. Он остался в его памяти просто матросом.

Но именно с того дня жизнь его круто изменилась. Он был направлен в Шалашинскую школу-коммуна имени III Интернационала.

Находилась школа-коммуна недалеко от Оханска, в деревне Шалаши и занимала несколько зданий бывшей сельхозфермы. В школе имелось свое хозяйство: две лошади, шесть коров, свиноферма и восемнадцать десятии земли. Коммунары сами вели свое хозяйство: сеяли рожь, ячмень, овес, выращивали овощи.

Когда Пашу привели в школу, как раз ребята возили с полей капусту. Он смотрел на них недоверчиво.

— У вас что — все работают? — спросил он директора школы.

— А как же иначе? Кто не работает, тот не ест.

Директора звали Александр Васильевич Сукрушев. Истинный педагог, добрый человек, он свято верил в детей, какими бы трудными, неприступными их ни приводили в коммуна.

Новеньких разместили в деревянном одноэтажном доме. Разгруппировали: в одной половине мальчики, в другой — девочки.

— Кто из вас умеет читать? — спросил Александр Васильевич.

Поднялось только несколько рук. Паша не умел ни читать, ни писать.

— Сколько тебе лет, Паша?

— Двенадцать.

— Пойдешь в первый класс.

Пашу посадили за одну парту с Ксюшей Двоглазовой. И он начал учить буквы, складывать их в слова, слова — в предложения. День за днем он открывал неведомый для него мир книги. И это оказалось самым увлекательным делом на свете. Ему хотелось прочитать сразу все книги. За одну зиму он прошел программу двух лет.

Однажды на урок пришел человек с наганом на поясе, в шинели, бритоголовый. Посмотрел тетради, исписанные вместо чернил свекольным соком, сел на заднюю парту.

В классе было холодно. Мерзли руки. Дров не хватало. Молодая учительница Анна Сергеевна Синайская вызвала Пашу к доске. Продиктовала задачу. Он быстро решил. И дальше продолжал, сам стал придумывать.

— Кто ж это такой шустрый? — спросил человек в шинели.

— Ощепков Павел.

Ребята уже знали: этот дяденька из губчека. Он ходил, осматривал школу: классы, спальни, кухню, мастерскую. Ребята тянулись за ним стайкой.

— С дровами постараемся помочь, — сказал он директору. — А Ощепкову Павлу надо дальше учиться. Хочешь? — спросил он Пашу, который вертелся тут же.

— Хочу!

— Кончишь семь классов — приезжай в Пермь. Придешь в ЧК, спросишь Винокурова.

Винокуров уехал. Через несколько дней из-за Камы привезли дрова. Ребята пилили, кололи, складывали в штабеля.

А весной начались новые заботы: посевная. Первая трудовая весна для Паши Ощепкова. Он пахал, бороновал, сеял. Ждали дождей. Но их все не было. Надвигалась засуха.

Жаркое лето вновь напомнило Паше Ощепкову о его былой бродячей жизни. Манила привычная свобода, дороги. И он сбежал из коммуны. Снова вокзалы, толкучки, ночевки на улице. Все — как раньше. Но Паша уже был иным. Была другая жизнь, которую он познал. Была коммуна. И он вернулся обратно в Шалаши.

Подходил к школе — боялся: вдруг не примут. Но Александр Васильевич ничего не сказал. Отправил в баню.

Было утро, начинался новый день. Ребята запрягали лошадей. Паша вместе с ними поехал в поле жать хлеб. Так закончился его последний побег.

Один за другим возвращались в коммуну и другие беглецы.

Павел Кондратьевич Ощепков напишет потом в книге «Жизнь и мечта»: «Подумать только: сколько сил, энергии и терпения вкладывали в наше воспитание, вернее, в наше перевоспитание. Что ни девочка, что ни мальчик — то свой нор и свой порок».

Есть в районном городе Оханске улица Василия Винокурова. Он был первым председателем Оханской чрезвычайной комиссии, до начала гражданской войны. А после гражданской — председателем губчека. Ему тогда не было и тридцати. Но к этому времени он уже прошел две войны (был и на империалистической), подавлял белогвардейские мятежи, похоронил многих товарищей.

В архивных материалах есть автобиография, написанная рукой Василия Винокурова. Красные чернила, крупный, твердый почерк.

«Я, Винокуров Василий Васильевич, родился в 1894 году в Оханском уезде. Отец — сапожник. Семья большая, 14 детей. С 13 лет я пошел работать в типографию в г. Оханске. Хотелось учиться, но возможности не было.

В 1908 году уехал в Пермь, где тоже работал в типографии. Здесь познакомился с одним из руководителей кружка РСДРП. Он мне давал читать политическую литературу, газету «Правда». Первое время не отдавал себе отчета, машинально увлекался литературой, пока не попал на конспиративное собрание, состоявшееся в 5—6 верстах от города. Все, что там говорили, на меня произвело большое впечатление».

В 1911 году Василий Винокуров выполнил первое партийное поручение. Оно было серьезным: достать шрифт для подпольной типографии. Он достал. Типография заработала. Печатали прокламации. Василий выполнял роль и наборщика, и печатника. В 1912 году его приняли в члены РСДРП. За подпольную деятельность два раза он был арестован.

Девятнадцати лет Василий простудился и долго лежал с воспалением легких, которое осложнилось туберкулезом. И этот недуг не оставлял его. Он был болен, непригоден к военной службе. Но с первых же дней революции взял в руки оружие и всю жизнь оставался человеком военным.

В январе 1918 года Винокуров устанавливал Советскую власть в своем родном Оханске. Когда вспыхнул воткинско-ижевский мятеж, сформировал отряд и отправился в бой.

В составе 30-й дивизии защищал Оханск от Колчака. Рядом с ним, в одном окопе, была его жена Катя. Совсем молоденькой, шестнадцати лет, вышла она замуж за Василия. Когда начал наступать Колчак, вступила добровольцем в Красную Армию. В 1919 году стала членом партии.

Они преданно и нежно любили друг друга и пронесли свою любовь через все испытания до последних дней.

Сохранилась фотография: 1924 год, Василий и Катя прощаются с сыном. Вовка умер трех лет. У Винокурова похудевшее лицо, означившиеся скулы. И Катя — горестная, но очень красивая.

«При отступлении из Оханска, — пишет Винокуров в своей автобиографии, — мы выходили из окружения. В боях был контужен. Находился в Велорецком полку, где был назначен начальником военно-полевого контроля, а затем начальником особого отдела 30-й дивизии, позже — 10-й кавалерийской. В 1920 году был направлен в распоряжение Пермского губвоенкомата, потом в Пермскую губчека».

Таким людям и поручала партия заботу о детях в трудные двадцатые годы. В автобиографии не указывается, что он был членом комиссии по улучшению жизни детей. Это была его чекистская работа.

«ПРОШУ ПОМОЧЬ...»

Сотни судеб проходили через комиссию. Требовались огромные усилия, чтоб организовать стихийнодвигающуюся по всем дорогам страны армию детей. Чтoб помочь каждому.

Вот дошедшие до нас документы, протоколы заседаний, переписка.

«В Пермскую комиссию по улучшению жизни детей от Василия Засыпкина. Заявление. Прошу отправить меня до станции Свеча, чтоб пробраться в село Калинино, где живет мой брат, тетка и есть дом».

«Прошу отправить меня в завод Пашию, так как там живет родная сестра. Прошу отправить сегодня же. Павел Угольских».

«Заявление от Плотниковой Оли. Прошу дать мне денег на проезд до станции Камбарка. Пробираюсь к тете».

«Прошу отправить меня на родину до станции Котельнич. Пробираюсь из Сибири, куда уезжал с отцом, он же в октябре месяце помер. Иван Кулаков».

«В детскую комиссию и ЧК. Прошу вашего распоряжения отправить меня к отцу в Одессу. Я ехал к отцу на Дальний Восток. Но доехал только до Иркутска и вернулся обратно с моряками, которые лично знают моего отца и которые сказали, что его перевели с Тихого океана на Черное море. Прошу вашего распоряжения отправить меня до Москвы, где я узнаю в штабе морских сил, на каком корабле мой отец и в каком порту. Могульский».

«Сивинский волостной исполнительный комитет сообщает губернской комиссии по улучшению жизни детей, что беспризорный мальчик Мальцев Иван может быть оставлен при Грановской школе-коммуне. Возраст — 10 лет, в школе не учился, родители неизвестно когда и где умерли. Подобран на улице».

«Из протокола заседания комиссии по улучшению жизни детей от 1 ноября 1921 года. Заслушали доклад члена комиссии Леонтьевой, производившей обследование беспризорных детей: Имата Мухаметдинова, Фалиха Ахмедзянова, Габдуллы Фанзурина. Ввиду безвыходного положения детей, не имеющих крова и пристанища, а также нравственного воспитания предлагается принять таковых в детдом».

«Губчека, тов. Винокурову. Просим обследовать детский дом № 1, где наблюдаются злоупотребления».

«Прошу меня отправить к моим родственникам в Исковскую губернию, деревню Соколы. Я проживал в детской пачежке. К сему прилагаю удостоверение личности, так как мне 14 годов. Прошу не оставить мою просьбу ввиду бедового моего положения. Иван Соколов».

«Губчека, тов. Винокурову. Детская комиссия по улучшению жизни детей просит разыскать, в каком детском доме находится мальчик Огурцов Сергей Николаевич. Он проживал со своей матерью в городе Перми. Во время голода 1919 года выпущена бы-

ла отдать его в детдом. В настоящее время проживает в Вологодской губернии, разыскивает сына».

«Удостоверение выдано мальчику Юре Холодову в том, что Пермской комиссией по улучшению жизни детей ему выдано на проезд до Челябинска 5 рублей. Просьба в Челябинске выдать ему деньги на дальнейший проезд».

«Губчека сообщает, что мальчика Огурцова Сергея в детдомах нет. Есть Голубцов Сергей в детдоме № 7. Весьма возможно, что фамилия несколько изменена, так как ребенок был маленький».

«В Пермское местное хозяйство. Комиссия по улучшению жизни детей просит выделить комнату для 8 человек, выпускаемых из детдома № 12».

«Губчека просит детский дом № 7 сообщить дополнительно, из какой местности (губерния, уезд, волость, деревня) происходит мальчик Голубцов Сергей и кем он сдан в детдом».

«Прилагая при сем список воспитанниц детских домов, подлежащих выпуску в ближайшее время, деткомиссия просит зачислить всех ученицами в школу кройки и шитья, содержащуюся на средства биржи труда».

«Отчет с 1 по 10 декабря 1922 года. Выдано на проезд: Юрию Проину до Глазова — 3 руб. 97 коп., Василию Махаеву до Сарапула — 24 руб. 59 коп., Виктору Мальцеву до Вятки — 6 руб. 80 коп., Вере Веселовой до Уфы — 11 руб. 32 коп.».

«Губчека сообщает: по всем данным, Голубцов Сергей является Огурцовым Сергеем. Просим выделить сопровождающего для отправки в Вологодскую губернию к матери».

«Деткомиссия считает необходимым направить Вячеслава Васильевича Коньшина, учителя по профессии, участника гражданской войны, имеющего ранения, на работу в Шалашинскую школу-коммуну им. III Интернационала».

«МЫ НЕ МЕЛКАЯ СОШКА»

Школы-коммуны... Среди голода и разрухи, когда, казалось, о воспитании рано было думать, лишь бы накормить детей, возникли

неизвестные до того формы детской организации. «Разруха и нужда временны, — утверждалось в одном из докладов детской комиссии. — Необходимо думать о будущем, создавать оазисы педагогической культуры, лаборатории педагогики, откуда бы потом можно было черпать запас опыта. Такими оазисами являются трудовые школы-коммуны».

В Пермской губернии при активном участии органов ЧК было создано 17 трудкоммун. В Оханске был организован целый «детский городок», в состав которого входила и Шалашинская коммуна.

...Паша Ощепков уже учился в шестом классе. За два года прошел программу четырех лет, а потом перепрыгнул через пятый — и сразу в шестой. Программу пятого класса изучал оамостоятельно. Помогал ему Вячеслав Васильевич Коньшин. Одно время учитель и спал в одной комнате с ребятами.

Многому научился Паша в коммуне. Шить сапоги, паять тазы, ведра, лейки. Все делали сами, даже соломенные шляпы плели. И оказалось, что руки у Паши золотые: за что ни возьмется — все получается.

Хозяйство Шалашинской коммуны росло. На полях такие овощи выращивали, что крестьяне приходили глядеть.

Всеми делами заправлял совет коммуны. Все делать по справедливости — это было главным лозунгом. Прислали десять пар ботинок — решали голосованием, кому их вручить. Заработали деньги — сами распределяли, как их израсходовать. Провинились — разбирался совет.

Паша Ощепков был председателем товарищеского суда, а потом возглавил учком. Комсомольцев в коммуне еще не было. Паша собрал группу активных ребят, сказал:

— Давайте создадим комсомольскую ячейку.

— Как мы ее создадим, мы же не комсомольцы, — возразили ребята.

— Вот и будем комсомольцами.

Так они объявили себя комсомольцами. Пошли в Оханский уком комсомола.

— У нас есть ячейка.

Решено было всю «ячейку» принять в комсомол. Первым секретарем ее была учительница Анна Сергеевна Синайская. А когда она поступила в университет, избрали Пашу Ощепкова. Коммунары чувствовали себя уже причастными к делам всей страны.

Май 1923 года. Актальный зал заполнен, сесть некуда. Ребята спорят, шумят. Британский министр иностранных дел лорд Керзон предъявил Советской стране ультиматум, требуя выполнения ряда условий, иначе грозился начать интервенцию. Коммунары придумывали способы, как наказать лорда Керзона.

Тут вышел на сцену бритоголовый человек. Поднял руку. Все затихли. Председатель ОГПУ Василий Васильевич Винокуров сказал:

— Мы теперь не мелкая сошка. Нас нельзя запугать никакими угрозами. Россия выстояла против Антанты, она выстоит и сейчас, откуда бы эти угрозы ни исходили!

Все так хлопали, что было больно рукам.

— Мне просто врезались в память эти слова — «мы не мелкая сошка», — вспоминал впоследствии Павел Кондратьевич Ощепков. — Мы чувствовали себя гражданами Советской страны и гордились этим.

После собрания Винокуров встретил Пашу Ощепкова, узнал его. Снова сказал:

— Приезжай в восьмой класс в Пермь.

— Значит, мне надо будет учиться в восьмом, девятом и в десятом, а уж потом в институт?

— А ты что — сразу из шестого хотел?

— Три года слишком долго. Я в 12 лет читать научился, мне нагонять надо.

— Торопись, значит. Это хорошо, — задумчиво сказал Винокуров. — Я бы тоже хотел учиться, да дел много. При рабочем факультете университета открываются курсы по подготовке в вуз. После семилетки туда, конечно, не берут. Но посмотрим... Разве в порядке исключения, — улыбнулся он.

После окончания семи классов Паша Ощепков был принят на курсы по подготовке в вуз при рабочем факультете Пермского университета.

Он жил в детском доме № 12 — бывшем детприемнике, находившемся на хозяйственном содержании чекистов. Из Шалашей приходили письма от ребят и воспитателей.

А через год он уезжал в Москву поступать в институт. Настала пора прощания уже навсегда с коммуной, Пермью, дорогими людьми.

В это время Василия Винокурова уже не было в Перми: его перевели председателем Ярославского ОГПУ.

Он погиб рано, так и не узнав, что мальчик Паша Ощепков стал профессором, заслуженным деятелем науки и техники, создателем первых радиолокаторов. Никогда он об этом уже не узнал. Да разве мало было мальчишек и девчонок, о которых он думал в ту пору, за чьи судьбы болел. За них за всех он был в ответе.

Именно эти мальчишки, это спасенное Республикой поколение, встали на ее защиту в суровом 1941 году. Те, кто вернулся с войны, давно стали дедами. Пусть же внуки их оглянутся назад, к истокам, в те далекие двадцатые годы.

...Василий Васильевич Винокуров сидит в своем кабинете, на поясе наган. Он еще молод. И молода Республика. Еще раздаются выстрелы в лесах, еще вспыхивают пожары, и бездомные дети ночуют на улице. Станции забиты беспризорниками. Все это еще надо преодолеть.

Верность долгу

Прежде чем познакомиться с этим человеком, я уже знал, что ему за восемьдесят лет, что всю свою сознательную жизнь он посвятил службе в органах государственной безопасности.

Человек бывалый, заслуженный. Удостоен орденов Ленина, дважды — Красного Знамени, и еще Отечественной войны, Красной Звезды, «Знак Почета». В музее Славы управления Комитета государственной безопасности по Пермской области я рассматривал именно оружие с надписью: «За самоотверженную чекистскую работу от полномочного представительства ОГПУ по Уралу», полученное им в 1932 году в связи с пятнадцатой годовщиной органов ВЧК. Затем читал запись в книге Почета: «За длительную и безупречную службу в органах ВЧК — КГБ, самоотверженную и беспощадную борьбу с контрреволюцией, проявленный героизм в годы Великой Отечественной войны и в связи с 60-летием вступления в члены Коммунистической партии Советского Союза».

Из скупых строк автобиографии подполковника в отставке Александра Матвеевича Петрова отчетливо предстает удивительная судьба, завидное постоянство. В годы гражданской войны яростная борьба с белогвардейщиной, кулачеством, бандитизмом. С первых дней Великой Отечественной служба в военной контрразведке. Затем участие в боевых действиях против бандеровцев, предателей, изменников Родины.

Болезнь трижды выводила его в запас. Но он снова и снова возвращался в строй.

И вот теперь, при встрече, несмотря на заметно пошатнувшееся в последнее время здоровье, он поражает ясностью ума, твердостью духа.

Он оказался хорошим собеседником. Некоторые детали давно минувших событий воспроизводил подробно и ярко. Когда говорил о счастливых удачах, глаза его вспыхивали искрящимся блеском, молодым задором, азартом. Он весь мрачнел, когда речь касалась преступлений, виденных им жертв и следов злодеяний. Он с ненавистью говорил о врагах. С восторгом и любовью вспоминал боевых соратников далеких военных лет. Но о себе рассказывал скупо и неохотно. Да, он принимал участие, но тогда отличились такие-то и такие-то... Конечно, эту операцию разрабатывали и осуществляли вместе, но самым смелым оказался такой-то...

Он погружался в воспоминания, а его жена, Александра Алексеевна, сидела в сторонке напротив и не сводила глаз с человека, которого однажды встретила стройным, подтянутым, красивым и с которым провела вместе всю свою жизнь. Тихая, кроткая, она лишь однажды, уловив паузу, обмолвилась о незабываемом девичьем счастье, доставшемся ей, самодеятельной актрисе с неизменным амплуа «драмстарухи», в образе боевого командира — чекиста с кобурой на ремне. И счастье не изменило ей. Они пронесли его вместе через все радости и невзгоды, поддерживая и подбадривая друг друга...

Петров стал чекистом без колебаний. Шел боевой восемнадцатый год. Время определяло судьбы людей. Честные, открытые сердца приняли власть Советов как свою кровную народную власть. Они были непримиримы к ее врагам, потому что знали: враг — это тот, кто веками сидел на шее народа, кто жил и обогащался за его счет.

Враг был многолик и вездесущ. Первое народное государство обложила иностранная военная интервенция. В центре и в провинциях свирепствовала внутренняя контрреволюция. Заговоры и убийства, террор и зверские расправы над коммунистами и советскими

активистами. Эсеровский мятеж в Москве, арест Ф. Э. Дзержинского. Покушение на вождя революции В. И. Ленина. Убийство председателя Петроградской чрезвычайной комиссии М. С. Урицкого.

Бушевали смертоносные ветры и на прикамской земле. «Известия Пермского губисполкома Советов рабочих и солдатских депутатов» за 1918 год скупыми газетными строками сообщали о трагических событиях:

13 апреля. Траурное сообщение о похоронах четырех революционеров, зарытых в свином хлеву...

2 августа. События в Кунгурском уезде. Восстало кулачество. Разгромлен Кишертский волостной Совет...

1 октября. Сообщение о взрыве железнодорожного пути в районе Егоршино. Разбит паровоз и несколько вагонов, из которых три — с ранеными красноармейцами. Множество жертв...

4 октября. Кулацкое восстание в селе Сепыч. В одном из подвалов убито 36 советских работников...

19 октября. В Осинском уезде бесчинствует банда Каргашина...

Александр Матвеевичу шел двадцатый год. В родное село Черновское Оханского уезда он возвратился из Перми, где встретил Великий Октябрь солдатом 123-го запасного пехотного полка и не раздумывая принял власть Советов. Вместе с революционными солдатами он активно участвовал в борьбе с погромщиками, грабителями, поджигателями. Поддерживаемые эсерами, меньшевиками, белогвардейцами, они бесчинствовали на каждом шагу, чтобы вызвать у населения страх, панику, недовольство новой властью.

Черновское охватывал контрреволюционный пожар. Его пламя несло со стороны соседнего Воткинска, где вспыхнуло ижевско-воткинское вооруженное восстание, организованное меньшевиками и эсерами. Во главе повстанческой «народной армии» стояли белогвардейские офицеры Юрьев, Колдыбаев и другие. В Ижевске и Воткинске царил массовый террор, чинимый контрреволюцией. Его волны быстро растекались по окрестным волостям и уездам.

Подняли головы местная буржуазия, кулачество, торговцы. Для борьбы с ними черновские коммунисты и крестьяне-бедняки создали революционный комитет и большевистскую партячейку. Александр Петров вошел в состав ревкома. Ему, как и его товарищам, стали угрожать расправой. Однажды вечером, возвращаясь с заседания ревкома домой, он встретился с кулаком Куртагиным. От того разило самогоном, но говорил он трезво:

— Советую, пока не поздно, выходи из своего ревкома. А то, же ровен час, головы поснимаем и тебе, и твоим старикам. Запомни...

Александр пожал плечами: «Что ж, запомню», — и пошел прочь. Он уже знал, что такие же угрозы были высказаны кулаками многим его товарищам. Их выслушали и Телегин, и Нельвин, и Малышев. И это были не только слова. Семнадцатилетний Паша Телегин поплатился собственной жизнью. Работая в продотряде по заготовке продовольствия, он был выслежен и зверски убит кулаками. Бандиты глумились над юношей. Они вспороли ему живот, насыпали в рану зерна и бросили свою жертву у дороги в открытом поле.

Черновское и близлежащие села Полозово, Тайкино, Шлыки кишели рассвирепевшими кулацкими бандами. Их было много. Ведь дореволюционное Черновское слылло местом богатых ярмарок и базаров. Здесь заключались крупные торговые сделки, приезжие торговцы скупали кожевенное сырье, лес, сельхозпродукты. С незапамятных времен богатели и расширяли свои хозяйства Гороховы, Никоновы, Кошкаровы, крепи торгашеские династии — Терехины, Имановы. И вот теперь, объединяясь со всякого рода контрреволюционным отребьем, они яростно боролись против Советской власти. Их бесчинствам, казалось, не будет предела.

В деревне Песьянка кулаки зверски расправились с черновским волостным военным комиссаром Пестрининым. В Шлыках, что в двадцати верстах от Черновского, убили пермского губпродкомиссара Лузина. Этих людей хорошо знало и уважало население.

У местных активистов не хватало сил, чтобы дать сокрушительный отпор вооруженному до зубов врагу. Именно в этот момент для оказания помощи в Черновское из Оханска прибыл красногвар-

дейский вооруженный отряд под командованием Владимира Ивановича Носова. Опираясь на поддержку и помощь местного населения, отряд решительно вступил в единоборство с бандами, пытавшимися угрожать Советской власти.

Петров и его товарищи из Черновского ревкома восхищались действиями красногвардейцев и их командира. Носов покорял личной храбростью, находчивостью, умением сплотить и повести за собой людей. Его авторитет в отряде и у населения был непререкаем. Когда Владимир Иванович на одном из заседаний ревкома и партячейки завел разговор о приеме добровольцев в свой отряд, Петров тотчас изъявил желание стать его бойцом.

Почти во всех боевых операциях с кулацкими бандами и белогвардейщиной участвовал Александр Матвеевич, вылавливал лазутчиков воткинской «народной армии», которые пытались сеять смуту среди крестьян, проникали в красноармейские отряды, подстрекали бойцов перестрелять красных комиссаров, «продавшихся немцам», и перейти на сторону «народной армии». В отряде Носова он вступил в партию большевиков. Здесь получил первые навыки чекистской работы. Тогда он, конечно, не мог и предполагать, что спустя несколько лет служебный долг вновь вернет его к трагическим событиям этих лет.

Будучи одно время председателем Воткинского поселкового Совета, Петров узнал многие подробности о действиях «народной армии» и ее главарей. То, что происходило здесь, в поселке металлургов, осенью восемнадцатого года, надолго сохранилось в памяти людей.

...Штаб и контрразведка «народной армии» разместились в большом доме с мезонином. Он устроился на видном месте у самого берега заводского пруда, окруженного раскидистыми тополями, светлый и приветливый. В дореволюционное время здесь жили семьи инженеров Камско-Воткинского горного округа. А теперь в доме хозяйничал бывший заводской конторщик Григорий Юрьев, царский штабс-капитан, объявивший себя в первый день контрреволюцион-

ного мятежа командующим «народной армией». Здесь находились служебные помещения его подручных — начальника штаба армии штабс-капитана Шадрина, старшего адъютанта Колдыбаева, начальника контрразведки Близурукова.

С первых же дней восстания дом обрел зловещую славу. День и ночь за его стенами слышались человеческие стоны, доносились душераздирающие крики. Рядом со служебными комнатами штаба, в подвальной части дома, мятежники оборудовали комнату пыток — страшный застенок, откуда чаще всего был только один выход — под штык карателя.

В своем кругу Юрьев любил повторять:

— Мы действуем без шума, врага не расстреливаем, а уничтожаем штыком. — Он лукаво подмигивал и, умиляясь собственным остроумием, медленно, подчеркивая садистский смысл слов, произносил: — И тише молва, и пуля цела...

Задолго до мятежа Юрьев наедине с самим собой формировал кадры будущей «народной армии». Узнав, например, что цеховой счетовод Близуруков был в царской охранке провокатором, он переделал ему пост начальника контрразведки, а в скромном заводском конторщике Колдыбаеве безошибочно увидел исполнительного адъютанта штаба. Он оказался точен в оценках людей своего круга. Когда настал час восстания, его прихвостни с нескрываемым рвением старались оправдать оказанное им доверие.

Вожаки «народной армии» не мешкая принялись за дело. Начальник контрразведки получил исчерпывающее указание вновь испеченного воткинского диктатора:

— Заводских комиссаров и коммунистов арестовать и пережечь на телеграфных столбах.

В разгар мятежа Юрьев вызвал для доклада старшего адъютанта штаба Колдыбаева. Этот тихоня даже в момент, когда белогвардейцы захватили Воткинск, в отличие от других не кричал: «Долой коммунистов!» Темными переулками он добрался до военного присутствия, был «мобилизован» и направлен в штаб «народной армии» писарем. Как он стал старшим адъютантом штаба — было известно только одному Юрьеву.

Доклад затянулся до полуночи. В сущности, это было тщательное изучение списков людей, заточенных в «баржи смерти», созданные вожаками воткинской «народной армии» для расправы над коммунистами, комиссарами, советскими работниками и активистами. Среди них были жители Воткинска, Ножовки, Галева, Ижевска. Русские, удмурты, татары, представители других национальностей, объединившиеся в борьбе за Советскую власть, теперь, томимые страшным предчувствием, ожидали смертного часа.

Изучение доклада старшего адъютанта Юрьев прервал, звонко хлопнув в ладоши, и тоном, не терпящим возражений, сказал:

— Господин прапорщик, прошу к столу. За окном осенняя слякоть, а нам управиться надо быстро. — Он залпом выпил один за другим два стакана водки и, не закусывая, поднялся из-за стола. — Едем!

Конная пролетка с поднятым кожаным верхом с места быстро понеслась по ночному поселку к реке. За приземистыми постройками заводской железнодорожной станции на темной водной глади Вотки помигивали тусклые фонари, обозначавшие габариты адовых барж. Пролетка остановилась у караульного помещения. Перед приехавшими словно из-под земли вырос комендант барж унтер-офицер Русских. Он доложил о готовности караула к действиям.

— Господин прапорщик, — обратился Юрьев к Колдыбаеву. — Передайте списки мячману и приступайте к выполнению приказа.

— Слушаюсь, — почти шепотом отозвался старший адъютант и направился к строю конвоиров.

У люка первой баржи суетился не в меру услужливый и исполнительный Васька Цыганов. Он был нетерпелив и настойчив. Служака с садистским нравом испытывал животную потребность к изтязаниям. Казалось, он наслаждался ночными карательными акциями, в которых проявлял неумную активность. Его бесили малейшие замешательства среди жертв.

— Юрасов!... — что есть мочи кричал он в открытый люк трюма, — тебе что, особых приглашений надобно?!. А ну, вылазь, красное быдло... Поскребышев!.. Штейнгер Владимир!.. Штейнгер Николай!.. Хватов!.. Логинов!..

Один за другим поднимались на палубу обреченные, тут же попадая в плотное кольцо конвоя. Когда в группе набиралось двадцать человек, люк захлопывали и перед строем появлялся Юрьев. Он не выбирал выражений. Речь его была истеричной, полупьяной.

— Россию продавать вздумали, сволочи красные!.. Шпионы немецкие... Свободы захотелось?.. Пожалуйте, предоставим!..

Тем временем старший адъютант Колдыбаев вполголоса настаивал верного Ваську Цыганова:

— Гляди у меня в оба. Прикончить всех до одного. Потом провьерь, не стонет ли кто, не сопит ли... Если набредешь на такого— доколи. И чтоб ни одного выстрела, ни звука.

Колонну арестованных остановили у выложенных рядами штабелей дров, перегораживавших протоптанную дорожку к реке. Их заготавливали для заводских нужд и складывали на берегу Вотки. Люди почувствовали неладное, когда двоих арестованных увели за штабеля и строй конвоиров плотным кольцом сжал оставшихся. Через некоторое время увели еще двоих. Тишина стояла гробовая. Затаив дыхание, люди ловили малейший шорох, чтобы предположить, что же ожидает их за штабелями. А там, в крутом, глубоком логу, спадавшем к самой реке, каратели бесшумно, натренированными приемами кололи штыками не успевших опомниться людей.

Колдыбаев лично проверял выполнение приказа. Освещая глубокую яму фонарем, он спокойно пересчитал трупы и распорядился забросать яму землей.

Под утро конная пролетка доставила своих пассажиров в дом с мезонином. А через два дня она снова проделала путь по наезженному маршруту. И каждая такая ночная поездка Юрьева и Колдыбаева к «баржам смерти» уносила десятки человеческих жизней.

Шел 1928 год. За плечами Александра Матвеевича Петрова была полная опасностей, дерзких свершений работа в особом отделе 3-й армии Восточного фронта, освободившей Прикамье, а затем и весь Урал от колчаковцев, служба в органах милиции Шадринска, Ирбита, Сарапула, Многих контрреволюционеров, белогвардейцев,

колчаковских карателей обезвредили он и его боевые товарищи. Нервное напряжение, постоянный риск, бессонные ночи, недоедание подорвали здоровье. Врачи решительно заявили: надо лечиться, и Петров стал пенсионером.

Но отдохнуть пришлось недолго. Петрова избрали председателем Воткинского поселкового Совета. Рабочие старого уральского завода высказали тем самым свое уважение к бывшему чекисту, человеку волевому, решительному и в то же время внимательному к людям, их нуждам и заботам. Почти два года работы в бесконечных хлопотах и заботах пролетели незаметно. Александр Матвеевич втянулся в новое дело, увлекся им, окружил себя надежными, верными помощниками. Много сил и энергии они отдавали благоустройству рабочего поселка, улучшению быта населения. Новый председатель вместе с депутатами намечали планы на будущее, в мечтах видели свой Воткинск развитым социалистическим городом.

Но Петрову не довелось принимать непосредственное участие в осуществлении этих планов. По рекомендации Сарапульского окружного комитета партии Александр Матвеевич был вновь направлен в органы госбезопасности. Он стал оперативным уполномоченным Сарапульского окротодела ГПУ. Ему поручили ответственное дело — расследование преступлений бывшей воткинской «народной армии», розыск тех, кто чинил расправы над коммунистами, рабочими, красноармейцами.

Первым, кто подтверждал, что некоторые участники белогвардейско-эсеровского мятежа живут и здравствуют безнаказанно, оказался некто Евдоким Пестерев. Его обнаружили и арестовали в Чечено-Ингушетии. Бывший солдат караульной роты «народной армии» работал слесарем на одном из заводов. Перед оперативным уполномоченным Сарапульского ОГПУ он вначале держался спокойно и беззаботно. Выходец из воткинской рабочей семьи, рядовой солдат старой армии, участник первой мировой войны. После революции демобилизовался, вернулся домой и сразу же устроился на завод слесарем. А через некоторое время вступил здесь в «союз фронтовиков». Возник вопрос: «Почему?» Ведь союз состоял из ярых анархистов, деятельность которых ничего общего не имела с

интересами рабочего класса. Да, трудно ответить на этот вопрос. Видимо, толком не разобрался кто есть кто, поддался агитационному натиску активистов союза. Но разве таких, как он, неразобравшихся, в то время были единицы? Конечно нет. Да и не каждый, будучи в рядах анархистских или даже белогвардейских формирований, совершил преступление.

На допросах Евдоким Пестерев не отрицал и того, что ему как солдату караульной роты приходилось охранять пресловутые юрьевские «баржи смерти». Но он только выполнял обязанности часового, ни в каких карательных акциях не участвовал. Так что вина его в общем и целом не велика. Он считает, что не совершил большого преступления. Старался даже помогать арестованным. Например, содействовал побегу с баржи одного матроса, спас от смерти некоего Юсупова.

Петров не располагал данными, которые бы опровергали показания арестованного. Но чекисту не давал покоя один вопрос: почему потомственный рабочий, изменив интересам своего класса, примкнул к контрреволюционному движению?

— Честно говоря, одного в толк не возьму, — откровенно повторял каждый раз Петров на допросах подследственного, — человек ты, по всему видно, рабочего происхождения: отец твой металлистом был, сам ты — слесарь высокой квалификации, а вот когда пролетариат объявил беспощадную войну эксплуататорам и встал вопрос: с кем ты, кого защищать решил? — против своих пошел, можно сказать, в карателях оказался...

— Да какой же я каратель, господь с вами, — разводил руками Пестерев, спокойно глядя в глаза собеседника. — Мало, что ль, таких-то, как я, было мобилизовано белыми! А тех, кто карателем стал, так их на пальцах пересчитать можно. Вон Васька Цыганов или Григорий Русских, так они и не скрывали, что красных штыками кололи. Бахвалились в открытую. Мы, караульщики, помню, сами хотели расправиться с ними, да, видать, духу ни у кого не хватило.

— Так-то оно так, — размышлял вслух Петров, — но даже если ты, скажем, с испугу подался в анархистский союз или, допустим,

не разобрался сразу в целях и назначении «народной армии», то потом-то, когда все-таки понял, с кем ты оказался, когда узнал, наконец, что такое «баржи смерти», почему же и после прозрения продолжал служить верой и правдой палачам трудового народа? Ведь можно было, ну, предположим, сбежать, что ли, перейти на сторону красных. До них-то рукой подать было.

— Выходит, не сообразил, а может, и струсил, — вздыхал Пестерев.

Много раз в ходе следствия Петров выезжал в Воткинск. Подолгу бродил по берегу Вотки, осматривал места, где располагалось караульное помещение юрьевской армии, где громоздились ломаными длинными рядами штабеля дров, где швартовались «баржи смерти».

В Воткинске Александр Матвеевич разыскал многих очевидцев и участников давних событий, встречался с оставшимися в живых узниками «барж смерти». Многие помнили конвоира Пестерева. Он водил арестованных на допросы, некоторых сопровождал на казнь. Но ни один из свидетелей не называл Пестерева непосредственным участником расправ.

Выслушав один из очередных докладов Петрова о ходе следствия, начальник окротдела Чашин неожиданно предложил:

— А что, если нам освободить Пестерева из-под стражи, взяв расписку о невыезде из Воткинска? Пусть покажет себя односельчанам, повидается с родственниками, знакомыми. А мы посмотрим, как встретят его земляки, что скажут...

Через несколько дней после освобождения Пестерева из районного отделения ГПУ в окротдел пришло сообщение: рабочие местного завода выражают недовольство тем, что бывший каратель избежал наказания и спокойно разгуливает на свободе. А вскоре явились очевидцы и свидетели. Они помогли следствию выяснить один из важных вопросов: помогал ли в самом деле Пестерев обреченным?

Вспомнили, что действительно был случай побега военного моряка с одной из «барж смерти». Воспользовавшись замешательством конвоя, в составе которого находился и рядовой Пестерев,

матрос сбежал из-под стражи. Но в тот же вечер смельчака задержали солдаты той же караульной роты и расстреляли.

Среди новых свидетелей оказался Иосиф Вяткин. Три месяца томился он в одной из «барж смерти». Однажды проснулся от сильного удара в бок и увидел перед самыми глазами ослепительный огонь керосинового фонаря и красное лицо караульного солдата.

— Быстро, наверх! — скомандовал тот и двинулся к другим спавшим арестованным.

Из трюма вслед за Вяткиным поднялись еще четверо. На берегу в густой темноте ноябрьской ночи можно было разглядеть человек двадцать узников, собранных с других барж. Заученными движениями конвоиры связали арестованным руки за спиной и повели в сторону штабелей.

Перед черной пропастью большой ямы, из которой шел холодный запах свежей земли и сырости, Вяткин на какое-то мгновение увидел среди конвоиров размахивавшего винтовкой Пестерева и тут же почувствовал оглушительный удар в затылок.

Иосиф Вяткин чудом уцелел. Через два дня он выбрался из-под трупов, наспех присыпанных землей, дополз до реки и, преодолевая боль от пяти штыковых ран, истекая кровью, скрылся в прибрежных зарослях ивняка... Александр Матвеевич Петров узнал от него, что смертники юрьевских барж недобрым словом отзывались о караульных Русских, Цыганове и Пестерева.

А через некоторое время нашелся Юсупов, которого Пестерев, как он сам утверждал на следствии, спас от смерти. Юсупов приехал в Сарапул издалека. С глубокой болью вспоминал он пережитое во время белогвардейского террора.

С именем караульного Пестерева у него было связано недоразумение, из-за которого по счастливой случайности он остался жив. Когда из трюма «баржи смерти» на расправу вызывали Исакова, откликнулся Юсупов, которому показалось, что назвали его фамилию. Однако Пестерев проверил фамилию в списке и отправил Юсупова обратно в трюм, а Исакова увели за штабеля дров, откуда он не возвратился. Юсупова и других пленников освободили наступающие части Красной Армии.

Евдокиму Пестереву пришлось признать себя виновным. Уральский областной суд вынес ему справедливый приговор. Рабочий поселок Воткинск встретил приговор с одобрением.

Однажды из Воткинска к Петрову приехал рабочий завода Герасимов. Он не был знаком с Александром Матвеевичем, но от односельчан слышал о нем много хорошего, знал, что человек он честный, во всем разберется, напраслины не допустит. Поэтому решил поделиться с ним своими сомнениями.

Познакомились. Матвей Федорович Герасимов, уняв волнение, стал рассказывать:

— Был я недавно в командировке. Завод посылал в Читу, в железнодорожные мастерские. По дороге поезд в Иркутске целый час стоял. Ну, ясное дело, пассажиру дальнего следования времени предостаточно, чтобы пообедать в привокзальном ресторане. Сел это я за столик, официант тут как тут. Заказал первое, второе... Жду, когда принесет, на людей посматриваю. И вдруг будто током дернуло. Вижу, через столик от меня личность знакомая. И хоть бородаща у него пол-лица закрыла, а сразу узнал прихлебая юрьевского — Колдыбаева.

Петров от неожиданности весь напрягся. Сообщение было настолько важное, что сначала он даже не поверил услышанному.

— Матвей Федорович, — спокойно проговорил Петров, — а может, вы обознались? Встречается поразительное сходство между людьми. Дело-то, сами понимаете, серьезное. Ошибка тут недопустима.

— То-то и оно, Александр Матвеевич, — кивнул головой Герасимов. — Понимаю, ошибки не должно быть. О человеке все ж таки речь. А только не обознался я, слышал еще, как сосед его за столиком Александром Николаевичем называл. Да и приметина колдыбаевская осталась: левой рукой он взмахнул, как птица подбитым крылом. Тут уж сомнений нет — Колдыбаев, он самый, что ни на есть...

Итак, один из главных подручных руководителя воткинского мятежа — в Сибири. Где именно? Надо искать. После разработки и

утверждения оперативного плана поиска в Иркутск был командирован чекист «товарищ Антон», знавший в лицо Колдыбаева.

Ровно через два месяца Петров получил первую телеграмму из Сибири: «Дядю не застал. Рассказывают, сильно постарел. Сильно изменился. Семья большая, пятеро детей. На работе отзываются хорошо. Состоял в партии. Родители живут Кустанайском округе. Выезжаю по маршруту. Антон».

Было установлено место отправки телеграммы. Местечко Киренск в верховьях Лены, где в нее впадает река Киренга. Петров понял, что Колдыбаев жил в Киренске, но куда уехал оттуда, Антон, видимо, не знает. Не уверен он и в том, что Колдыбаев именно тот, кого разыскивают.

Докладывая начальнику окротдела обстановку поиска, Петров пояснил:

— Товарищ Антон сообщает те данные, которые не совпадают с нашими. Например, постарел. Значит, по документам он старше, чем на самом деле. В партию вступил. Вряд ли осмелится колчаковский каратель на такой шаг. Чем меньше о нем будут знать и слышать, тем лучше для него. Пятеро детей? А ведь у него был только один сын. Родители живут в Кустанайском округе? Но Колдыбаев местный, родом из Елабуги. Вполне возможно, что Федот, да не тот...

— Вполне возможно, — повторил в раздумье начальник отдела, — и все-таки телеграфируйте товарищу Антону, чтобы продолжал поиск. Он обязательно должен увидеть этого Колдыбаева. Если не узнает, подумаем, как быть дальше.

Розыск организаторов и активных участников мятежа пошел по всей стране. В Ижевске и Вятке были арестованы и преданы суду некоторые эсеровские и меньшевистские активисты. Юрьев стал полковником колчаковской армии, командовал дивизией самых отъявленных головорезов; когда Колчака расстреляли, он понял, что пришел конец, и бежал в Америку. Но некоторые все еще скрывались от возмездия.

Колдыбаев до конца был рядом с главкомом «народной армии». В числе других он строго выполнял его директиву — при отступле-

нии не оставлять живых свидетелей на воткинской земле. В Екатеринбурге изрядно потрепанное в боях юрьевское войско влилось во вторую сибирскую армию Колчака. И здесь господин старший адъютант штаба Колдыбаев продолжал свое черное дело — его ижевско-воткинская дивизия, знамя которой руками самого Колчака было украшено Георгиевским крестом, отступая, сжигала дотла села и хутора, разрушала города, обозначая свой кровавый путь виселицами.

Весть о расстреле Колчака застала ижевско-воткинскую дивизию в тупике небольшой железнодорожной станции Листвянка близ Иркутска. Это был тупик в прямом и переносном смысле слова. Заплечных дел мастера, отъявленные монархисты-фанатики, как крысы, заторопились с тонущего корабля.

В потрепанной солдатской шинели, с тощим вещмешком на плече подался в сторону Иркутска и разжаловавший сам себя адъютант Колдыбаев. В дороге подморозил ноги. По счастью, попал в передвижной госпиталь. Документов не было. Да их и не спрашивали.

После госпиталя Колдыбаев стал бойцом второго иркутского батальона выздоравливающих. Он не скрывал, что служил в штабе колчаковской дивизии, составлял оперативные сводки. В Красную Армию перешел добровольно. Клянется служить честно и добросовестно.

Грамотный, исполнительный, подтянутый красноармеец вскоре стал делопроизводителем в штабе батальона. Затем его назначили начальником красноармейского клуба. Удачно прошел проверку в особом отделе 5-й армии. И это спасло Колдыбаева.

...Спустя два месяца пришла новая весть от товарища Антона. Он прислал увесистый пакет. В справке чекист подробно докладывал, что нашел-таки Колдыбаева, опознал. Бывший колчаковец работает бухгалтером в Усолье-Сибирском. Отзывы о нем хорошие. Старательный, исполнительный. За плечами у него служба в Киренском уездном военкомате, откуда приходила первая телеграмма товарища Антона; после демобилизации — добросовестная работа в кооперативном отделении Сибторга в том же Киренске. Вступал в

партию, но через три года был исключен за пьянство. Пришлось раз навсегда бросить старое пристрастие.

В качестве алиби бывшему прапорщику служила официальная бумага, в которой говорилось: «...со стороны органов Советской власти препятствий к поступлению Колдыбаева А. Н. на службу в какое-либо советское гражданское учреждение, а также по военной части не встречается». Копию этого документа товарищ Антон приложил к своей докладной.

Наступило время, когда Александр Матвеевич Петров должен был восстановить как можно более полную картину одной из трагических страниц истории Воткинска. Рана, нанесенная юрьевскими палачами, не зажила. Многие семьи, родные и близкие переживали утраты той поры. Чекист помнил наказ воткинцев, провожавших своего председателя поссовета в органы ОГПУ: «Это хорошо, что в строй возвращаешься. Мы верим, никто из мятежников не уйдет от возмездия. Палачи не отмоят руки от крови загубленных ими рабочих...»

Первый же допрос показал, что Колдыбаев будет упорно сопротивляться. Чтобы сломить его сопротивление, нужны тщательно проверенные, неопровержимые факты. Нужна стройная логика доказательств.

Колдыбаев хитрил, он пытался всякими уловками выведать, что известно о нем следствию, какими доказательствами располагает этот выдержанный, проницательный чекист. Подследственный при каждой встрече утверждал, что в штабе юрьевской «народной армии» он был писарем. Почему называли его старшим адъютантом, не знает. С Юрьевым работал на одном заводе, о том, что он штабс-капитан царской армии, узнал только после мятежа, когда был мобилизован в «народную армию». О «баржах смерти» он, простой делопроизводитель, ничего не слышал. Ошибки молодости десятилетней давности уже проверяли чекисты по свежим следам. Разрешили даже продолжать военную службу в Красной Армии.

Петрову пришлось снова ехать в Воткинск, встречаться с бывшими узниками «баржи смерти» Богатыревым, Бердниковым, Назаровым, Феклистовым. Они указали других очевидцев, чудом выбрав-

шихся из-под трупов в братских могилах. Они не могли оставаться в местах, где были заживо погребены. Один уехал в Каракулино, другой — в Можгу.

Бесценной оказалась встреча с воткинским коммунистом Иваном Федоровичем Козыревым. Старый конспиратор большевистского подполья открыл Петрову давнюю тайну. Он назвал имя женщины, которая работала машинисткой в юрьевском штабе. Бывшая гимназистка, женщина из интеллигентной семьи, она еще до революции была связана с большевистским подпольем. Но после революции почему-то отошла от активных дел. А когда вспыхнул мятеж, оказалась в штабе «народной армии».

— Наташенька и сейчас живет в Воткинске, — пояснил Козырев. — Поначалу трудно ей было — люди считали предательницей. А я знал человека из Вятской губчека, который поручил ей устроиться в белогвардейский штаб. Он погиб в двадцатом году на Перекопе. Но тайну всем не расскажешь. Женщину я успокоил, признался, что знаю, почему она штабисткой была. А теперь вот вижу, что тебе эту тайну доверить можно.

Бывшая машинистка дала следствию много ценных сведений о Колдыбаеве. Стало известно, за какие «заслуги» он был удостоен у Колчака орденов Анны третьей и второй степеней. Всплыли важные подробности его участия в расстреле пленных красноармейцев на берегу Иртыша. Петров узнал, какую роль играл прапорщик на пароходе смерти «Европа», когда юрьевские головорезы плыли в нем по Ишиму.

Александр Матвеевич с присущей ему скрупулезностью собирал факты. По его запросам поступили документы из различных архивов. Он устраивал опознание личности Колдыбаева, для чего приглашал знавших его в лицо людей из различных районов огромной страны.

С каждым допросом у Колдыбаева рушились защитные позиции, штрих за штрихом восстанавливалось его истинное лицо. Петров предъявил обвиняемому собственноручно подписанные им приказы по юрьевской армии. Побледнев как полотно, он прочитал полузабытые строки: «Старшего адъютанта штаба прапорщика Колдыбае-

ва Александра Николаевича назначаю моим помощником. Нач. штаба армии штабс-капитан Шадрин».

Дело Колдыбаева, как особо опасное преступление, рассматривал военный трибунал. Каратель был приговорен к расстрелу.

Накануне Великой Отечественной войны почетный чекист Александр Матвеевич Петров был направлен на ответственную работу в Омск. Отсюда он написал рапорт с просьбой отправить добровольцем на фронт. Его назначили начальником отдела контрразведки 95-го стрелкового корпуса, который формировался на Урале.

Боевое крещение корпус принял в составе 1-го Белорусского фронта. Петров впервые столкнулся с деятельностью профессиональной военной разведки фашистской Германии. Ее почерк был мало знаком, но опытный чекист быстро входил в обстановку, интуитивно постигая стиль и методы работы абвера.

Шел сорок третий год. Это было время, когда советская контрразведка, преодолев трудности первого периода войны, обрела опыт работы во фронтовых условиях и перешла к наступательной тактике.

Следует заметить, что ведущая разведывательная организация гитлеровской Германии, несмотря на свой профессионализм и обширную практику шпионажа и диверсий, накопленные в предвоенные годы, не смогла достичь поставленных целей. Она не решила своих стратегических задач по созданию в нашей стране «пятой колонны» и сбору достоверных данных о военно-экономическом потенциале СССР. Правда, ей удавалось забрасывать агентуру и диверсионные группы в тылы наших войск, нарушать линии связи, выводить из строя отдельные участки на железных дорогах, распространять разные панические слухи. Но дальше этого дело не шло.

С ростом боевого опыта советских контрразведчиков радиус действий фашистской разведки резко сокращался. По-существу, он не превышал глубины боевых порядков советских войск и их ближайших тылов. Абверовские лазутчики неизменно вылавливались благодаря высокой бдительности советских людей и возросшему мастерству работников органов государственной безопасности. В этой

обстановке фашистская разведка всеми силами стремилась расширять шпионскую сеть, внедряясь при малейшем удобном случае в любую едва обозначившуюся щель.

Активизация абвера прибавляла работы особым отделам частей и соединений Советской Армии. Александр Матвеевич со своими подчиненными делал все возможное по обеспечению безопасности в корпусе. Приходилось сутками, порой без сна и отдыха, находиться в войсках, добиваясь, чтобы повсюду царила атмосфера высокой бдительности, чтобы каждый командир и солдат помнил о происках вражеской разведки. На наиболее вероятных путях проникновения фашистских лазутчиков действовали засады и секреты, поисковые группы. В районе действий корпуса ни один шпион или диверсант не перешел линию фронта незамеченным.

В лесах Белоруссии советские контрразведчики столкнулись и с другой разновидностью опоры фашистской разведки — предателями и изменниками Родины. Вместе с местным населением чекисты принимали решительные меры по обезвреживанию и задержанию бывших карателей и полицаяв, фашистских ставленников. Население освобожденных районов требовало строго покарать изменников.

Пядь за пядью освобождала Советская Армия древнюю землю Полесья. Шли ожесточенные бои. Озверелый враг уже чувствовал приближение конца и метался в смертельной агонии. Еще острее испытывали это чувство пособники гитлеровцев.

Кулацкое отребье, воры и бандиты — они воспрянули духом на оккупированной советской земле. Враг знал, на кого опереться в своих кровавых делах. Отщепенцев, предателей было не так уж и много, но активность самых отъявленных из них порой достигала невообразимых масштабов. Они зверствовали, не уступая матерым гитлеровским головорезам из эсэсовцев и гестаповцев.

Повидавший немало на своем веку, Александр Матвеевич Петров не раз поражался бесчеловечности, тупой звериной злобе предателей Родины, готовых убивать, вешать, насиловать, истязать, жечь все живое. Нет такого суда, который мог бы полной мерой определить звериную сущность предателя. Петров от кого-то слышал: предателя и ворон не клюет.

Кирилл Жудро эвакуировал колхозный скот на восток. Подморозило. Коровы шли медленно, нехотя уступая дорогу военным автомашинам, артиллерийским упряжкам. Когда по обочине двигались нестройные колонны пехотинцев, Кирилл зло косил глазами на уставших, небритых и запыленных красноармейцев. На лице погонщика застыла маска безразличия, а в душе клокотала радость: приходит конец ненавистным Советам.

За спиной день и ночь грохочет артиллерийская канонада, полыхают зарева от бомбежек. Чует Жудро, что немец на пятки наступает. Хотя бы быстрее оккупант двигался! Жудро чувствовал, что такие, так он, новой власти понадобятся. А уж он постарается привести в чувство всех, с которыми у него личные счёты. Он открыл их вскоре после того, как в тридцать пятом был раскулачен отец. Советское правосудие строго наказало его за разбой. Он отбыл наказание, глубоко затаив мысль о расплате.

Безмерная радость охватила Жудро, когда он, протирая со сна глаза, зябко поеживаясь перед дотлевающим костром, услышал в тумане нерусскую речь. Вскочил, не веря ушам своим. Да, все верно, вон там, за густым кустарником... И побежал, рослый, неуклюжий, подхлестываемый длинными полами брезентового дождевика, очумевший от радости и дикого волнения в груди, побежал что есть мочи на доносившиеся с дороги голоса немецких солдат.

А потом все было просто и быстро. В декабре сорок первого года оккупационные власти официально назначили Жудро старостой деревни Корани Полесской области. Отсюда началась кровавая биография предателя.

Новым хозяевам нравился старательный коранинский староста. И когда партизаны вынесли смертный приговор бургомистру местечка Озаричи Пархоменко и привели его в исполнение, лучшей кандидатуры на появившуюся вакансию, чем Жудро, у представителей немецкой власти и быть не могло.

Новоиспеченный бургомистр с еще большей энергией взялся за наведение «порядка» в Озаричах. Он окружает себя надежными помощниками, такими же отъявленными предателями. Начальник местной полиции Ломако, волостной старшина Соловей...

Во времена правления бургомистра Жудро в Озаричах размещался лагерь. В нем оккупанты собрали около одиннадцати тысяч советских военнопленных и мирных жителей окрестных сел и деревень. Это был один из немногих лагерей, где погибли две трети арестованных. В лагере хозяйничали эсесовцы и гестаповцы. Не беспомощным свидетелем был в Озаричах и бургомистр Жудро. Об этом свидетельствует, в частности, выданный ему официальный документ с подписями и печатью гарнизонной немецкой комендатуры. В нем сказано, что Кирилл Жудро «отдает все силы в интересах Германского государства, германских войск и оказывает помощь по защите Германии».

Поистине звериный облик обнаружил Жудро, возглавив расправу над десятками русских, евреев, белорусов, украинцев в деревне Давыдовка. Давыдовская трагедия была одной из страшнейших в Полесье.

Операция началась в десять часов утра. Грузовик доставил в деревню Жудро, Ломако, Соловей и еще несколько полицаяев. План действий обговорили заранее. Размяв отекие ноги и опрокинув по стакану мутного первача, группа мгновенно рассыпалась по хатам.

Пьяная свора предателей и изменников вместе с гестаповцами за несколько минут согнали на сельский майдан больше двухсот человек. Толпа сжалась, как живая пружина, натужно ахнула, когда полицаи, взяв наперевес штыки, со всех сторон как по команде двинулись на людей. Люди разом вздрогнули. Поднялся душераздирающий крик, послышались стоны, вопли, мольбы пощадить хотя бы грудных детей. Но палачи, озверев от самогона и крови, кололи живые цели штыками, до смерти забивали ползающих в пыли прикладами, расстреливали в упор еще державшихся на ногах.

Больше восьмидесяти человек уничтожила команда Жудро. Ночью часть трупов вывезли и сбросили в лог, а часть зарыли на старом скотском кладбище.

Казалось, все Полесье содрогнулось, узнав о давыдовской трагедии. Некоторые подробности стали известны контрразведчикам 95-го корпуса, который в составе 65-й армии 1-го Белорусского фронта продвигался на Запад.

Начальнику особого отдела корпуса Александру Матвеевичу Петрову злодеяния озаричевского бургомистра напомнили далекое колымбаевское дело. Почерк предателей и палачей народа в сущности своей одинаков. То, что происходило в мятежном Воткинске четверть века назад, точь-в-точь повторялось здесь, на белорусской земле.

Опыт подсказывал: действовать надо оперативно, решительно, не теряя ни дня. Ибо трудно восстанавливать истину, когда остывают следы преступления.

Действия уральского корпуса были настолько успешными, а его продвижение в Пинских болотах настолько интенсивным, что Жудро и его подручные не успели унести ноги. Они рассыпались по окрестным лесам, растворились среди беженцев. Выдавая себя за жертвы оккупантов, они находили временный приют в любой землянке, просачивались в партизанские отряды.

Петров установил прочную связь с партизанской бригадой Михаила Денисовича Горбачева. Части и подразделения ее действовали в окрестных районах Полесья. С помощью партизанских разведчиков и мирных жителей контрразведчикам удалось установить места, где ориентировочно могли бы скрываться предатели. Сужая круг поиска, чекисты вышли на ряд укрытий.

Первым был обнаружен и задержан бывший полицай Трофименко. На допросах он показал, что был только исполнителем приказов начальника полиции. Контрразведчики во главе с Петровым поняли, что напали на верный след.

Трофименко, как и водится у предателей, почувяв, что час возмездия приближается и утаить свое участие в зверских расправах над земляками вряд ли удастся, стал выдавать соучастников: не погибать же в одиночку! Он подсказал контрразведчикам, где искать предателя-полицая Соловья. В свою очередь, арестованный Соловей вывел контрразведчиков на более крупную фигуру — начальника озаричевской полиции Ломако, одного из руководителей массовой расправы над мирными жителями Давыдовки.

Петров тщательно составил план розыска Ломако. Были разработаны и высланы в каждую часть ориентировки. Контрразвед-

чки всех подразделений и частей корпуса приступили к розыску.

Вскоре Петрову позвонили из штаба одной из дивизий.

— Товарищ подполковник, нами задержан подозрительный человек. Похож на портрет вашей ориентировки...

Так был арестован руководитель местной полиции, который в ходе следствия признал себя виновным. Бывший глава районной полиции настаивал, чтобы следователи обязательно подчеркивали в протоколах допроса: его действия были результатом приказов бургомистра Жудро.

Бывший бургомистр Озаричей, гитлеровский ставленник и прихвостень, палач и грабитель Кирилл Жудро с группой полицейских был окружен в лесу партизанами бригады Горбачева, схвачен и доставлен контрразведчикам.

Предатель надеялся догнать своих фашистских хозяев и бежать вслед за ними в Германию. Его бумажник, найденный во время обыска, был туго набит немецкими марками. Но судьба распорядилась справедливо. Военно-полевой суд приговорил его к высшей мере наказания.

Александр Матвеевич Петров вышел на заслуженный отдых. Но разве мог усидеть без дела человек, который всю жизнь был в непрерывном движении, с полной отдачей сил и энергии выполнял свой служебный, гражданский, партийный долг...

Пока были силы, подполковник в отставке часто надевал военную форму с орденами и медалями. Ненадолго задерживался перед зеркалом: привычным движением одергивал китель, поправляя погоны. Он шел на встречу с пионерами. Рассказы о боевых делах замечательного чекиста ребята готовы были слушать часами. А на следующий день — заседание в райкоме партии. Он должен отчитаться о выполнении ответственного партийного поручения.

Встречи ветерана с рабочими, строителями, жителями района, переписка с боевыми друзьями и сослуживцами отнимали столько времени, что порой не хватало и недели с выходными днями...

Как жаль, что уже нет в живых этого человека!

Край „Фореста“

1

Добош не предполагал, что его будут встречать. Пробуравив осадившую поезд толпу, он через мокрый, замусоренный перрон Перми II вышел на мощенную булыжником привокзальную площадь и ходко двинулся к центру города. В лужах, оставшихся после ночного дождя, плескались воробьи. Шумно отфыркивались у коновязи несколько лошадей да о чем-то спорили бородатые извозчики. И над таборной этой сутолокой, над гривами паровозного дыма, над плакатом «Дашь пермский трамвай!» умыто улыбалось майское солнце десятого года революции...

— Добош! Иосиф Альбертович!

Добош оглянулся. Его нагоняли двое в тарантасе.

Одного — высокого, сутуловатого, покато широких плеч наминавшего портового грузчика, Добош узнал сразу — Корякин, старший уполномоченный экономического отдела. Вместе участвовали в операции года три назад.

— Ну и опаздывают же поезда! — сердито сказал Корякин, пожимая руку Добошу. Потом представил спутника: — Помуполномоченного Игнатьев. Проводит вас. А я еду в Пашию, Иосиф Альбертович, поговорим после.

По дороге в окружной отдел Игнатьев рассказал Добошу об аварии на Пашийском металлургическом заводе: «То ли головотяпство, то ли вредительство. Да Корякин разберется!»

Игнатъев — белокурый, голубоглазый, с доброжелательным и одновременно чуть лукавым взглядом, спешил поскорее сориентировать своего будущего начальника.

В курс дела Добоша ввели, еще в Свердловске, правда, в общих чертах. Игнатъев рассказывал о важных частностях. Добош старался слушать внимательно, но это удавалось плохо: приступ язвы навалился неожиданно, как всегда. Видя нахмуренное лицо начальника, Игнатъев обиженно умолк. Поняв причину его молчания, Иосиф Альбертович спросил, через силу разжав стиснутые зубы:

— Давно в органах?

— Третий год. Помогаю куратору Мотовилихи уполномоченному Ковде. Он сейчас в отпуске.

Тарантас катился к центру города. Мимо проплывали деревянные дома. Добош заметил, что сирень в палисадниках набухла и зеленые почки готовы распеленаться со дня на день.

До Пермского окружного отдела ОГПУ доехали быстро. Располагался он в двухэтажном кирпичном здании на Пермской улице. Показывая на длинный пристрой в глубине двора, Игнатъев хозяйски пояснил: «Там у нас буфет, можно подхарчиться. И там же, в подвале, тир. Стреляем каждое утро...»

Начальник Пермского окротодела Покровский встретил Добоша приветливо, познакомил со своим заместителем, потом представил Иосифа Альбертовича работникам отдела по борьбе с экономической контрреволюцией: «Ваш новый начальник, опытный чекист. В войсках ЧК — с девятнадцатого года, непосредственно в органах — с двадцать первого. Прошу, как говорится, любить и жаловать!»

Вернувшись в кабинет, Покровский ознакомил Добоша с оперативной обстановкой в Перми и Мотовилихе. Заканчивая разговор, Покровский посоветовал обратить особое внимание на главу акционерного общества «Форест» Расповцева:

— Несколько лет назад он в качестве единоличного подрядчика построил на Пермском пушечном заводе кузнечно-прессовый цех. Сорвал куш в двести тысяч. Документально все сходится, претензий к подрядчику не предъявишь. Сейчас в Мотовилихе намечено

строительство крупного цеха — целой мартеновской фабрики! — и возведение полутора десятков трехэтажных домов рабочего поселка. Расповцев прикатил на торги. Надеюсь, представитель Машиностреста по рекомендации партийных органов сделает все, чтобы подряд не уплыл в частные руки. Но вам, как говорится, надо быть начеку...

Так буднично начался первый день работы Добоша в Перми. И в тот же день Игнатьев помог ему определиться с жильем. Как многие сотрудники окротдела, он раньше снимал комнату в частном доме, но совсем недавно женился и переехал в дом родителей жены.

— Хозяйка у меня была суровая, — рассказывал он Добошу, пока они шли по Пермской улице к Разгуляю. — Мужа и детей зарубил пьяный колчаковец.

Дом вдовы стоял у Егошихинского лога. Надворные постройки покосились, и казалось, только вековая береза на краю обрыва не дает им скатиться в лог.

— Вот, Марья Васильевна, привел вам нового жильца, моего начальника, — сказал Игнатьев вышедшей на стук хозяйке. — Мои апартаменты еще никто не занял?

— Свободны, Валентин, свободны. Кто на них позарится?

Сговорились о плате. Хозяйка за деньгой не гналась. Понравилась Добошу и комната в два окна, светлая, прибранная. Словом, квартирный вопрос был решен.

Зато ознакомление с работой подчиненного ему отдела шло медленней, чем хотелось бы Добошу. Он даже не всех сотрудников знал в лицо: многие выехали для работы на местах. Добош навалился на бумаги.

Законченных следственных дел оказалось немало. Но чем глубже вникал в них Иосиф Альбертович, тем сильнее становилось убеждение, что пока в поле зрения отдела попадались исполнители, «мелкая рыбешка». Крепло ощущение, что направляет их одна — опытная и незримая — рука.

Вот и Корякин, вернувшийся из Пашии, не может с уверенностью ответить, почему произошла авария на заводе, и как раз

на участке, производящем из доменных шлаков дефицитный расширяющийся цемент? Республика строится. Разве это по вкусу ее недругам, явным и тайным? А тайный враг опаснее явного: бьет неожиданно, в спину.

Первой неожиданностью стало сообщение о состоявшихся на пушечном заводе торгах. Машинотрест не выдержал конкуренции, подряд по мартену перехватил Расповцев.

Не скрывая досады, Иосиф Альбертович вызвал Игнатьева:

— Соберите все сведения, имеющие отношение к «Форесту», к членам его правления и председателю; постарайтесь, не привлекая внимания, выяснить подробности по торгам.

Вскоре материалы по «Форесту» легли на стол Добоша.

Иосиф Альбертович очень бы удивился, если бы мог в тот момент слышать разговор в завешанном чертежами кабинете заводоуправления. Ответственный работник вполголоса предупреждал Расповцева:

— Будьте поаккуратнее, Ефим Васильевич. После торгов товарищи из ГПУ проявляют к вам излишний интерес.

— Нотариально договор заверен, формальности на торгах соблюдены. Но за предупреждение, Генрих Исаакович, спасибо!

2

«Публичные торги, назначенные директором завода, начались седьмого мая в десять часов пятьдесят минут и закончились в четырнадцать часов пятнадцать минут...»

Прочитав первую фразу, Добош невольно усмехнулся скрупулезности игнатьевского расследования. Впрочем, сотрудник прав, указав точное время: слишком быстро прошли такие серьезные торги. Слишком быстро!

«Торгующихся двое: фирма «Форест» и Уральское отделение Госстроя конторы Машинотрест. «Форест» за выполнение работ первой группы — рытье котлована, бетонирование фундамента — запросил аккордно двести пятнадцать тысяч рублей. Работы по металлоконструкциям при материалах завода фирма согласилась про-

изводить по ценам с пуда: 4 рубля 49 копеек за основной остов корпуса; рамы, жалюзи, ворота, фонари — по восемь рублей». Далее следовал длинный список расценок по всем операциям. А рядышком — столбик сравнительных цифр, предложенных Машинострестом.

«Что же получается? — подумал Добош. — Представитель Госстроя Солдин от работ первой группы отказался. Прочие операции оценил дороже, чем «Форест», — буквально с копеечной разницей. И его предложения вполне обоснованно отвергли. Тем более, что от снижения цен Солдин отказался наотрез. А Расповцев пошел на уступки, сбросил двадцать пять тысяч. Откуда у него такая уверенность в поддержке акционеров, если он взялся за убыточный подряд? Откуда средства у фирмы? И, главное, эта незначительность расхождения расценок!»

Добош знал порядок подобных торгов. «Купцы» излагали условия письменно и в запечатанных конвертах предъявляли торговой комиссии. Начальных цен знать они не могли. Что же все-таки это за птица — «Форест»?

Взяв пухлый том «Собрания узаконений и распоряжений рабочекрестьянского правительства РСФСР», издаваемый Народным комиссариатом юстиции, Добош открыл его на сделанной Игнатьевым закладке. Там, в статье от 23 сентября 1926 года, был напечатан устав «Лесопромышленного и торгово-строительного акционерного общества «Форест». Добошу показалось странным, что фамилии учредителей общества не совпадают с фамилиями нынешних членов его правления.

Читая о правах, данных «обществу», Иосиф Альбертович даже присвистнул. И впрямь: район деятельности — Москва и Московская губерния и вся Уральская область. «Форест» мог брать лесосеки, разрабатывать лесные участки; открывать и эксплуатировать кирпичные, лесопильные, цементные заводы; нанимать и увольнять рабочих; покупать и продавать строительные материалы...

Становилось понятнее, на что рассчитывал Расповцев, подписывая «невыгодный» договор. Не зря же там сделана оговорка: «Если завод не сможет добыть стройматериалы, то контрагент использует

свои. Оплата — по заготовительным ценам с начислением двадцати семи процентов стоимости». Первый куш — свои материалы. Откуда они у «Фореста»? Вряд ли фирма за полгода существования сумела построить цементные и прочие заводы. Да и капитал ее не столь велик: сто тысяч рублей, поделенных на тысячу акций между пятью пайщиками. На что рассчитывает Расповцев — неясно.

Добош вспомнил, что «Форест» по-английски значит «лес». «Точно, лес! — сказал он вслух, запирая бумаги в сейф. — Лес. Темный лес!..»

В полной темноте Добош добрался до дома, на ощупь нашел кольцо и толкнул калитку. Постоял на крыльце, глубоко вдыхая тополиный смолистый дух, и вдруг закашлялся. Напомнил о себе недолеченный туберкулез, заработанный в восемнадцатом году, когда белочехи бросили Добоша в концлагерь.

Уняв удушливый приступ, Добош своим ключом открыл дверь. По обыкновению, разулся у порога и на цыпочках пошел в свою комнату. Но хозяйка еще, видимо, не ложилась и пригласила Иосифа Альбертовича в горницу почаевничать.

— Именинный день нынче был бы у мужа. Вот поминаю, одной-то тошнехонько!

Чаевничали долго. Хозяйка рассказывала о своей судьбине, о гибели детей и мужа. Муж работал на Мотовилихе. Предчувствуя близкий конец, колчаковцы распорядились отправить в Сибирь ценное оборудование. Рабочие стали валить в ящики всякий хлам — негодные детали, булыжник. Некоторых рабочих, подозреваемых в саботаже, контрразведка успела похватать. Среди них оказался и муж Марьи Васильевны. Пятеро солдат с пьяным поручиком во главе схватили его и выволокли во двор. Дети, плача, кинулись к отцу, старший вцепился зубами в волосатую лапу поручика. Тот выхватил саблю...

Добош, пытаясь отвлечь хозяйку от тягостных воспоминаний, стал рассказывать о своих скитаниях по России. Сослуживцы, знавшие его как человека немногословного, даже замкнутого, сейчас бы просто подивились: так заразительно подшучивал чекист над собой, так весело рассказывал о своих мытарствах, что хозяйка даже улыб-

нулась. Особенно смешным показалось ей, как Иосиф Альбертович бежал из белогвардейского концлагеря и под видом румынского подданного устроился кашеварить в частную мастерскую; как его разъяренный хозяин пытался кулаками доказать правильность русской поговорки «Недосол — на столе, пересол — на спине».

Засиделись за полночь. Но и после, в своей комнате, Добош долго не мог уснуть. Он достал из чемодана томик стихов Шандора Петефи. Эту книжицу Добош пронес через все фронты и концлагеря. Любовь к Петефи жила в нем давно.

Со стихами своего национального поэта на устах поднялись венгры в 1848 году против австрийского тиранства и местных пособников. С простыми людьми пошли многие офицеры-дворяне. Среди них были два старших брата отца. За это дед Иосифа Альбертовича, управляющий майората, был лишен должности и дворянства. Старших его сыновей заковали в кандалы. Младший вырос, стал сельским учителем и учительствовал тридцать лет.

Добош мечтал стать офицером, как братья отца, не пожалевшие жизни ради свободы Венгрии. Он рвался к знаниям, но успел закончить только шесть классов начального училища да четыре класса гимназии в городе Надьварод. Потом умер отец. Иосиф был вынужден вернуться в родной Шергеш. И все же мать настояла, чтобы он продолжил учение. Добош поступил в Высшее коммерческое училище. Закончить помешала первая мировая война.

Иосиф Альбертович открыл томик Петефи, начал читать «Мадурядуок». Будь стихи переведены на русский, они звучали бы так:

Венгерец я! Мне дан суровый нрав, —
Так на басах сурова наша скрипка.
Забыл я смех, от горьких дней устав,
И на губах — лишь редкий гость улыбка...

Эти стихи шептал когда-то двадцатилетний солдат Иосиф Добош в сыром окопе, в октябре четырнадцатого года, на Южном фронте, в Сербии. Потом полк перебросили на австрийско-русский фронт. Кровь, кровь, кровь... Она учила думать, она не хуже про-

кламаций помогала красным агитаторам, говорившим о бессмысленности войны. Летом, в Карпатах, Добош попал в плен. Сидел в лагерях, строил железную дорогу. Потом стал служить матросом в Западно-Сибирском пароходстве.

Везде — и на фронте, и в лагерях, и на строительстве — Иосиф Альбертович встречался с большевистскими агитаторами. Эти люди разных национальностей несли одну правду — ленинскую. И Добош поверил в нее.

Едва грянула Октябрьская революция, он поспешил в Барнаул, где начали формироваться красные интернациональные отряды. К апрелю восемнадцатого здесь существовал комитет партии. Добош тогда еще плохо писал по-русски, и заявление в партию подал на двух языках. Приняли. Поручили вести большевистскую агитацию среди военнопленных в Тобольске. Он горячо взялся за дело, но началось восстание белочехов. Кто-то выдал Добоша.

В августе из Тобольского концлагеря его отправили в Омск. По дороге бежал. Его разыскивали. Тогда-то и «принял» румынское подданство, сменил имя, постигал премудрости поварского ремесла, о чем шутливо рассказывал хозяйке.

На деле было не до шуток. Наладив связь с подпольем, Добош вел разведывательную работу, а в ноябре девятнадцатого был назначен начальником отряда красных интернационалистов, вступил в открытый бой, дрался в Омске и пригородах...

Сон не шел к Иосифу Альбертовичу. Вспомнился ему белогвардейский поручик, которого Добош застрелил в поселке Коломзино. Перед этим поручик зарубил женщину и двоих детей. Не тот ли, что убил детей хозяйки?

Вспомнил Иосиф Альбертович и трудный день 21 ноября, когда товарищ Полудин из Сибревкома вызвал его:

— Все красноармейские части — на фронте. А на окраине в старых казармах закрепился казачий отряд. Весь наш резерв — ваш отряд. Выступить надо немедленно...

И Добош повел группу сербов, чехов, венгров на штурм казарм. Многих бойцов недосчитались тогда коммунары...

И снова звучали в душе Добоша стихи:

...Настанет день великих похорон,
И мой пайдется прах, и собран будет он,
И унесен под траурное пеньё
В сопровожденье траурных знамен
К могиле братской всех сынов народа,
Погибших за тебя, всемирная свобода!

3

Цена в работе сотрудников систему и порядок, Добош не смог скрыть досады, видя небрежность, с которой оформлял сданные в архив дела куратор Мотовилихи Ковда. В материалах двадцать третьего — двадцать пятого годов упоминались фамилии Расповцева и его правой руки — Литвакова, и не раз! Рабочие, строившие кузнечно-прессовый, жаловались на безобразия, чинимые подрядчиками, приписки, хищения.

Особо заинтересовало Добоша сданное в архив без тщательной проверки заявление заведующего бюро Главного управления стройпрома Алексея Ивановича Панова. Он писал о попытке Расповцева в завуалированной форме предложить ему взятку. Сумма баснословная — восемьдесят тысяч рублей.

И тут Ковда не провел никакой работы, даже от очной ставки отказался, ограничился объяснением Расповцева...

Надо было искать Панова. В Москву, в ОГПУ, полетел срочный запрос.

Панов жил на Большой Полянке. Басовитый, с крупными чертами лица, с пожелтевшими пальцами заядлого курильщика, он встретил Добоша несколько отчужденно:

— Поздновато вспомнили то заявление. Было это давно, подробностей не упомню. Да и с чего начать?

— С момента вашего поступления в стройпром.

— Поступил я туда по рекомендации ЦК профсоюза совработников в двадцать втором. Принят был, мягко говоря, недружелюбно: начальство уже имело кого-то на примете. Да и рекомендация моя пришлась не по вкусу. В то время большинство строительных работ вели частные подрядчики; наиболее крупные заводы счита-

лись как бы вотчинами отдельных лиц. Так, Тула была в руках Шумилина и Эпштейна, Ижевск — у Левина, Симбирск — у Расповцева.

Стал я заведующим стройбюро. И на первые же торги пригласил государственные строительные конторы. Руководство меня не поддержало. «Вотчинники» откровенно усмехались. И все же часть работ на торгах сумели взять Мосстрой и Госстрой.

Тогда-то, весной двадцать третьего, я впервые увидел Расповцева. В Симбирске ему показалось тесновато, и он в Москве, на торгах по Мотовилихинскому пушечному заводу, сумел обойти Госстрой, снизив цену. Меня поразила незначительная разница в ценах. Понимаете, очень незначительная!

«И меня она тоже удивила, но четырьмя годами позднее», — подумал Добощ, но промолчал, чтобы не сбить собеседника с мысли.

— Честно говоря, эта копеечная прибыль обернулась тысячными убытками. Я докладывал, но в руководстве у Расповцева оказались высокие покровители. А ведь он подсовывал фальшивые наряды, втридорога драг с заказчика за материалы.

— Откуда у него свои материалы?

— В Москве у Расповцева был завод строительных машин и материалов, кружевная фабрика, свои пароходы на Волге. Впрочем, едва началось наступление на частный капитал, Расповцев успел все распродать: и пароходы, и завод, и фабрику.

— Не знаете, кому он продал завод стройматериалов?

— Какому-то акционерному обществу. Кажется, потерпевшему крах «Обществу взаимного кредита», точно не помню. А столкнулись мы с Расповцевым так: я контролировал строительство в Мотовилихе, и Расповцев подсунил мне счет на сто шестьдесят тысяч рублей сверх договора. Якобы за дополнительные работы по фундаменту. Счет я отверг как необоснованный. Удивительно, что он был подписан главным архитектором Вендой и коммерческим директором. А работы — фикция, точно!

— Как же Расповцев предлагал вам взятку? Да и зачем? Восемьдесят тысяч так, в виде презента?

— Зачем? Да чтобы я извлек счет из-под спуда. Через полгода я снова приехал в Пермь. Вышел из заводууправления, и у станции Мотовилиха едва не столкнулся с Расповцевым. Он взял меня за локоток, так, «по-купецки», и вновь заговорил о своей «претензии». Отвечаю, что моя точка зрения известна, и сто шестьдесят тысяч рублей — не шутка. А он говорит: «Расколом, Алексей Иванович, эту шутку пополам». Спрашиваю, как, мол, пополам? «А вот так! — И рубанул рукой рассекающе. — Так пополам. Вам половина, и мне — остаточек».

Резкий потом разговор у нас получился. В тот же день я написал заявление. Беседовал со мной ваш сотрудник. И на все мои доводы отвечал: зря якобы горячусь, на хорошего человека напраслину наговариваю, на полезного для Республики.

— И позднее, когда «претензию» Расповцева стали рассматривать на комиссии, мой непосредственный начальник Нефедьев принял его сторону. Я бросил с места реплику, что, живя в правовом государстве, мы обязаны защищать права работающих в нем: ведь у нас Союз Советов, а не Америка, чтобы отстаивать капиталистические интересы и покрывать жульничество. Вопрос о выплате денег Расповцеву отложили.

Потом меня «ушли»: упразднили должность. И деньги Расповцеву выплатили. Сказал мне об этом бывший сослуживец. Впрочем, Расповцев — делец оборотистый. Может, и расколол на части с кем-нибудь свою «претензию»...

Добощ задержался в Москве еще на неделю, выясняя столичные связи Расповцева. Поиски привели его к бывшему председателю прогоревшего «Общества взаимного кредита» Зибельману.

— Как? Товарищи уже интересуются «Форестом»? А я предупреждал Ефима Васильевича. И не зря мы трое, Фрейдер, Оловянных и я, вышли из правления «Фореста»...

Фамилии показались Добощу знакомыми. Вспомнил! Так это и есть официальные основатели фирмы!

— Поверьте, я чрезвычайно рад, покинув общество гражданина Расповцева, — продолжал бывший акционер «Фореста». — Эти шестьдесят тысяч рублей должны были его погубить. О, Ефиму Ва-

сильевичу нельзя было принимать их от людей, говорящих по-русски с иностранным акцентом.

Добош с недоумением слушал Зибельмана. Какие шестьдесят тысяч? Какой иностранный акцент?

Словоохотливость Зибельмана объяснялась просто: на руках у Расповцева оставалась его расписка в получении «означенной суммы». И если гражданина Расповцева привлекут, а чекисты зря не придут, то пусть ему, Зибельману, не придется возвращать эти деньги. Зибельман не скупился на подробности.

Оказалось, Расповцев, едва начала разворачиваться борьба с крупными частниками, продал фабрику и завод «Обществу взаимного кредита». Зибельман предупредил, что правление средств на покупку не имеет, многие векселя не оплачены. Расповцев подчеркнул: продажа состоится лишь на бумаге, а позднее завод будет перекуплен фирмой, которую он предполагал организовать. Но, пока создавался «Форест», «Общество взаимного кредита» стало банкротом. И завод Расповцева пошел в залог за шестьдесят тысяч рублей. Денег у махинатора не оставалось: сто тысяч рублей он вложил в банк как начальный капитал «Фореста», вопрос о котором в Торговой палате был уже решен.

— Ефим Васильевич кинулся на поклон к бывшему царскому генералу Михайлову, который и ныне считается крупным спецом, руководит Главным управлением Стройпрома. Догадываюсь, с кем он свел Расповцева, что посоветовал. Через день Ефим Васильевич принес нужную сумму, потребовал расписку. Как председателю правления, мне совсем не хотелось за решетку, и расписку я написал. Деньги внесли в банк, завод «выкупили», и владение им переоформили нотариально. Теперь он принадлежит «Форесту». А на деле так Ефим Васильевич купил его сам у себя с переплатой в шестьдесят тысяч рублей. Предполагая, у кого он взял деньги, мы вышли из «Фореста»...

В Перми Добоша ждали новости: пока он вел работу в столице, «Форест» принял участие в торгах по строительству важного цеха на Невьянском заводе и вновь оттеснил госстроевцев. Покровский посоветовал Иосифу Альбертовичу побывать в Свердловске:

«И с товарищами давними увидите, и жену домой перевезете. Сколько можно ходить в «холостяках»?»

Первым делом Добош выяснил, кто представлял Госстрой на торгах по Невьянскому заводу, и не очень удивился, услышав фамилию Солдина. Уполномоченному ОГПУ по Уралу Ракитину, своему давнему знакомцу, Иосиф Альбертович посоветовал выяснить контакты между Солдиным и Расповцевым и не выпускать из вида Литвакова, который должен был руководить строительством в Невьянске.

— Предполагаю, что контакты эти не прямые, а через третьих лиц, — подчеркнул Добош.

Впоследствии подтвердилась его правота. Солдин поддерживал связь с инженером Ковалевым, готовившим для «Фореста» торговые расчеты. И все предложения Госстроя, еще до того, как будет запечатан конверт, становились известны Расповцеву.

4

Строительство мартеновской фабрики на Мотовилихе велось довольно быстро. «При таких темпах, — информировал главный архитектор Генрих Исаакович Венда, — контрагент уложится в договорный полуторагодичный срок».

На рабочей площадке установили американскую паровую «бабу» для забивки железобетонных свай. После одной из поломок техник Затопляев, которому поручили контроль по приемке свайного основания, от нечего делать стал на клочке линованной бумаги набрасывать эскиз заморского механизма.

— Уж не хотите ли взять на него патент? — пошутил белокурый студент-практикант.

— Патент не патент, а чертеж мне нужен настоящий, — раздался голос незаметно подошедшего Расповцева. — Да не смущайтесь, не прячьте свое художество. Мне впрямь нужен увеличенный в три раза. Плачу четыреста рублей. Согласны?

В кабинете Иосифа Альбертовича, ероша светлые свои волосы, Игнатьев убеждал начальника:

— Четыреста рублей — замаскированная взятка, факт! Платить бешеные деньги — три месячных оклада — за пустяковую работу! А Затопляев имеет прямое отношение к приемке!

— Не горячитесь, Валентин. Ну, возьмем Расповцева, предъявим обвинение в даче взятки. А он — выкрутится. Быстро только сказка сказывается.

Горячность подчиненного была понятна Добошу, напоминала ему собственную молодость. В двадцатом партиячка командировала его в Москву, в школу красных командиров-интернационалистов. Оттуда, курсантом первой восточной бригады, попал в Баку, на подавление контрреволюционного восстания. Разве мечтал он о передышке, искал спокойное местечко? Вихрь революции бросал его из боя в бой, и вдруг — вызов на Урал, штабная работа в 7-й бригаде ВЧК.

Вот и настала пора оглядеться, перевести дыхание. И как-то вдруг Добош увидел и понял, что за громом боев жизнь в стране шла своим чередом: поднимались из руин заводы, люди сеяли и убирали хлеб, жили, любили, воспитывали детей.

В августе двадцать первого Добош познакомился с Аней — молоденькой учительницей Аней Васильевной Шиловой. А в сентябре ее родители — отец портной и мать домохозяйка — благословили дочь и зятя-мадьяра. Через день после свадьбы Добоша откомандировали в распоряжение начальника губчека. Он рвался на оперативную работу, но — не взяли. Не помогло даже то, что он свободно владел четырьмя языками. Против была медицина.

Поначалу «сплошная бухгалтерья», работа уполномоченным по борьбе с экономической контрреволюцией в Шадринске, тяготила Добоша. Потом пришло понимание важности и необходимости такой работы. В стране, занятой строительством, он продолжал оставаться на линии огня, оберегая социалистическую стройку от вражеских диверсий и вылазок. С годами рос опыт, не остались втуне и годы учения в Высшем коммерческом училище.

И сейчас, выговаривая Игнатьеву за излишнюю горячность, Иосиф Альбертович думал о том, что сеть, поставленная на «крупную рыбу», все плотнее охватывает «Форест». Литваков под на-

блюдением. Расповцев все время под контролем. Его дача в Подмосковье, дом в Москве, квартира на Мамнина-Сибиряка в Свердловске, дом на Инженерной в Перми — все убежища председателя «Фореста» не оставлены без внимания.

Игнатьеву удалось установить еще одно логово — снимаемую Расповцевым квартиру на Соликамском тракте. Там проходило большинство встреч с «нужными» людьми, иногда — в обществе испытанных прелестниц. Для некоторых гостей Шурочка Евсеева — приехавшая из Свердловска родственница инженера — топила под вечер баньку, запаривала пахучие веники.

Шурочку Расповцев нанял в домработницы в двадцать восьмом году, когда гостей в доме на Соликамском тракте стало особенно густо. Рекомендовавший Шурочку активный член контрреволюционного подполья инженер Евсеев даже предполагать не мог, что эта пакладистая, работающая, тихая девчушка была охарактеризована чкистом Ракитиным из Свердловска как весьма способная, пронизательная, надежная сотрудница ОГПУ.

Сведения, поступавшие от нее, заставили по-новому взглянуть на председательский авторитет и всевластие Расповцева. В контору «Фореста» он напринимал родственников многих ответственных работников завода, жалованье платил им щедрой рукой. И никто из правления общества не заикнется о разбазаривании средств, даже главные акционеры Зобер и Кузьмин. А наибольшие убытки несут именно они — Зобер, имеющий четыреста акций, и Кузьмин — обладатель трехсот восьмидесяти акций. Расповцев был держателем ста пятидесяти, Суконцев — пятидесяти и Литваков — всего двадцати акций.

И вот Шурочка сообщила, что Зобер — зять Расповцева, а Кузьмин — его двоюродный племянник. На встрече с ними Расповцев, куражась, пьяно грозился пустить их по миру. Они — акционеры только на бумаге. На деле акции, кроме семидесяти, принадлежат главе «Фореста». Значит, Расповцев не только взяточник, но и замаскировавшийся крупный частник!

Дом на Соликамском тракте начал «раскрывать» свои секреты. Бухгалтер заводской расчетной части, от которого зависела оче-

редность выдачи денег по счетам, получил от Расповцева четыреста рублей взаймы без отдачи, как милостиво пошутил глава «Фореста». Тогда же довольно крупную сумму получил ведущий инженер Крохин.

Побывал у Расповцева и главный архитектор Венда. Он молча положил в портфель две тысячи рублей, которые Расповцев вручил ему после небольшой перепалки.

— Венда говорит, — комментировала Шурочка, — что он честно зарабатывает два процента от стоимости сданных заводу работ. Расповцев возражает, что и там, мол, архитектор обобрал его до нитки. Тот, в свою очередь, злится и твердит, что ему надоело покрывать делишки фирмы перед «товарищами в форме»...

В конце года в Пермь приехал с инспекцией начальник Главного управления стройпрома Михайлов и несколько сотрудников, в том числе и упомянутый Пановым покровитель «Фореста» Нефедьев, заместитель Михайлова. Когда бывший генерал со свитой посетил строительство мартена, Расповцев пожаловался, что-де строит себе в убыток, материалов мало, чертежи неправильные и заводские приемщики придираются к качеству работ.

— «Форест» в обиду не дадим! — пообещал Михайлов.

А декабрьским морозным вечером в доме на Соликамском тракте собралось изысканное общество: несколько столичных гостей, Расповцев, Литваков, ведущие заводские инженеры Крохин и Евсеев, Венда, технический директор завода Иванов и еще несколько человек, чьи имена Шурочка не знала.

Пили мало, говорили негромко. Лишь последние фразы речи, произнесенной Михайловым, звучали внятно: «Центр надеется на вашу активную работу, расширение акций. Берите пример со спецов, работающих в Пашии».

К полуночи разошлись все, кроме Михайлова, Нефедьева и хозяина дома. С кухни Шурочка слышала весь разговор, но смысл его остался ей непонятен. Михайлов напоминал Расповцеву, что у неких двух господ хранятся его расписки на тридцать тысяч рублей каждая. Господа не требуют возврата денег, но просят поставлять «оговоренные пустячки» и не «гнать закусив удила».

— По второму пункту наши интересы не совпадают, — заметил Нефедьев. — Нам выгоднее подчеркивать преимущества частных фирм, их гибкость, оперативность. Если заморозить строительство мартена, то будет труднее нам дискредитировать государственные конторы как неживые, бюрократические.

— Продолжайте валить все задержки и неурядицы на заводскую администрацию, — посоветовал Михайлов. — Не жалейте тех, кто не с нами...

— Теперь все данные у нас в руках, — сказал Добош, когда Игнатьев передал ему содержание ночной беседы. «Два пункта», оставшиеся для Шурочки загадкой, для него отнюдь не были шифром: он прочно помнил свой разговор с хитрым Зибельманом. Оставалось выяснить фамилии двух господ, в чьих руках оказались расписки Расповцева. Нужно было ждать, когда он нанесет визит в столицу: вероятнее всего, связь с благодетелями, «говорящими по-русски с иностранным акцентом», глава «Фореста» не мог передоверить никому.

5

В июне двадцать девятого года произошло то, чего ждали чекисты: Расповцев выехал в Москву. На своей даче в Большеве он встретился с господином Мейером. Товарищи из Московского ОГПУ быстро выяснили, что это за птица. Помощник военного атташе Германии, Мейер активно собирал сведения разведывательного характера.

Еще через несколько дней в своей московской квартире Расповцев встретился с резидентом английской разведки — торговцем Джоном Левингстоном.

После этих встреч Расповцев загулял. Пока он кутил в столице, по рекомендации ОГПУ в Перми и Свердловске партийными органами были созданы компетентные комиссии. В них вошли проверенные специалисты. Акты, легшие на стол Добоша, пестрели такими замечаниями, что впору было все, возведенное «Форестом», перестраивать заново, особенно на Невьянском заводе. Фундамент цеха

потрескался еще до начала кладки стен. Едва их подвели под кровлю, как рухнула стена будущего аккумуляторного участка. Сваи для весеннего прореза плотины Невьянского пруда были забиты вкривь и вкось, причем на два метра вместо оговоренных шести. Да и на мартене в Мотовилихе «Форест» себя показал: сорок процентов клепочных работ оказались браком. Вместо отдельных фундаментов под печи и площадки перед ними был сделан цельный фундамент на свайном основании.

По самым скромным подсчетам, убытки государства составили около миллиона рублей. «Форест» допустил пятикратный перерасход дефицитного цемента и трехкратный — металла. Из этих материалов можно было построить не одну мартеновскую фабрику, а, по крайней мере, три. Не один — три цеха!

Да и срок пуска мартена был сорван: Расповцев выполнил указание заграничных благодетелей «не гнать закусив удила». Необходимо было срочно привлекать к работам госстроевцев, о чем и доложил Иосиф Альбертович начальству, прося разрешения на завершение операции по «Форесту».

Десятого августа в Свердловске чекисты арестовали Литвакова. На допросах у Ракитина он начисто все отрицал, играя «мужичка-лапотника»:

— Про взятки ничего не знаю. Да, носил директору Коробкину корзину шампанского, а взятку — боже упаси. А что до акта комиссии, так я не понимаю: я хоть пишушь в анкетах техником-строителем, а на деле-то лишь практик. Отпустите. Приедет Ефим Васильевич, шибко рассерчает на меня.

И впрямь. Обеспокоенный молчанием помощника, Расповцев прикатил в Свердловск. Там, в доме на Мамина-Сибиряка, его и арестовали чекисты. При обыске были найдены хранившиеся в портфеле документы «Фореста», расписки — от сотен до нескольких тысяч рублей. При личном обыске у Расповцева изъяли заводские пропуски, золотой портсигар, запонки и деньги — четыреста девяносто девять рублей одиннадцать с половиной копеек.

Арестованных отправили в Пермь. В тот же день, двадцатого августа, чекисты арестовали всех, связанных с «Форестом»: семь

человек в Невьянске, Солдина — в Свердловске и большую группу в Перми. Ареста избежал бухгалтер «Фореста» и главный архитектор завода Венда: он застрелился в спальне, пока жена в прихожей пререкалась с чекистами.

Один за другим проходили перед Добошем в течение двух недель большие и малые «форестовцы», члены контрреволюционного подполья, вредители, взяточники. Каждый из них, спасая свою шкуру, поливал грязью других.

— Евсеев — монархист. Он противник всего советского. Именно он и технический директор завода разрабатывали вредительские акции, — на первом допросе заявил инженер Крохин.

— Какие акции? — спросил Добош.

— Лично я знаю о двух: вывод из строя станков для расточки пушечных стволов. Это, кажется, двадцать пятый год. И — недавнее. Евсеев как-то похвастал: «Одна маленькая закорючка в чертеже — и тысяча дорогих деталей — брак». Евсеев и технический директор стояли во главе подполья в Мотовилихе. Расповцев выделял на нужды организации крупные суммы. Подкупал необходимых лиц. За некоторую мзду получал советы, как ухватить куш и для себя. Например, сплошной фундамент — идея Евсеева и Венды. Под этой плитой Расповцев похоронил государственных средств разика в три-четыре больше, чем предусмотрено сметой.

— Вы брали взятки? Точнее, Расповцев давал их вам?

Поначалу Крохин юлил, потом сознался, что трижды брал по тысяче рублей. Нет, не был он невинным ягненком, каким хотел предстать перед следствием. Его «личные» советы по обману Республики Расповцев оценил высоко, особенно совет использовать заводской механический цех как своеобразную мастерскую «Фореста».

Все показания сличались, тщательно перепроверялись.

Среди явных врагов, сплотившихся вокруг «Фореста», были и просто обманутые, запутавшиеся люди. Один из них, молодой инженер, рассказал, как Расповцев дал ему несколько актов на списание материала, который даже и не покупался; припомнил случай, когда Расповцев передал счета на десять тысяч рублей за пеньковую веревку, и в кладовую-то не поступившую; как уходили «на-

лево» десятки вагонов с цементом, металлом, дровами. «Форест» грабил Республику методично и беззастенчиво. Только оборот средств по стройматериалам превысил миллион рублей. Причем эти суммы не отражались в заводских документах, и точную цифру потерь, понесенных народным хозяйством, даже установить было невозможно.

Два года Добош и его товарищи шли по пятам за хитрым, изворотливым врагом. Теперь встретились лицом к лицу.

Расповцев, хмурый и небритый, но внешне спокойный, сидел перед Иосифом Альбертовичем. Игнатьев, готовый записывать, расположился сбоку.

Допрос шел не один день. Под давлением улик Расповцев признался в даче взяток, в том, что акционерное общество было организовано на его единоличные средства. Не стал отрицать и факты хищений на строительстве.

Труднее пришлось, когда Добош приступил к связям «Фореста» с контрреволюционным вредительским подпольем в Москве и на Урале. Расповцев запирался долго. Иосиф Альбертович «помог ему вспомнить» и о взятке, данной Нефедьеву из Главного управления (именно с ним Расповцев «разрубил пополам» свою претензию); и о покупке у самого себя завода стройматериалов; и о расписке Зибельмана на шестьдесят тысяч рублей. Доконало главу «Фореста» упоминание фамилий Мейера и Левингстона.

— Пишите, черт с вами! Все расскажу. Это бывший генерал Михайлов подкузьмил меня. Связался я с английской и немецкой разведками только по его вине. Но информации им я не поставлял, и сроки возведения важных объектов не затягивал.

— А мартен на Мотовилихе? А цех и плотина в Невьянске? Сроки вы сорвали. Качество — врагу не пожелаешь!

— Меня поставят к стенке?..

23 марта 1930 года постановлением судебной коллегии ОГПУ участники махинаций «Фореста» и вредители-спецы были осуждены. Тридцать девять из них получили разные сроки, от трех до десяти лет. Расповцева и Литвакова приговорили к высшей мере наказания — расстрелу.

Черемуховой
лог

1

Ночь подступала тяжелая, душная, где-то далеко погромыхивало, будто кто-то грузный и ленивый ворочался с боку на бок. Или это доносились снизу, из-под горы, отголоски завода, или грозы бродили за горизонтом. Но даже и в такую духоту все окна в доме бывшего псаломщика, ныне чувовского обывателя и кожевника Почкина, были закрыты наглухо и задернуты шторами. При красноватом свете подвернутой керосиновой лампы за самоваром сидели трое: сам Почкин, одутловатый, с розовой потной лысиной и высоким бабьим голосом, как и положено псаломщику, и его гости — сухощавый подтянутый человек по фамилии Булышев и кряжистый, будто из цельного дуба вырубленный, Шмелев. Гости прибыли тайно — с Советской властью они не очень-то ладили. Булышев лютовал в колячковской следственной комиссии, Шмелев водил на продармейцев и активистов кулацкую банду, обоих судили и сослали на Север, оба готовы были на все, чтобы свести с Советской властью кровавые счета.

— Взяли мы н-ночью отряд красноармейцев. Тепленькими взяли, — вспоминал Булышев, слегка заикаясь, глядя на свои моластые стиснутые кулаки. — Живьем закопали... Один на коленях ползал, молил: «У-убейте»... Рука из-под земли высунулась, воздух скребет. Я ее л-лопатою срубил...

— Мелко зарыли, — посочувствовал Шмелев.

— Господи, помилуй, — вздохнул Почкин, обращаясь к лампадке, жидко мерцающей в углу.

— Господь-то всегда помилует, зато гелеушники не пощадят. У нас, пожалуй, последний шанс, еще немного — и будет поздно. — Булышев растопырил пальцы по скатерти, они подрагивали. — Большевики крепко встают на ноги.

Шмелев усмехнулся в пегую от седины бороду:

— Может, уже поздно.

— Ну, тогда хоть одного-двух гадов в ад отправлю, самому легче помирать. Н-ненавижу. Пот кровавой прошибает при слове «большевик»!..

— А Урасов как? Урасов верит?

Булышев помолчал, успокаиваясь, но на вопрос все-таки ответил:

— Черт его знает. А восстание готовит. Двести человек с лишком у нас сейчас с оружием по деревням притаились, ждут сигнала. Д-да казаков высланных тысячи четыре, да бывшие махновцы... Рассчитываем на поддержку чусовских, лысьвенских, пермских, свердловских заводов. В городах голодно, магазинам торговать нечем — недовольных много. Урасов всем говорит, будто нас поддержат англичане и, на Д-дальнем Востоке, японцы, но я в иностранных помощников не верю. Оратор он — златоуст! Все-таки б-бывший учитель, выгнанный член ВКП(б). Но восстание, знаю, готовится.

— Кулацкая ссылка поддержит вас, — удовлетворенно проговорил Шмелев. — Только бы оружия побольше, пулеметов бы... — Он вытянул из кармашка за цепочку увесистые часы, забеспокоился. — Что же все-таки Урасов не появляется?

— От Серги сюда путь неблизкий. В пяти верстах от села, в Черемуховом логу, вчера он должен был собрать людей. Мы с Серги и начнем: рядом Кунгур, железная дорога, Пермь.

Булышев полностью доверял Шмелеву. Они были знакомы давно, только осторожный атаман не сразу согласился на встречу с Урасовым, выжидал, пока движение разрастется, определится в задачах и направлении.

Скоро по селам начнется хлебосдача, заропшут недовольные, накалятся злобою те, кого силком затолкнули в колхозы. Самое время поднести фитиль к бочке с порохом. И хорошо, что его, Шмелева, нынче никто не прочит в вожаки. В случае провала отсидится он в своем бараке на студеной речке Керке, за Соликамском.

Почкин встрепенулся, услышав условный стук в окошко, на полусогнутых ногах побежал к двери, и вскоре в комнату вошел валкой походкой высокий широкоплечий сутуловатый человек лет сорока пяти с окладистой рыжеватой бородой. Острыми светлыми глазами окинул собравшихся, шагнул к Шмелеву, подавая сильную, широкую, как лопата, ладонь.

«Где же я его раньше-то видел? — припоминал Шмелев, с интересом и настороженностью присматриваясь к Урасову, который жадно выхлебывал второй стакан чая. — Да ведь это же уполномоченный по заготовке пушнины. Заготовитель пушнины — лучше для нашего дела и не придумаешь!..»

— Сбирать оружие, вербовать людей — вот главная задача на ближайшее время, — глубоким голосом говорил Урасов напористо. — Осенью, как только установятся дороги и продотряды повежут хлеб, ударим решительно и крепко!

2

Начальник Пермского оперативного сектора ОГПУ Юргенс, бритоголовый, с землистым цветом лица, в мягком френче с накладными карманами, сидел за столом. Сотрудники особого отдела оперсектора, а также вызванные из Сергинского и Березовского районов уполномоченные политуправления расположились на стульях вдоль стен. За окнами плескал дождь, затяжной, осенний, в кабинете было пасмурно, да и накурили так, что в открытую форточку дым выползал войлоком. Сам Юргенс не курил, у него было прострелено легкое, однако другим не запрещал. Товарищи старались щадить его, но почти все были молоды, увлечены своим делом, за дверь каждые десять минут не набегаешься, да и не положено, курили по очереди и все-таки надымили.

Вопрос на совещании стоял крайне важный. В органы ОГПУ, начиная с июня, от местных жителей стали поступать сведения о том, что в Березовском и Сергинском районах кулаки и прочие контрреволюционные элементы готовят вооруженное восстание. Районные уполномоченные Городилов и Лыков подтвердили достоверность этих сведений. Необходимо было принимать самые неотложные меры.

Юргенс вызвал к себе Городилова и Лыкова, собрал сотрудников. Ознакомились с общей обстановкой в районах. У Городилова под началом было всего два практиканта, но сам он чекист с солидным стажем, поэтому сориентировался быстро и организовал разведку.

Политико-экономическая характеристика Березовского района заключалась в следующем: территория — две тысячи квадратных километров, тридцать два сельсовета, сорок пять тысяч человек населения, занимающихся исключительно сельским хозяйством.

— Обратите на это внимание, — подчеркнул Юргенс. — Продолжайте.

— В кустарной промышленности занято до полутора тысяч человек, наиболее значительно пимокатное дело. Район коллективизирован на шестьдесят три и четыре десятых процента.

Городилов не забыл о школах, избах-читальнях и клубах, лечебной сети.

— Пути сообщения по району: грунтовые и проселочные дороги; в южной части проходит железная дорога. — Городилов, изредка большими пальцами разгоняя под ремнем складки военной гимнастерки, говорил спокойно, чуть сиповатым голосом, по-деловому сухо. — В период гражданской войны кулаки и их пособники принимали активное участие в борьбе против Советской власти. Еще за полтора года до прихода белых кулаки Саинского и Покровского сельсоветов совместно с дезертирами спровоцировали крестьян, разогнали исполком, захватили оружие. Когда пришли белочехи, к ним примкнуло свыше трехсот пятидесяти добровольцев. При эвакуации белых они бежали в Сибирь. В последние годы некоторые возвратились, проживают в районе. Все они известны особому от-

делу, как и бывшие белогвардейские офицеры, каратели, повстанцы... После получения данных о том, что в Полушкинском, Токмановском и Асовском сельсоветах появилась банда, мы направили туда для внедрения сотрудника под именем Темный.

— Надежен? — быстро спросил Юргенс.

— Надежен. Из крестьян-бедняков. Служил в семьдесят втором дивизионе войск ГПУ. Выдает себя за ссыльного, скрывающегося от властей... Девятого сентября Темный сообщил, что банду возглавляет некто Морозов, сын кулака, неоднократно судимый. От жителей деревни Ипатята Темный узнал, что бандиты собирают оружие, готовят взрыв моста через реку Барду около станции Шумково. Квартует Темный у середняка-единоличника, который притворяется ненормальным. Шестнадцатого сентября Темный сообщил, что ему начали доверять... Пока у меня все.

— Теперь вы, Михаил Матвеевич, — кивнул Юргенс Лыкову и покашлял в кулак.

Уполномоченному ОГПУ по Сергинскому району было двадцать семь лет, только год он работал в Серге, но обстановку тоже изучил хорошо. Район по территории был почти таким же, как Березовский, но попустынее: населения двадцать пять тысяч человек, семнадцать сельсоветов. Коллективизация — на 68 процентов. Лыков тоже, как Городилов, отметил количество школ, клубов, изб-читален, лечебных учреждений, сказал, что поблизости от территории района проходит Горнозаводская железная дорога.

— В восемнадцатом году, — сказал Лыков, разволновался, зазвонел голосом, — в восемнадцатом году в селе кулаки образовали особый отряд, ловили коммунистов и сочувствующих Советской власти, расстреливали! В деревне Дикари кулаки выдали белым красноармейский отряд, он был вырублен начисто. В селе Насадке расстреливали коммунистов и советских работников. В деревне Мостовой врасплох захватили наш отряд. Живьем закапывали красноармейцев в землю! В прошлом году, когда мы проводили по району раскулачивание, то раскрыли и сняли повстанческую группировку. Ну, это вам известно.

Юргенс кивнул, отыскал глазами начальника особого отделения

оперсектора Тутушкина, бывшего командира Красной Армии. Высоченный, в плечах сажень, Тутушкин сидел прямо, как вылитый, на крупном сильном лице его с синеватым шрамом от сабельного удара никакого выражения не было, точно он отсутствовал. Но на самом деле он слушал с предельным вниманием, потому что именно ему предстояла практическая ликвидация банды. Снять главарей и наиболее оголтелых повстанцев, остальных расшатать изнутри, предупредив их антисоветские выступления. Юргенс встал из-за стола:

— К повстанцам Сергинского района ушел наш сотрудник Нилин с заданием: выявить количество членов организации, оружия и боеприпасов, связи с закордоном, лозунги группировки, собирать полные характеристики на ее членов... Я просил вас обратить внимание на род занятий жителей этих районов. Вожаки это тоже учитывают. Потому и лозунги восстания чисто эсеровские, с добавкой кулацких. Руководителем восстания признан некий Урасов. — Юргенс жестом пригласил Лыкова продолжать.

— По данным нашего сотрудника Нилина, Урасов — из крестьян-середняков, бывший учитель, был председателем сельсовета, но всячески помогал кулакам, за это исключен из партии, дважды судим. Личность сильная, способен вести за собой и как оратор... — Лыков перевел дыхание, добавил: — Еще Нилин сообщил, что в одной только деревне Антонково у повстанцев имеется пятьдесят винтовок, не считая обрезов и до тысячи штук патронов.

— Население повстанцев не поддержит, сотни людей готовы помогать нам в любое время, — сказал Юргенс. — Повстанцы обречены. Но беды наделают немало, поэтому выявить всех и ликвидировать!.. Что еще сообщает Нилин?

Лыков смутился, облизнул языком пересохшие губы:

— Больше от Нилина сведений не поступает, на связь он не выходит.

Для передачи донесений обусловили два места: в версте от Серги, в лесу, под плахою расщепленного молнией дерева, и на клад-

бище, в кресте-голубце старовера Якова. При необходимости Нилин сам вызывал Лыкова в какое-нибудь надежное место. Урасов назначил Нилина своим вестовым, это позволяло иметь определенную свободу передвижения. Но в последнее время воспользоваться своим положением Нилин никак не мог: Урасов остановился в двадцати пяти верстах от Серги, на кордоне лесничества, вызывал повстанцев туда.

По легенде Нилин выдавал себя за унтер-офицера царской армии, да и наружностью как-то подходил: приземистый, большерукий, скуластый, с длинными висячими усами, в движениях и словах медлительный, обстоятельный. Лыков-то знал, что за этой личиной скрывается: у Нилина мгновенная реакция, завидное умение ориентироваться в любой чрезвычайной обстановке.

О повстанцах Нилину при помощи местных жителей было известно все, осталось только выяснить сроки восстания. Однако, видел он, не так уж мало крестьян поддалось агитации Урасова и его приспешников просто по темноте своей. За прямое противодействие Урасову легко схлопотать пулю, но исподволь, разумно, надо таких крестьян от Урасова отводить. И самому Урасову мешать всячески, расшатывать его авторитет, срывать сборища, запутывать связи. Это уже дважды удалось.

В конце сентября Урасов послал Нилина в деревню Гамово, к вожаку группы Носачеву.

— К шести вечера жду всю группу в Черемуховом логу.

К назначенному времени в лог должны были собраться и повстанцы деревни Дикари.

Урасов облюбовал Черемуховый лог для тайных сборищ не случайно. Кто попадал на окраину этого глубокого провала в земле даже летом, не говоря уже о поздней осени, вряд ли поверил бы, что весной белым душистым туманом заволакивается, вскипает мрачный лог, и щелкают, бьют, в дудку играют в нем соловьи. А летом здесь душные непролазные заросли, дикое переплетение ветвей и стволов, осенью жуткая промозглая чернота, зимой — стылая беспросветность. Но есть в зарослях одна-единственная тропинка-наметка, по которой можно пробраться в сердцевину лога, на более

или менее свободное местечко. Там будто нечисть плясала, навалила, нашвыряла деревьев, и они скользко гнили в зеленых саваннах мхов. И все же местные жители, которые иногда за пять верст попадали сюда, помнили о вешней красоте, ждали ее возвращения и с верою звали лог Черемуховым.

Урасову важно было, что никто в логу не застанет его врасплох, в крайнем случае, и зарослями можно уползти. Он выставлял на тропинку дозорных и мог говорить в полный голос.

«Групповод» Носачев, бывший каратель, как определил Нилин, не терял закрытых мест и не любил сидеть в Черемуховом логу, осторожен и суеверен был до предела. Если, например, утром баба попадется навстречу, да еще с пустыми ведрами, — возвращался домой, ждал, пока мужики не появятся... Как-то надо передать ему приказание Урасова и сделать так, чтобы Носачев сам его послушался. Но ничего достоверного в голову не приходило...

Носачев встретил Нилина взглядом исподлобья, отложил недочиненный чересседельник, выдал хмуро:

— Что-то частенько... Ладно, будем...

Нилин распрощался и тут в сених столкнулся с женой Носачева, востроносенькой, рябенькой, бойкой на язык. Под разными предложениями Нилин трижды у Носачевых бывал, потому и поздоровались как старые знакомые, и Носачиха спросила, куда это он поспешает.

— Да вот, — шепотом сказал Нилин. — К своим тороплюсь. Вся ночь нынче сыч в Черемуховом логу по-человечьи хохотал, беды бы не было...

Напрасно вечером дикаринцы ждали гамовских, разошлись по домам с руганью. Урасов помрачнел, играл желваками. А Нилин выгадал время, и у повстанцев, возможно, заронила мысльшка, что, мол, все эти собрания по логам неважно и впустую.

Немного дней спустя Нилин нанес Урасову еще один удар, уже заранее рассчитанный.

— Завтра возьми мою лошадь и отправляйся в Косачи, проверь у Савелкина склад с оружием, — приказал Урасов Нилину.

Ночью Лыков и активисты бесшумно взяли Савелкина, изъяли

склад, и Нилин доложил Урасову, что понапрасну гонял лошадь, что Савелкин куда-то скрылся, а без него тайник не найти.

— Надежных людей все меньше, — горько сказал Урасов.

Все же на его месте Нилин был бы менее доверчив. Но разве мог бы он оказаться на месте контрреволюционера! Однако Урасов с прежней энергией готовил восстание, убеждая крестьян, что Советской власти все равно придет конец, только надо этот конец ускорить.

В начале ноября на хуторе Залог Урасов назначил встречу с командирами повстанческих групп, чтобы окончательно определить день выступления. На хутор он должен был приехать с кордона лесничества, на котором собралась ударная группа, состоящая из отпетых бандитов. В оговоренный час Урасов на хуторе не появился. С кордона прискакал вестовой, сказал: «Урасова не видно, народ ждет, шумит! Поймали какого-то парня — болтался с ружьем в лесу, около кордона. Что с ним делать?»

«Неужели Лыков послал связника?» — встревожился Нилин.

— Урасова ждите, — убежденно сказал он «групповодам». — Стало быть, Степан Дмитриевич прибудет прямо сюда. Я поскачу на кордон, чтобы там тоже ждали.

Из-под копыт летели ошметья грязи, лошадь вскоре мыльно вспотеяла, но Нилин погонял и погонял. Надо было узнать, кого захватили бандиты, как-то спасти его и успеть обратно, чтобы сегодня же, если Урасов объявится, сообщить Лыкову день восстания.

Моросил нудный дождь, голый лес зябко вздрагивал ветками, а исподняя рубашка Нилина промокла от пота.

На кордоне его обступили бандиты, озлобленно спрашивали:

— Где Урасов? Долго нам тут прохлаждаться? А этого охотничка — в расход, что ли?

В углу избы сидел пожилой бандит с наганом, караулил парня в трухе и сапогах, с патронташем на ремне. Добротное охотничье ружье лежало на лавке, чуть поблескивая воронеными стволами. Парень испуганно смотрел на Нилина круглыми синими глазами, подозревая в нем главаря.

«В Серге, кажется, я этого парня видел», — решил Нилин.

— Степан Дмитриевич незнамо где, — рассудительно заговорил Нилин, — а ждать его надо.

— Может, до второго пришествия? — закричал бандит, который когда-то в Черемуховом логу напрасно ждал гамовских. — А ежели он в гэпэу отдыхает?

— По домам, братцы-ы!

Тем и опасны были эти бандиты: разойдутся по деревням, забьются, как тараканы в щели, — мирные мужички, попробуй-ка их распознай. А чуть что — и в спину тебе из обреза.

— Этого, — кивнул Нилин на охотоника, — я беру с собой, к Урасову сам доставлю. А ну, подымайсь!

Прислушиваясь к голосам отдалявшихся бандитов, Нилин закинул ружье охотника за спину, вскочил в седло, достал револьвер и погнался парня по дороге рядом со стременем. Парень шлепал по вязкой дороге сапогами, нет-нет да и бросал на Нилина испуганно-вопросительные взгляды. Примерно через полкилометра Нилин остановил лошадь, снял ружье и подал парню.

— Бери, бери-ка свою пушку. Погода портится, — сказал на всякий случай пароль, который придумали они с Лыковым для непредвиденных обстоятельств.

— Да нет, вроде налаживается, — просиял парень. — А я-то думал: карачун пришел. Я ведь вас в Серге видел, только усы теперь — не признал. Я милиции помогаю... Пономарев моя фамилия. Меня тут никто не знает...

— Чего же так глупо влопался? Ведь в муках бы умер.

— Заплутался.

— Заплутался... Сейчас строгать тебя некогда. Жми к Лыкову, передай — завтра сообщу главное. Понял?

— Есть понял!

Раздались и сомкнулись еловые ветви, осыпали мокредь. Нилин еще раз огляделся, вздохнул облегченно и пустил лошадь галопом.

И тут же услышал всхрап коня, и на дорогу из-за поворота выскочил вестовой, закричал задыхливо:

— Урасов приказал не расходиться, арестованного удержать!

— Опоздали мы, вертай обратно.

Когда они прискакали на хутор, Урасов уже заканчивал говорить, и потому часть его плана Нилин, к досаде своей, не узнал. Но главное Урасов повторил при нем: восстание начнется семнадцатого ноября с захвата Серги; сбор групп по захвату сельсоветов — в Черемуховом логу. В самой Серге поднимутся надежные люди. Захват Серги будет сигналом к общему восстанию.

4

Накинув на плечи халат, Юргенс прошел в палату, где лежал работник облисполкома Кондратьев.

«Вот не повезло товарищу, — думал Юргенс, — угодил в самую заваруху».

О приходе Юргенса Кондратьева предупредили. Он сидел на койке в какой-то больничной хламиде, бесцветной от стирок, держал перед собою забинтованную от плеча до локтевого сгиба правую руку. Лицо его, в синяках, кровоподтеках, пластырях, заплыло, глаза поблескивали сквозь узкие щелки запухших век. Бывший партизан, командир запаса РККА, смелый человек. Юргенс уже знал: когда напали бандиты, Кондратьев прыгнул через стол, схватил двоих за стволы обрезов...

— Как вы себя чувствуете?

— Порядок... Но отделали меня знатно, — пробовал усмехнуться Кондратьев и попытался встать.

— Сидите, — нажал ему на здоровое плечо Юргенс и расположился напротив на табурете. — И расскажите, пожалуйста, по возможности подробно и по порядку.

— Семнадцатого ноября я приехал в Дикаринский сельсовет, чтобы проверить выполнение плана хлебозаготовок. По району план был выполнен всего на десять процентов! Я назначил совещание работников, которые имели отношение к делу.

— После вы мне всех их перечислите, — сказал Юргенс.

— Хорошо... Ну, я, конечно, сперва рассказал, чем живет страна. О Турксибе рассказал, о Магнитке и Комсомольске-на-Амуре. Сказал: «Товарищи, наступает новый, тысяча девятьсот тридцать вто-

рой год. Началось решительное наступление на капиталистические элементы по всему фронту!» Напомнил, что японские самураи парализовали работу на КВЖД. «А вы, товарищи, в тот исторический момент, когда Страна Советов напрягает все силы, чтобы окончательно залечить раны интервенции и гражданской войны, вы не хотите кормить рабочих, срываете поставки хлеба, мяса, картофеля. Стыдно, товарищи!»

Кондратьев как будто снова был там, за низким выщербленным столом, скудно освещенным керосиновой лампой, старался рассмотреть, что выражается на лицах сидящих напротив него людей.

— В это время, примерно часов в восемь вечера, в сельсовет ворвались какие-то контры. Человек десять! Направили на нас обрезы и охотничьи ружья: «Ни с места, руки вверх! Настоящая власть пришла!»

Я узнал среди них уполномоченного сельсовета деревни Большая Зарека и колхозного бригадира этой же деревни. В сенях и во дворе слышались крики.

«Задуть лампу!» — мелькнула у меня мысль. Да они же сразу ударят залпом. Тогда я перепрыгнул через стол к повстанцам и начал их уговаривать. В это время мои товарищи бросились в другую комнату, выломали окно, стали выбираться на улицу. Один из повстанцев выстрелил в Александрова, ранил его в лицо.

В это время я схватил за обрезы двоих и начал теснить их к печи. Сзади выстрелили, я почувствовал ожог в плече и упал... Как видите, пуля прошла от плеча до сгиба локтя, потому что рука у меня была вытянута... Я упал, а бандиты кинулись ловить убежавших, со мной остался сельисполнитель. Вскоре они вернулись в сельсовет.

— Это не тот ли убит, который из области? — спросил кто-то, должно быть, вожак. — Обыскать его!

На меня набросились человек пять, схватили за раненую руку, посадили. От резкой боли я застонал. Они поняли, что я жив, и принялись избивать меня. Прикладами, кулаками, ногами.

— Ага, — кричали, — за хлебом приехал! Хлебца комиссарам захотелось? Всех вас передуть надо!

В голове у меня мутилось, в ушах гул стоял, но все же я услышал, как главарь бандитов приказал:

— В Черемуховый лог не пойдем. Охранять арестованных останется десять человек. Остальные за мной — на Сергу! Утром будут взяты Кунгур и Пермь!

«Что же это такое? — в лихорадке думал я. — Настоящее контрреволюционное восстание! Неужели наши не знали?..»

Сельисполнитель крутил ручку телефона, дул в трубку, звал: «Алё, алё, Серга, Серга!» Потом шагнул ко мне, от злобы хрипя, избивать начал — кулаками по лицу, по голове, орал:

— Пристрелите, пристрелите его, ребята!

— Так подойдет...

Очнулся я примерно часа в три ночи. Сельисполнитель опять крутил ручку телефона. Тут, наконец, Серга откликнулась.

— Это из Дикаринского сельсовета вас запрашивают, — встрепнулся сельисполнитель. — Что у вас делается?

Из Серги ответили что-то, сельисполнитель швырнул трубку, обернулся:

— В Серге Советская власть. Быстро по домам, братцы!

Бандиты с топотом и руганью хлынули к дверям. А меня кто-то поднял, мне перевязали руку полотенцем, увели в другую избу. Там ждали участи своей несколько наших товарищей. В десять утра меня увезли в больницу — сначала в Сергу, затем в Пермь... Вот, пожалуй, и все.

— Спасибо, товарищ Кондратьев, спасибо. — Юргенс поднялся, крепко пожал Кондратьеву левую руку. — Поправляйтесь. И попрошу вас, все, что вы мне сейчас рассказали, как только сможете, опишите подробно, с фамилиями. Это для нас очень важно.

— Как восстание, товарищ Юргенс?

— Восстание не получилось.

Он, конечно, не мог сказать Кондратьеву, что по районам еще остались очень опасные бандитские группы. На допросах Почкин, Булышев, Шмелев и другие заводили восстания все валят на Урасова. Урасов где-то скрывается. На розыск Урасова направлен весь оперативный состав Пермского ОГПУ. В Лысьве, Кунгуре, Березов-

ке и Серге проверены все старые связи Урасова. Всем оперативным работникам выданы фотографии Урасова и участников возглавляемой им повстанческой организации, которые известны ОГПУ. Большая надежда на Нилина: он скрывается вместе с повстанцами и, конечно, выйдет на Урасова.

За ходом операции по ликвидации восстания внимательно следили секретарь Уральского областного комитета партии Кабаков, председатель облисполкома и председатель областной контрольной комиссии. Юргенс систематически им докладывал о состоянии дел. Но об Урасове что он мог доложить? То, что чаще всего Урасов бывал в Лысьве? Никто из задержанных о сегодняшнем местонахождении главаря повстанцев ничего не знал. Для проведения оперативных мероприятий в Лысьву командирован Тутушкин, ему поручено проверить работу горотделения по установлению членов повстанческой организации, проинструктировать сотрудников, наметить план мероприятий по розыску Урасова, периодически выезжать в районы. Однако ничего нового к уже имеющимся сведениям не прибавилось. Значит, осталась реальная опасность рецидива восстания.

Кондратьев произвел на Юргенса хорошее впечатление. Сохранить самообладание, видеть, слышать и запоминать в минуты, когда жизнь буквально висит на волоске, — наверное, сможет не всякий. Да еще так красочно, в лицах, рассказал!.. Сколько таких товарищей погибло от рук бандитов уже тогда, когда осталась позади страшная гражданская война, тяжкая пора проб и ошибок с коллективизацией сельского хозяйства, в стихийные завихрения которой так своевременно вмешалась партия. Классовая борьба не иссякает. Она приобретает новые формы, и чекистам надлежит об этом помнить. Опыт подавления кулацких мятежей накоплен солидный, и восстание, по существу, блокировано, дни самого Урасова на свободе сочтены.

С такими мыслями Юргенс возвратился в свой кабинет. Его ожидала телеграмма от начальства, в ней ощущался холодок недоверия к действиям Пермского оперативного сектора:

«Связи событиями Березовском Сергинском районах двенадцать

часов Свердловска специальным поездом выезжает оперативная группа и взвод красноармейцев тчк Семи часам приготовьте лошадей для переброски оперативников в районы также помещение для красноармейцев в Кунгуре тчк Стырне».

5

Во главе оперативной группы из Свердловска прибыл уполномоченный особого отдела ОГПУ Смолин. У Тутушкина он не вызвал симпатии. И не потому, что был очень молод, щеголевато носил командирскую форму и холил этакие дворянские усики. В манере поведения, разговора Смолина сквозила самонадеянность, какое-то, возможно и неосознанное, желание выделиться среди других. Однако вряд ли Стырне направил бы на ответственное задание человека совсем уж пустого, и этот вывод Тутушкина со Смолиным все-таки примирял. К тому же Смолин ознакомился со следственным делом, быстро понял всю оперативную обстановку в районе, запомнил фамилии и адреса бандитов, которые скрывались где-то в окрестных деревнях или хуторах.

Через несколько дней он объявил Тутушкину:

— Сегодня в ночь выезжаю. Сам поищу следы бандитов. Дайте опытного проводника.

— Куда надумали? — недовольно спросил Тутушкин, посчитав, что из затеи Смолина пользы не будет: только вспугнет бандитов.

— Думаю на хутор Морозов. Беленьких там проживает, Алексей Фомич. Участвовал в избиении Кондратьева. Брать будем Беленьких.

«Если он там сидит и ждет», — подумал Тутушкин, но крупное лицо его было спокойным. Он ничего не сказал Смолину и тогда, когда тот вспрыгнул на коня, не сменив командирской формы — в шинели с ремнями, в кожаной фуражке со звездой. За ним и проводником поскакали пятеро — в полушубках и пальто, в папахах и треухах, по-местному. Снег лежал в улице неглубокий, следы копыт четко чернели. Был легкий заморозок, звуки разносились явственно, и Тутушкин долго слышал, как уходили кони. Он решил

вздремнуть, вернулся в сельсовет, устроился на широкой скамье, подложив под голову шапку и укрывшись шинелью.

Утром никаких известий от Смолина не поступило. Тутушкину необходимо было возвращаться в Лысьву, но он решил все же подождать. Предстоял еще и разговор с начальником райотдела милиции Харитоновым. В день, назначенный Урасовым для восстания, никого из милиционеров в Серге не оказалось. Харитонов всех распустил поодиночке по деревням, и, не сработай оперативно и точно Темный и Нилин, не появившись в момент восстания на самых важных участках работники ОГПУ с местными коммунистами и комсомольцами, переловили бы милиционеров бандиты по одному, словно ягнят. Что это — умысел Харитонова или совпадение?

Харитонов, такой же крупный телом, как Тутушкин, только заметно начинающий лысеть и наливаясь жирком, сидел напротив начальника особого отдела, сняв шапку, но в шинели, застегнутой на все пуговицы. На пояском ремне тяжело висела кобура револьвера. Застегнутая. Только Тутушкин собрался приступить к серьезным вопросам, как на столе задребезжал телефон. Звонил из Дикаринского сельсовета уполномоченный секретно-оперативного отдела Теплоухов. Три дня назад под его командованием были направлены туда восемь милиционеров: на территории сельсовета появились вооруженные бандиты.

— Смолин прислал связного, — докладывал Теплоухов с некоторой растерянностью в голосе.

— Погоди минутку. — Тутушкин прикрыл ладонью трубку, покосился на Харитонова. Тот догадливо взял шапку и удалился за дверь.

— Откуда прислал? — вполголоса продолжал Тутушкин.

— С Забегаевского кордона лесничества. Просит, чтобы вы немедленно туда прибыли... И сыграли роль белогвардейского капитана.

— Что за чертовщина? — возмутился Тутушкин. — Пинкертоновщина какая-то!

— Я думаю — не пинкертоновщина. Такими вещами не шутят.

— Выезжаю... На дорогу уйдет... два часа. Пусть продержится.

Людей возьму в Дикарях, ваших. Все! — Тутушкин опустил трубку, крутанул ручку, давая отбой, позвал Харитонову, сказал, что их беседа откладывается. Харитонов не проявил никакого любопытства...

Смолин ждал Тутушкина в четырех верстах от Дикарей, в сторожке кордона. Печь была жарко натоплена, по стеклу окошка змейками бежали струйки. Напротив Смолина, опустив на колени жилистые руки, сидел сторож Кожухов, крепкий старик с кольцеватой в проседи бородой. Сначала он все порывался вскочить, вытянуться «во фронт», однако Смолин усаживал его обратно на лавку и с осторожной настойчивостью расспрашивал.

Старик был истинной находкой. Еще какой-нибудь час назад Смолин не представлял, как бы он стал вести себя в подобной обстановке. Строения хутора Морозов теснились на поляне, окруженной овражистым лесом. В окнах не теплилось ни огонька, собаки не лаяли. Полная, лишь чуточку стареющая луна освещала снега и хвойники, а под лапами елей лежала густая тень. Под ее прикрытием милиционеры спешили, Смолин подобрался к хутору. Дверь в избу оказалась распахнутою настежь, повсюду виднелись следы поспешного бегства.

— Может, они на кордон к Кожухову подались. Сторож это, кулак бывший, — сказал проводник.

«Хорошо бы всех скрывающихся бандитов на хутор собрать. Будто штаб здесь организован. А потом накрыть. Подходы к хутору удобные», — рассуждал про себя Смолин, то и дело нагибаясь к гриве коня от ветвей, преграждающих путь. — Вот что, ребята, — остановил он своих в ложбине, — как прикажу спешиться, зовите меня «ваше благородие господин офицер». Выговорить сможете?

— Отвыкли уж... Но попробуем, — весело откликнулись всадники.

В прогалине меж деревьев, на взгорке, Смолин увидел домишко с крыльцом в одну плаху. От крыльца по целине в лес вели следы валенок и сапог.

— А ну, лихо подъезжать! — скомандовал Смолин и прищиприл коня.

У крыльца прыгнул с седла, держа на руке плетку, толкнул дверь и стремительно накинулся на старика, поднявшегося с лавки:

— У тебя были вчера коммунисты? Где ты их скрываешь? Николай Казин должен был ночевать у тебя, или ты его выдал?

Старик вытаращенно смотрел на Смолина, на его красноармейскую форму, но фамилия Казина подействовала, видимо, на него, ибо оперативники имели точные сведения, что кулак Казин уходил из деревни Дикари на кордон.

— Спешиться! — крикнул Смолин в дверь.

— Слушаюсь, ваше благородие господин офицер! — зычно откликнулись снаружи.

Новиков вытянулся, выпятив грудь, отрапортовал:

— Так что коммунистов не было! Казин ночевал, ушел, не сказавши про ваше благородие!

— Точно. Он не знал, когда мы прибудем. Не смотри на мою форму. В мундире с золотыми погонами через красных не пройдешь.

— Так точно! — хлопнул запятками валенок старик.

— Служил? — Смолин, прижимая ладонь к прихваченному морозцем уху, с нарочитой подозрительностью к Кожухову приглядывался.

— Так точно! Унтер-офицер, писарь штаба флота.

— Мы организовали штаб на хуторе у Алексея Беленьких. Тебе о таком известно? Я приехал узнать, где скрываются наши. Доверять тебе можно, не продался большевикам? А то смотри!..

— Вот истинный крест, не продавался. Могу к своим провести, там можно в точности узнать, где наши скрываются.

— Скоро сюда прибудет господин капитан, командующий березовской повстанческой группировкой. Все, о чем он ни спросит, выложишь как на духу. Понял? — Смолин вышел, послал в Дикари вестового и вернулся. — А теперь садись и рассказывай, на кого нам можно рассчитывать в здешних деревнях.

Обрадованный Кожухов перечислял людей, которые были в Черемуховом логу, а сейчас сидят по деревням, ожидая только сигнала, чтобы опять подняться, да всем вместе, дружно, а не так, как было при Урасове.

— Как бы с Урасовым связаться?

— Про него ничего не знаю. А что в деревнях, так скажу: есть кому подняться.

— Ну, а есть из властей советских кто-нибудь наш?

— Как нету, имеются, — расхохотался Кожухов. — Вот начальник Сергинской милиции Харитонов. Ох и люто ненавидит он эти Советы.

Смолин все наматывал на ус, решил события не торопить, чтобы излишними расспросами не вызвать у старика подозрение, пригласил своих погреться, а сам с беспокойством думал: приедет Тутушкин или не приедет? С пятью человеками бандитов не возьмешь, а начальник особого отделения отнесся к Смолину по принципу: «По одежде встречают...» И старика нельзя оставлять, может быть, темнит, за нос водит. Пусть все Тутушкину повторит.

— Ваше благородие, господин капитан едут! — доложил дозорный, оставленный у дороги.

Кожухов просиял, вскочил с лавки, одергивая потрепанный пиджак, Смолин выбежал вслед за бойцами на волю, громко скомандовал:

— Отряд, смирна-а! — Краем глаза увидел, как ребята охотно исполняют свои роли, и ринулся к Тутушкину, взявшему руку под козырек. — Господин капитан, наши повстанческие части захватили еще два сельсовета. От третьего пришлось отступить. Отряд находится в разведке.

— Вольно! — разрешил Тутушкин и легко слетел с седла.

Хоть и был он в штатском, его осанка, его внушительный командирский вид подействовали на бывшего унтер-офицера сокрушительно, он стоял как вкопанный, поедая глазами начальство.

— А эт-то что за старик? — строго спросил Тутушкин.

— Это, господин капитан, сторож лесничества Кожухов, человек, беспредельно преданный нашему делу. Он связан с нашими товарищами и согласился помочь нам.

Во взгляде Тутушкина, которым он со Смолиным обменялся, что-то смягчилось, «господин капитан» охотно последовал за стариком, приседающим от усердия, в сторожку. Смолин остался на

воле, подтянул коню подпругу, похлопал его по замидевевшему крупу. Бойцы поправляли потники, седла, понимая, что сейчас начнется самое главное, и весело переглядываясь.

— Скачите с отрядом в деревню Харчуны, — приказал Тутушкин Смолину, выходя из сторожки, — ждите от меня связного. Мы с господином унтер-офицером последуем за вами. Сперва навестим его родственника, нашего человека. Желаю удачи. — Тутушкин протянул Смолину руку. Тот с удовольствием ее пожал.

Потом Смолин подкрутил усики и скомандовал:

— Отряд, по коням!

Кожухов празднично вывел из конюшни свою лошадь и запряг ее в кошеву. Морозец крепчал, волоски на морде лошади побелели.

6

По рапорту Тутушкина.

Когда я беседовал с Кожуховым, он выражал самую яркую ненависть к Советской власти и большевикам.

— Если у вас мало оружия, — говорил он, — возьмите и мое ружье с пулями... Вот эту я сам сделал. Она пригодится для самого зяждлого большевика.

— Знаешь ли ты людей, нападавших на Дикаринский сельсовет, и где они скрываются?

— Дня четыре тому назад были здесь Казни и еще двое неизвестных, ушли в лес. Казин брал сельсовет.

— Знаешь ли ты тех, кто собирался для восстания в Черемуховом логу? Мне с ними необходимо связаться.

— Есть люди, которые ходили в Черемуховый лог. Они живут по деревням, хоть сейчас пойдут против Советской власти. Вон как в Позднянском сельсовете Вострых Иван Сергеевич. Он был у белых взводным. Или возьмите брата его...

Учитывая то обстоятельство, что названные лица как повстанцы нам не были известны, а вскрыть повстанческую ячейку в Позднянском сельсовете было небезынтересно, я задал Кожухову вопрос:

— Сможешь ли ты познакомить меня с Вострых?

Он ответил, что это его родственник. Тогда я решил с Кожуховым поехать к Вострых с той целью, чтобы выявить остальных повстанцев и немедленно их арестовать. Кожухов охотно запряг лошадь, и я отправился к Вострых.

Подъехав к деревне Харчуны, расположенной в лесу, я остановился, а Кожухов побежал к Вострых.

— Смотри, будь осторожен, никому о нашем приезде не болтай, — предупредил я его.

Через несколько минут Кожухов возвратился и сообщил, что Вострых очень рад, он сейчас отворит ворота, дом его крайний, мы въедем во двор, и никто нас не увидит.

Так мы и сделали, из леса въехали во двор, хозяин поспешно закрыл ворота и позвал нас в избу. Кожухов, рекомендуя мне хозяина, сказал:

— Вы, господин капитан, можете с ним разговаривать без опаски. Он участник организации, ходил на сборы в Черемуховый лог.

Я с Вострых переговорил, узнал, что в деревне надежных повстанцев трое, с оружием плохо — имеется только один обрез... Я хотел собрать через Вострых всех повстанцев в дом Кожухова, по дороге туда их всех арестовать. Но жена Вострых с руганью погнала мужа на колхозное собрание: отвоевывать корову от сдачи по подразверстке.

Мы уехали к Кожухову, там ночевали. У себя дома Кожухов рассказал, что по работе организации был связан с Яруниным (один из руководителей), бывал у него в доме. Рассказывал о том, что у его сторожки повстанцы собирались на совещание, жаловался на жителей деревни: мало таких, кто против Советской власти. Жена Кожухова настойчиво твердила, что надо убить председателя сельсовета, — нажимает на хлебозаготовки... И много другого антисоветского было сказано ею.

Рано утром я поручил своим арестовать и направить в район обоих Вострых. Кожухову предложил поехать в сторожку в лес. Он с радостью согласился, набрал мешок хлеба для себя и для нас. Я посадил его с милиционером в кошеву и велел отвезти его в Сергу в ГПУ...

По письму Смолина.

«28/ XI — 31 г. с. Дикари. Здравствуйте, т. Стырне! Хочу поделиться с Вами мнением по поводу удавшейся мне одной комбинированной операции».

Смолин помусолил карандаш, пригладил листок бумаги на корявом сельсоветском столе, за которым совсем недавно сидел уполномоченный облисполкома Кондратьев, и, посмеиваясь, заново переживая приключение, принялся старательно эту комбинированную операцию описывать. Он знал, что затея его граничила с авантюрой, удалась по чистой случайности, за удачу никто выговаривать ему не будет, но был он, Николай Смолин, очень молод и хотел услышать похвалу от самого Стырне и потому решил на личное письмо к нему.

«Теперь я считаю, — писал он, — что в Дикарях находиться нашей оперативной группе бесполезно, так как по сведениям «своих», когда мы были у них, оставшиеся бандиты в количестве десяти человек убежали в Сылву или Чусовую на производство. Скрывающихся же очень мало (3—4 чел.), и это, мол, (по их выражению) «шантрапа», которая рано или поздно явится домой сама. Я бы мыслил, чтобы нашу группу перебросили в Позднянский или Забегавский с/совет, так как в Дикарях делать уже больше нечего и зря только время проводить».

Он на секунду оторвался от писания, перевел дух и приступил к изложению того, ради чего и письмо-то затеял:

«Сообщите мне, имел ли я право применить такой маневр и какие ошибки у меня имеются в удавшемся плане бескровной ловли бандитов. Ваше мнение для меня будет очень ценным, так как мне в Ленинграде про Вас рассказывали очень много, когда Вам удавалось устраивать вроде этого комбинации не только здесь, но даже за границей. Сообщите также, скоро ли я буду отозван в Свердловск, так как большой работы здесь больше не предстоит, и с ней могут справиться местные работники.

С коммунистическим приветом уважающий Вас Николай Смолин».

В Лысьве его предупредили, что кругом идут аресты, лучше всего ему скрыться в какой-нибудь деревне. В шапке-ушанке с темным суконным верхом и каракулевой опушкой, в черных бурках на ногах, он, сунув руки в карманы черного полупальто, медленно, не озираясь, шел к станции. Свою роскошную бороду он безжалостно сбрил — нельзя было оставлять такую приметку, и теперь щеки его, подбородок и горло казались бескровно-белыми по сравнению с загорелым лбом и носом. Шел он мимо завода и думал, что после отступления колчаковцев здесь остались только груды железа, битого кирпича и всякого хлама, а все же коммунисты восстановили завод, и вот он — шумит, грохочет паром, дымит высокими трубами. Сжимая кулаки в карманах, Урасов шел дальше, вот-вот должна была показаться станция, но вдруг он подумал: как раз на станции-то его и ждут. И свернул на дорогу, ведущую за город. Мела поземка, холод забирался под полы, а он шагал по укатанному полозьями снегу и ни на что, пожалуй, уже не надеялся.

Ночь он провел в деревне Верхшаква, в чистой избе Минуллы, потом, на 28 ноября, ночевал на Ванькинском хуторе, на 29 ноября — у Калинка. Об арестах в районах хозяева помалкивали, делали вид, что ничего не знают, на непрошеного гостя смотрели косо. Через несколько суток он оказался на станции Селянка, окруженной молодыми, пушистыми от инея березами, ночевал, сидя на деревянном диване у стильной железной печи, потом — на заплеванном полу павильона станции Калино.

Никому до него не было дела, одиночество охватывало его, как флажки охотников матерого волка. Он сам, бывало, загонял волков, и в эти дни страха и одиночества нет-нет да и ощущал себя затравленным зверем. И в Перми, куда занесли его скитания, на барахолке, где проводил дни, а ночи на станции Пермь II, и на станции Лысьва, где ночевал, не решаясь пойти ни к кому из родственников, чувство обреченности не проходило. Оказывается, он уже привык, чтобы вокруг него грудились люди, сильные, свирепые, которые не остановятся перед убийством собственного брата,

если брат этот посягнет на их добро, и эти люди слушали его, Степана Урасова, готовы были пойти за ним даже на погибель. Иногда, красшом сознания, он угадывал, что вся эта затея с восстанием обречена, и никакого богатства у него революция не отнимала, и учил бы он потихонечку детишек грамоте, арифметике, географии, истории. Захотелось делать историю самому, власти над другими взалкал! И еще была стойкая, ровная ненависть к коммунистам, к их лозунгам, к их устремлениям. Честолюбие и ненависть привели его к столкновению с коммунистами. Он никого не убивал, как убивали Булышев и Шмелев, но, попадись сейчас ему в руки и упади под тяжестью его тела коммунист, он бы разорвал...

Кругами, кругами ходил он вокруг Лысьвы и под самый Новый год, грязный, заросший рыжей щетиной, завшивевший, все же вернулся.

Его ждали. Нилин сообщил, что Урасов вернулся. Начальник Лысьвенского городского отдела ОГПУ Бахарев, получив от Тутушкина самые подробные инструкции, разделил сотрудников по трем адресам, по которым вероятнее всего мог сидеть Урасов: на Шмаковскую улицу, где проживала его дочь с мужем, на Вятскую улицу, дом Щербакова, где Урасов был прописан в адресном столе и проживал летом, занимаясь охотой в окрестных лесах, и по Свердловской улице — у племянницы. Если Урасова нигде не окажется, то у его дочери решено было взять сведения, в каком доме проживает некая Анна Ануфриевна, у которой Урасов прежде иногда пьянствовал и ночевал.

В 11 часов вечера оперативные группы одновременно выехали по указанным адресам. Сам Бахарев, повинувшись скорее собственной интуиции, чем рассуждениям, во главе тройки направился на Свердловскую улицу, сразу к дому племянницы Урасова.

Бахарев застучал в дверь, за нею раздался рассерженный голос:

— Кто такие? Пьяных не пускаем!

— Открывайте, это гэпэу, — приказал Бахарев и отскочил от двери, ожидая выстрела.

— Ничего не знаю, — сказал тот же голос.

— Окружить дом, следить за окнами! — громогласно крикнул Бахарев.

И тогда звякнула щеколда, заскрипела задвижка, и дверь медленно раскрылась.

Вторая дверь, из комнаты в сени, тоже была раскрыта, и оттуда падал свет. За спиной незнакомого человека стоял Урасов. Бахарев узнал его даже и без бороды: столько раз пристально вглядывался в фотографию. С револьвером в руке он бросился к преступнику, убедился, что тот не вооружен и сопротивляться не намерен, потеснил обоих в избу. Трое оперативников вошли следом.

За столом сидел еще один человек, испуганно побелевший, на клеенке лежали розданные карты, пенилось в стеклянном кувшине пиво.

Во время обыска Урасов спокойно сидел на стуле, было похоже, что он как будто испытывает облегчение, что вот наконец все, чего он ожидал, произошло, жизнь упростилась до самого узкого предела.

— Я давно проиграл, — сказал он и сдвинул тыльной стороной ладони карты в одну кучу...

А Черемуховый лог снова расцвел буйным цветением, и никаких следов в нем не осталось, и не хриплый от ярости голос кулацкого оратора колотился в стволы и ветки деревьев, а чистые соловьиные трели раздавались, воспевающие весну.

Ранний местонад

1

На десятое сентября 1931 года уполномоченному окружного отдела ОГПУ по Косинскому району Борису Тимофеевичу Боталову был разрешен выходной день — нечто вроде отгула. Целое лето он мотался по деревням и хуторам, сутками не слезал с седла. Гоняясь за бандитами, он не раз смотрел костлявой в глаза, устал. И вот наконец выходной. На дворе осень. Это значит, в лесу поспела боровая дичь, на болотах и озерах всю бесятся от жира кулики и утки. Завтра будет пожива.

Да ведь не повезет — так уж не повезет. Случилось самое неприятное: неожиданно-негаданно Борис Тимофеевич проспал утреннюю зорьку. Когда он открыл глаза, в комнате было уже светло, неутомимые ходики показывали десятый час.

— Надежда, почему не разбудила?

Жена, рослая, черноглазая южанка-смуглянка, — в Грузии встретились, там и поженились, когда служил на границе, — готовила завтрак. Она лукавым оком стрельнула в угол, где на широкой кровати посапывали сыновья — четырехлетний Славка и годовалый Николка, и прошептала одними губами:

— Тихе ты, разбудишь. — И улыбнулась виновато. — Крупко ты спал. Я, Боря, рассудила: такой сон во сто раз дороже всех куликов и уток на свете.

— Рассудила! — незлобиво, для порядка, проворчал Борис Ти-

мофеевич. — Добрые люди небось накрошили дичи вволюшку, уже домой возвращаются, а тут...

Ставя на стол тарелку с хлебом, жена между тем сообщила: — А тебя старичок давно поджидает. Позавчера спрашивал, вчера тоже. И вот сегодня ни свет ни заря.

— Старичок? Кто таков? Где он?

— Да на улице. Приглашала в дом — не идет. Подожду, говорит, на завалинке. Да ты знаешь его. Это пастух, что частную собственность жителей Косы пасет.

Сельского пастуха дедушку Феоктиста, а попросту Фектиса, он и впрямь знал хорошо: часто встречались с ним на улицах села, на лесных неудобницах-вырубках и на берегу реки, где старик обычно пас свое прожорливое стадо. Это был верткий бобыль, очень разговорчивый и веселый, но в мирские дела не вмешивался, на глаза начальству особенно не лез. Так что же его привело?

Борис Тимофеевич накинул на плечи старенькую куртку и выбежал на крыльцо. Уронив голову на грудь, как-то нехорошо скрючившись, на завалинке сидел пастух Фектис. Бесшумно спустившись с крыльца, Борис Тимофеевич тронул его за плечи, крикнул. Старик встрепенулся, живо вскочил на ноги.

— Вздремнул? Хе-хе... Ночью гульнул, поди? Вы, пастухи, народ ведь удалой, — улыбнулся молодой чекист.

Пастух не принял шутки. Он только устало махнул рукой и съезжился. Затем провел ладонью по лицу, обросшему густым длинным волосом, забубнил глухо:

— Прощения просим, Борис Тимофеевич. Не стал бы беспокоить, да нужда прижала.

— Говори, дедушка. Я слушаю. Что за беды такие?

— Лихие беды. Уж не буду я задерживать тебя, расскажу сразу. Наведалась ко мне третьево дни сестра моя горемычная. Погибает, говорит, лихой смертью, то есть с голоду. Детишки — их четверо у ней — опухли. Сама тоже.

Борис Тимофеевич лоб наморщил:

— Постой, погоди. Кто погибает? Почему? Ты, дед, что-то не то. Почему это вдруг такая гибель? Не в колхозе она, что ли?

Старик не стал тянуть, выложил все откровенно.

— В том-то и дело. Не приняли ее в колхоз. Неустойка. Мужик ейный в бандиты подался, уже более года у Курая...

Не удержался Борис Тимофеевич, так и присвистнул от неожиданности:

— Как это произошло? Кто он?

— Сабан Прокоп. Так известен миру. А фамилия — Митюков,

— Сабан Прокоп? Это который коня с колхозного двора умыкнул и в Усолье пропил? Он ведь где-то у Дениной жил?

— Точно так. Поди, и сгинул давно, а сестре моей из-за варнака житья нет, детишкам — того хуже. Только заявятся мальцы из хуторка в деревню с делом каким, а деревенская орда, мальчишки-озорники, на бедолаг с палками: бей бандитское отродье! Луни насмерть! И сестру в колхоз не записали: проваливай-де, без тебя обойдемся. А детишки рази виноваты в чем? Они рази ответчики за бандитские грехи?

— Худые дела, — согласился Борис Тимофеевич. — Хуже некуда. И не сразу раскусишь твой орешек. Давай уточним: сестра твоя — супруга бандита Митюкова Прокопа. А звать-то ее как?

— Матрена Архиповна... Фамилия опять же Митюкова и есть. Вот надежда на тебя. Христом-богом умоляю. Жалко мальцов. На тебя вся надежда. Уж так жалко детишек.

— Успокойся, отец. Разберемся.

Нет, что ни говори, а жизнь — она жизнь и есть. Подкинет штуку-каверзу, не сразу и ответишь. В самом деле: глава семейства — бандит, головорез, на честных людей руку поднял, а семья у этих людей защиты ищет...

Борис Тимофеевич глаза прикрыл, пробормотал вслух, как это случилось с ним в минуты крайнего волнения:

— Черт-те что... Несуразица какая-то. А так...

В раздумье он поднялся на крылечко, обернулся назад, с тоской посмотрел на зубчатый ельник, где изредка громыхали охотничьи выстрелы, успокоил себя: лес, он никуда не уйдет. Надо сначала головоломку решать. Сходить, что ли, к братве, посоветоваться?

Он почувствовал, что пока не решит дедушкино дело — душевного покоя не видать.

— Принеси-ка, Надежда, мою амуницию, переоденусь, — проговорил, войдя в дом. — Вылазка в лес пока отменяется.

— Садись за стол. Завтрак готов.

Сел Борис Тимофеевич за стол, вилок вооружился, а тут сразу же стук в двери, настойчивый, требовательный. Не ко времени он, этот стук, да делать нечего, хозяин отодвинул тарелку, посмотрел на жену и крикнул:

— Заходите, чего уж там. Открыто!

И гость пожаловал.

Ввалился собственной персоной сосед, шутливо поклонился чуть ли не до земли:

— Хлеб-соль. Приятного аппетита, стало быть.

— Заходи, заходи, Николай Васильевич. Топай к столу.

Николай Васильевич Чугайнов, русоволосый детина лет тридцати, недавно ездил в Кудымкар, где утвердили его уполномоченным контрольной комиссии окружкома партии по Косинскому району. Жил он по соседству с Боталовыми.

— Ну, как он, твой выходной? — спросил хозяин.

Николай Васильевич только руками развел:

— Выходной мой — тью-тью! С полчаса назад вызвал сам первый, приказал немедленно отправляться на село. Задание такое: подготовить материалы на бюро о ходе хлебозаготовок. И еще к тебе шугнул. Найди, говорит, товарища Боталова, скажи, пусть в райком зайдет.

— У нас же баня сегодня! — не выдержала Надя. — А вечером в клуб собирались. Посиделки там.

— Обожди, — мягко остановил ее муж. — Баню и клуб пока никто не отменял. И повеселимся, и попляшем.

— Да чего уж тут... Не впервые.

У первого секретаря райкома партии Егора Кузьмича Густоева, человека пожилого с задумчивыми усталыми глазами, Борис Тимофеевич Боталов пробыл не более четверти часа. Районный руководитель умел ценить время, был краток.

— Обстановка круто переменялась. Ты уж извини, товарищ Боталов, прошу понять. Позвонили из округа: прибывает к нам обоз с переселенцами. Эта партия направляется в поселок Усть-Коколь. А поселок, как ты знаешь, к приему людей не готов. Имею сведения, что прораб там безобразничает: присвоения, приписки... Задавание тебе, Борис Тимофеевич: выезжай сегодня же в Усть-Коколь. Разберись во всем на месте, прими строжайшие меры. Поселок должен быть готовым к приему людей.

— Ясно, — мотнул головой Борис Тимофеевич.

Секретарь райкома встал из-за стола, заложив руки за спину, ссутулясь, заходил из угла в угол:

— Это еще не все... Да, это еще не все. Сообщили утром из Кочевского райкома: пришел с повинной в отдел милиции подручный тамошнего главного бандита Гришки Распуты некий Рискос. Он сообщил, что Гришка Распута и наш бандит Курай договариваются об объединении. Наша задача ясна: не дать им такой возможности. Объединятся — могут еще натворить бед. Они знают, что обречены. Вот и ударятся перед гибелью во все тяжкие.

— Наша задача, — проговорил твердо чекист, — разбить обе банды по частям. Так мы и сделаем.

— В том-то и дело. По частям бить гадов будем, легче расправимся. Надо сорвать их планы. Надо бы узнать, где бандиты намечают встречу, когда. Тот Рискос, к сожалению, об этом сообщить не смог.

— Вот поинтересуюсь по пути в Усть-Коколь. Может, и узнаю что дельное. Бродит там один...

Секретарь райкома пожал ему руку, пожелал успеха.

2

Из села выехали после полудня. Около семидесяти километров было от Косы до нового лесного поселка Усть-Коколь, путь неблизкий — вымотаешься в седле. Выезжая за околицу, всадники договорились без остановок сделать сорокакิโลметровый переход — до деревни Дениной, там переночевать у родителей Николая Василь-

свича (он был денинский), а завтра уже и доскакать до поселка.

Места за Косой равнинные, песчаные, но встречаются и болотистые, прямо-таки гиблые. В дождливую пору на таких участках грязь стоит непролазная, по брюхо лошади, — божье наказание для пешего и конного. Но лето нынче стояло жаркое, сухое. Топучие болота высохли, дорога наладилась, укаталась.

Начинался листопад. В закате лета такая пора самая грустная. Ярко-оранжевым огнем на обочинах полыхали рябины. В воздухе струились невесомые паутинки, тихо шуршала падающая листва. Стояло бабье лето.

Всадники ехали конь о конь, переговаривались. Борис Тимофеевич сокрушался:

— Жена баньку затопила небось. Уж так хотелось, так хотелось поласкать себя венчиком.

— Вот доедем до Дениной, затопим баню, — отозвался Чугайнов. — Похлещем и бока, и спины. Баня у нас жаркая.

— Нет, баня на сегодня отпадает. Дела, знаешь ли. М-да... А еще в клубе сегодня посиделки. И опять же побоку. Жена тоскует, детишки тоже. Сам я целое лето гармонь в руки не брал, запылелась, наверное, моя ливенка.

Борис Тимофеевич страстно любил музыку. И музыкант он был отменный: одинаково лихо играл и на гитаре, и на балалайке, на любой гармонии, на пианино. Его дружок милиционер Никита Попов не раз говорил:

— Не за бандитами бы тебе гоняться, а в столице концерты ставить.

— Концерты от нас не уйдут. Вот управимся с бандитами и будем давать концерты, — отвечал Боталов.

«Концерты от нас не уйдут», — подумал сейчас Борис Тимофеевич и, поиграв в воздухе нагайкой, пустил крепкого, откормленного коня на рысь: надвигался вечер, а до деревни Дениной было еще далеко. Гнали без роздыха километров десять, молчали.

Не останавливаясь, проскочили деревню Войвыл, большое старинное село Пуксиб, откуда был родом бандитский вожак Иван Васильевич Федосеев, по прозвищу Курай. Его отец, кулак и пра-

сол, имел в селе свою лавку, сдавал в аренду под школу огромный дом. Сын, получивший в селе неплохое образование, в начале двадцатых годов служил делопроизводителем военного стола вол-исполкома, откуда был уволен за должностные преступления. Дерзкий и неумный, он занялся конокрадством, был пойман и осужден. Когда вышел из тюрьмы, началась коллективизация, отца раскулачили, сослали. Выбрав момент, кулацкий сынок вместе с женой подался в леса, сколотил банду и вот уже несколько лет терроризировал местное население, грабил магазины и склады, издевался над советскими активистами, убивал их. И все это сходило ему пока почти безнаказанно: ловкий был оборотень, смелый и удачливый, что дьявол. Под стать ему была и жена: безжалостная, клыкастая ведьма, даже малолетних детей своих бросила, будто щенят, слезинку не проронила. У бандита и сердце бандитское. Вот и Сабан Прокopf тоже...

Вспомнив о нем, Борис Тимофеевич спросил:

— Где жил Митюков Прокopf?

— Он жил рядом с деревушкой Киришино, у болота.

— Придется заглянуть туда. Дело есть.

На полях работали колхозники, скрипели телеги, слышалось фырканье лошадей. Окрест пахло домовитым овинным дымком, сушеным зерном. Шла уборка урожая.

На гумне за селом Пуксиб тарахтела ручная молотилка, трещала сортировка. Из ворот выходили подводы, нагруженные хлебом, направлялись к тракту.

— Красный обоз собирают, — заключил Николай Васильевич.

Деревня Денина, дворов на тридцать, старая, обветшавшая, рассыпалась на открытом холме по обеим сторонам большой дороги. Когда всадники подъезжали к ней, наступал уже ранний вечер. Сырая темень выступала из лесу, поднималась с низин и, набрав нужную силу, упорно наступала на деревню. Всадники завернули в нижний проулок, остановились у приземистого подворья. Тотчас мягко распахнулась калитка, вышел старик с палкой в руке.

— Мать честная, вот так гостеньки!

Поздоровавшись, он открыл ворота, завел коней в ограду.

— Как раз ко времени прибыли, — сказал радушный хозяин. — Вчера сшиб доброго косача. Я ведь охранником полей роблю, все время на поле. Сегодня тот гулеван с утра в печи токует.

Пока он ставил лошадей в конюшню, сходил на колхозный двор за сеном и овсом, стемнело окончательно. С полей вернулись люди, перестали скрипеть телеги, успокоились стаи ворон. Природа вроде бы замерла.

В избе на столе горела керосиновая лампа со сломанным стеклом. Согбенная старуха, поклонившись сыну и Борису Тимофеевичу, молча расстелила скатерть, поставила на стол жаровню с «гулеваном», нарезала хлебушка.

— Из нового урожая, — пояснил старик.

— Вот мы сейчас и попробуем свежего хлеба, — произнес Борис Тимофеевич, улыбаясь. — И с петухом справимся запросто.

За столом говорили о жизни, о сегодняшних делах. Старик рассказывал, что народ работает от темна до темна, быстро привык к коллективному труду, чувствует себя в колхозе полным хозяином. Но пока случаются и казусы. Вот Левонтин Васька, мужик в годах, а каждое утро ходит на конный двор, чтобы лично убедиться, здорова ли его Рыжуха, сыта ли. Вздыхает всякий раз, жалеет кобылу.

— Привыкнет, — утешил Борис Тимофеевич. — Конечно, тяжело. Ведь лошадь в хозяйстве была кормилицей в полном смысле слова. Василия можно понять.

— Сабан Прокоп, говорят, тоже по утрам на конный двор бегал, целовал своего коня в губы, а потом угнал к цыганам, — вмешался в разговор Николай Васильевич. — Как бы и этот...

— Ну, Ваську с Прокопом не сравнишь. Серьезный мужик, — перебил сына отец. — Нет, не сравнишь. Тот самодур был, без винта в голове. А Васька крепко берется за колхоз, лучше всех робят. Прокоп...

— Он что, кулаком был? — спросил Боталов.

— Какое там! Отец его коновалыл, справно жил. А когда помер, сынок-то и закуролесил: я да я. Поперешным оказался, с дерь-

мовым характером, вскорости порешил отцовское добришко, обеднял, как тот соколик. И вот украл коня, пропил. Ну да и ладно бы с годик за решеткой, глядишь, вернулся бы к семье. Так он, подлый, к Кураю, в разбой ударился.

— Говорят, семья сильно бедствует?

— Еще бы. Детей четверо. Кормить надо. Старшие, оно, пожалуй, уже работники, а младшие... Плохо дело у Матрены. Народ ее не любит: бандитская жена. Бандиты, известно, всем осточертели, хуже волков. Вот и мыкает горюшко баба, хотя и не виновата.

— И дети не виноваты, — вставила старушка.

— Дети не виноваты, — поддержал ее Борис Тимофеевич. — И помочь надо этой бедной семье. Надо переправить эту семью в другое место, здесь житья ей не будет. Вот поговорю с комендантом поселка Усть-Коколь, подскажу, пусть примет Матрену сторожихой, что ли. Или на кухню посудомойкой. Старших детей надо отдать в учение куда-нибудь. А младших, если мать не в состоянии прокормить, следует отдать в детдом.

— Это дело было бы, — согласился старик-хозяин.

Когда вышли из-за стола, Борис Тимофеевич сказал Чугайнову-младшему:

— Рано утром сходи к Матрене, обследуй все. И насчет детдома узнай ее согласие. В общем, так... Ясно?

— Ясно, конечно.

— И еще вот что: тот овес, что принесли для коней, отнесите Матрене. В случае чего сошлешься на меня.

Хозяин между тем завернул козью ножку, задымил у порога. Желая продолжить разговор, обратился к гостю:

— Сказывают, опять бандита словили. Ходил третьего дни кум Данько в село. Вели, сказывает, бандита по главной улице. Поди, уж самого Курая?

Борис Тимофеевич простодушно усмехнулся, тряхнул мягкими пушистыми волосами.

— Поймали одного, отец. Но пока что не самого оборотня.

— А ты Расскажи, занятно слушать.

Возавчера по главной улице Косы верховой милиционер Никита Попов действительно конвоировал пойманного бандита. Был беглец грязный, обросший, одетый во все с чужого плеча — награбленное. Могучий и злобный, он и сейчас внушал страх.

Рассказывать о своих схватках с бандитами Боталов не любил, считал, что хвастать нечем: ловились пока одни сморчки, Курай — этот злой дух — не попадался. Не стал бы чекист и о последнем эпизоде распространяться, да хозяин сильно настаивал — говори. Старика полагалось уважить. Боталов, не вдаваясь в подробности, рассказал:

— Взяли мы его в глухой деревне Пыдосово, куда вышел на разбой прямо посреди бела дня. Действовал раскулаченный дьявол нагло, был уверен в безнаказанности. На виду у деревенских баб спалил скирду в семь промежков, забрал у одной хозяйки кринку с маслом, набил котомку хлебом. Видит, что народишко боится его, распетушился вконец — залез еще и во двор, чтоб овцу придушить. Но мы с Никитой Поповым уже скакали из села Бачманово на дым горевшей скирды. И подоспели к сроку. Народ галдит, детишки плачут. Шум стоит: бандит с ружьем разбойничает. Мы с Поповым бегом во двор, команду дали: «Выходи, бросай оружие!» А он, выродок, дверь хлева распахнул, ружье выставил: «Разбегайсь, стрелять буду!» Бабы врассыпную, мужики тоже притаились. Я подмигнул Никите, показал на свою фуражку. Он головой мотнул: мол, понял. И тут же достал из-под стрехи длинные вилы, те самые, которыми снопы на скирду подают, снял с головы одного мужика малахай, поддел его острыми вилами и давай ту шапку осторожно вдоль стены к дверям хлевушки толкать. Тихонько толкал, притаившись, и — раз! — выставил шапчонку в дверной проем. Видит бандит: чья-то голова сунулась, бабахнул — от малахая одни клочья полетели. А я наготове был, в ту же секунду бросился в хлев, смял стервеца.

— Здорово! И не страшно было? А если бы он ножом?

— Не успел бы, расчет тонкий был, да и раздумывать в таких случаях нам не приходится.

Борис Тимофеевич, махнув рукой, неожиданно спросил:

— Пимокат-шерстобит мне нужен, тот, подслеповатый, убогий, как его... Васько Митрий вроде бы. В ваших краях в эти дни не бродил?

— Бродил, бродил! — оживился хозяин. — Шерсть, сколь было в деревне, бил, несколько пар валенок скатал. Заходил и ко мне. Тоже работу спрашивал. Разговаривали дивно время. Я, помню, еще спрашивал, мол, не страшно тебе по лесным тропам бродить? Ведь бандиты кругом. А он рукой машет: «У них свои заботы, у меня свои. Да и Курай давнишний мой знакомый. Еще у отца евоного, богатея пуксибского, месяцами живал — валенки катал, сукно на зипуны выделявал. Нет, не трогает меня Курай».

— Куда он из вашей деревни подался?

— Старикашка-то? На Гришкинскую сторону собирался.

Борис Тимофеевич брови нахмурил, приуныл.

— Далеконько чесанул. Да что делать? Придется и мне туда. Зима на носу. Валенки скатать загодя бы.

Хозяин козью ножку рассыпал, застыл в удивлении.

— В такую даль, на ночь глядя?

— Надо идти. Дело важное, — твердо сказал чекист.

Он накинул вместо шинели хозяйский дождевик, натянул на голову старенький малахай и вышел. Хозяин выглянул в окно. Там сгустилась сатанинская темень, хоть глаз выколи. Человека будто и не бывало, сразу утонул в ней, растворился.

3

Утро следующего дня вставало мглистое, сырое и тревожное. Чугайнов-старший, проводив сына к Матрене, несмотря на ранний час, больше не ложился. На дворе он задал скотине корма, затем натаскал дров, полную кадку воды. Он часто поглядывал в сторону дороги, прислушивался: не идет ли отчаянный человек Борис Тимофеевич? Нет, не слышать пока.

В десятом часу вернулся сын. И он сильно забеспокоился: не струсилось ли чего?

А чекиста все нет и нет. Тревога накалялась, даже о завтраке

позабыли. Но все обошлось благополучно: в сених раздались шаги, со скрипом открылась дверь.

— Ну, вот и я.

— Наконец-то. А мы тут...

Был он по пояс в болотной грязи, промок насквозь. Но держался молодцом — улыбался вовсю, глаза сверкали радостью. Значит, все в порядке.

Борис Тимофеевич привел себя в порядок, переоделся.

— Подавай лошадей, Николай Васильевич. Времецко не ждет — уже одиннадцатый. В поселок вот-вот нагрянут переселенцы.

Наскоро перекусив, гости заторопились в путь. На улице было зябко, сыро. Густой туман висел над лугами и полями, косматой наволочью клубился над перелесками. За деревней на скирде громко верещали сороки. На другой клади во все горло каркала ворона.

Едва вышли на дорогу, Борис Тимофеевич спросил:

— Чем закончилась твоя миссия?

— Пока ничего определенного. Овес она приняла со слезами, благодарила. Надо сказать, кто-то сердобольный уже побывал у ней, притащил мешок охвостья. И все-таки нужда неопикуемая. Детишки, что голодные волчата, — худющие, рваные. Когда увидели хлебушко, так и набросились: «Дай, дай...»

— О детдоме разговор был?

— Был. Выслушала меня, пригорюнилась. Но ничего не сказала. Я велел с младшими денька через три прийти в село.

Борис Тимофеевич затормошил коня, пустил вскачь. Побежали назад придорожные деревца, замелькали телеграфные столбы. Более четверти часа скакали вершники молча, торопились вперед. У темного лесного родника Сия напоили коней, перевели дух и снова вскачь.

— В Чураках будем останавливаться? — спросил Чугайнов.

Борис Тимофеевич головой помотал:

— Думаю, не стоит. В селе у меня полно друзей. Начнут расспросы, то да се, немало времени потеряем. Остановимся на обратном пути, побуду на родине, побеседую с земляками.

Родина! Детство!

Уже около полутора десятка лет прошло, как Боталов покинул Чураки, а будто вчера все было: и учеба в местной народной школе, где учительствовал отец, и грибные вылазки в лес, и отчаянные ребячьи драки. Все было.

— Рассказывают, после чураковской школы ты в Чердыни учился? — спросил вдруг Николай Васильевич.

Очнулся Борис Тимофеевич, плечами дернул.

— Учился. В реальном училище. Там и революцию встретил, и гражданскую войну. Не успел я учебы завершить, Колчак помешал. Взяли белые городок в девятнадцатом, сразу же сцапали меня: кто-то донес, что брат после революции был военным комиссаром в Косе, а отец и сестра сочувствовали большевикам. Сам я в ту пору состоял в юношеской организации «Интернационал молодежи». Вот и понравился я белякам. «На коммуниста выучился, чучело? — спрашивают. — Так, так. Жди своего часа в кутузке. Ужо повесим на осине». Но что-то у них не сработало, не повесили. Четверо суток продержали в клоповнике и выпустили под расписку о невыезде. Да я и не стал ждать, когда снова заберут: при помощи добрых людей добрался до деревушки Савино Юсьвинской волости, на родину отца, где жила моя мать. Через полгода записался я в комсомол, учился в Кудымкаре в школе второй ступени. А после работал в Юсьвинском райкоме комсомола, вступил в партию.

За разговором и не заметили, как до Чураков доехали. Отсюда до Усть-Кокколя уже рукой подать, километров двенадцать будет, не больше.

4

Все чаще и чаще встречались прогалины, сплошные вырубки. На них стояли, источая острый скипидарный запах, длинные поленицы дров — верный признак того, что впереди близко деревня. У одного холмика дорога круто повернула влево, лес неожиданно расступился, впереди блеснуло поле. Метрах в трехстах, чуть ли не вплотную прижавшись к лесу, ссутулилась деревушка Киев.

На западной стороне тянулись, чередуясь, небольшие поля, сплошь уставленные суслонами. На некоторых полях копошились жнецы, у лесочков-сколков дымили костры — там деревенские ребяташки, верно, пекли картошку. У самой деревни стояла приземистая рига, покрытая соломой, в ней стрекотала ручная молотилка. От риги несло приторно-сладким солодовым запахом: в овине сушился хлеб.

А сама деревня была пустынна. По случаю пасмурного дня, что ли, у домов не играли детишки, не базланили петухи, не брехали собаки. Подъезжая к околице, Николай Васильевич вдруг круто остановил коня, глянул на товарища:

— Мужички... Кто такие? Один-то на Ярашку похож...

Выйдя из-за угла старого дома, быстрыми шагами спускались вниз по улице два мужика. Борис Тимофеевич впился взглядом им в спины, что-то припоминая, хмурил брови. Мужики показались подозрительными. Привстав на стременах, он пригляделся зорче и удивился:

— Ярашко и есть! Ишь, руками размахивает.

Герасима Степановича Федосеева, прозванного Ярашкой, Боталов знал хорошо: он был чураковский, когда-то жил по соседству. И уже тогда отличался одним — беззастенчиво брал все, что лежало близко. Сперва крал мелкие вещи: салазки у сверстников, лыжи... Затем наострился тягать у соседей чересседельники, седелки, уздечки, топоры. Дальше — больше. То овцу у соседа в лесу зарежет, то замок снимет с амбара и муки унесет. Его много раз ловили с поличным, и всякий раз мужики колотили смертным боем. Бывало, неделями лежал пластом, но, оклемавшись, опять брался за старое. Так и проводил времечко: то в Косе, в арестантском помещении, то в тюрьме. А как загуляли в лесах бандиты, он сразу же нашел приют у них.

Всадники узнали и второго мужика. Это был административно высланный Медведев, недавно убежавший из арестантского помещения.

— Ах, наглецы! — возмутился Николай Васильевич. — Разгуливают по деревне среди бела дня. Без ружей, кажется?

— Без ружей, — ответил Боталов. — Возьмем обоих.

В это время Ярашко и Медведев одновременно оглянулись назад и, увидев всадников, от неожиданности чуть не присели на месте, несколько секунд стояли не шевелясь. Но миг оценили положение и тотчас пустились наутек. Бежали прытко. Поравнявшись с крайним домом, они еще раз оглянулись и юркнули в сени. Борис Тимофеевич пустил коня в галоп.

— Быстрее ступай на зады, за двор! — крикнул он Чугайнову. — Не пускай к лесу. В случае чего — стреляй!

Чугайнов, не мешкая, побежал за двор. А Борис Тимофеевич, прыгнув с коня, поднялся на крыльцо, сильным ударом сапога толкнул дверь. В сенях было темно. На ощупь он добрался до двери в избу, нашарил скобу. Дверь подалась легко. В избе был полумрак.

— Кто тут жив? А-а, это ты? — заметив у окна старуху в чепце, произнес Борис Тимофеевич. — Кто заходил? Где он?

— Никого нетути. Никого, сынок! — бойко затараторила старуха. — Кто-то в сенях брякал. Через сени пробежал кто-то.

Борис Тимофеевич опрометью бросился из избы, устремился к двери, которая вела во двор. Но и тут, во дворе, бандитов не было. Тогда его взгляд невольно остановился на хлеве, стоявшем в темном углу. Там они, голубчики. Он быстро кинулся к хлевушке, потрогал дверцу — она была заперта изнутри. Оставалось одно: подняться на потолок, где лежала прошлогодняя солома, оттуда шугнуть притаившихся. Он не стал искать лестницу. Не мешкая, оттолкнулся от земли, ухватился за верхнее бревнышко сруба, подтянулся.

— Выходи, Ярашко, стрелять буду! — громко крикнул он в темноту.

Закончить фразу он не успел. И ответа тоже не услышал. Едва подтянулся на руках до уровня груди, как из хлевушки через лаз, устроенный для подачи корма, грянул неожиданный выстрел. И сразу же обширный двор, приземистый хлев, солома на нем полетели куда-то кувырком, все завертелось, закружилось, будто поднялся вихрь. Борис Тимофеевич медленно сполз на землю, но быстро под-

нялся на ноги, держась рукой за грудь, вышел на улицу. Навстречу ему бежал Чугайнов. Боталов слабо махнул наганом:

— Назад! Ступай во двор... Задержи гадов.

Выполнить это приказание Чугайнов не успел: Боталов резко покачнулся, медленно, точно раздумывая, опустился на колени. Николай Васильевич склонился над ним, дрожащей рукой снял левую сумку, ремень с кобурой, расстегнул ворот френча.

— Люди-и-и! Мужики-и, на помощь! — закричал он.

Бандиты между тем вышли со двора, произвели в воздух два выстрела и, не таясь, побежали в сторону леса.

— Гады, гады! — прошептал Борис Тимофеевич. Он тяжело поднял руку с наганом, выстрелил в сторону беглецов. Но это был уже выстрел отчаяния.

С гумна прибежали люди. Они обступили раненого плотным кольцом, долго не могли успокоиться, ахали и охали. Но мало-помалу шум стих. Кто-то уже начал распорядиться:

— Сбегайте за бабкой Анфисой. Пусть живо сюда!

Со стороны Чураков показалась подвода с мешками. На них сидели два мужика. Николай Васильевич, узнав земляков, распорядился:

— Разгрузите подводу! Увезем раненого сначала в Чураки, а там и в Косу. Быстрее, братцы, быстрее!

Чугайнова трясло. Не давал покоя и вопрос: откуда у бандитов ружье? Ведь не было, не было же никакого ружья!

Откуда было ему знать, что бандиты уже более суток находились в деревушке Киеве. Они знали: здесь открывается колхозная столовая. А где столовая, там и пекарня. Стало быть, будет хлебушко. Прибыв в деревню вчера под утро, бандиты быстро выяснили обстановку, стали ждать. Эту ночь они провели в соломе во дворе того крайнего дома. Там и прятали оружие.

Нет, не знал об этом Николай Васильевич. Об этом он узнает гораздо позже, когда бандиты будут обезврежены.

А люди продолжали торчать возле раненого. Знающие уже делали заключение: стреляли из дробовика центрального боя. Заряд прожег шинель, прошил френч, рубашку, вместе с пыжами и дро-

бью вошел в левое плечо... Прибежала бабушка, притащила в берестяной коробке снадобья. Перекрестившись на восток, она опустилась возле раненого на колени, вытерла тряпочкой окровавленные места, припудрила рану какой-то мелкой пылью, наложила лист подорожника. И, убедившись, что кровь остановлена, туго запеленала грудь Боталова длинным полотенцем.

Наконец подъехала подвода. Бабы и мужики набросали в корб свежего сена, прикрыли его пологом и осторожно, чтоб не тревожить рану, подняли Боталова на эту постель. Николай Васильевич с трудом взобрался в седло, подъехал к товарищу. Боталов полулежал на телеге, не мигая смотрел в небо. Широкое скуластое лицо его сделалось желтовато-бледным, заметно осунулось, на пухлых губах проступали синие пятна: раненый искусал губы, пока бабка пеленала грудь и мужики поднимали его на телегу.

Подвода тронулась, миновала околицу. И тут Борис Тимофеевич вдруг забеспокоился, заворочался, поднимая руку.

— Слушай меня... Слушай внимательно, — прошептал он так, чтобы слышал один Чугайнов. — Если в дороге я того... Так передай секретарю райкома: встреча главарей в конце сентября на берегу речки Актыльшор, у деревни Гушино. Передай обязательно. Это очень важно.

— Передам, конечно. Но ты зря об этом.

...В Косу они приехали только во второй половине следующего дня. В больнице уже ждали. Местный хирург Емельянов, суетливый человек лет тридцати пяти, хоть и не имел большой практики, признаков растерянности не проявил. Осмотрев рану, он приказал приготовить инструментарий:

— Перво-наперво следует удалить из раны пыжи и дробь...

Потянулись длинные часы и минуты, полные тревог и волнений. Жена, неотступно находившаяся у койки больного, от горя и усталости осунулась, ее щеки запали. В больницу то и дело наведывались друзья, знакомые. Надя сокрушалась:

— После операции отмечалось заметное улучшение. Но сейчас опять плохо. Из Кудымкара главного хирурга вызвали. Сообщили, на мотоцикле выехал.

Раненый метался. Его мучил то жар, то озноб. А доктор не появляется. Скоро сутки будет, как известили, что он выехал, а все нет и нет.

Приехал он только вечером шестнадцатого сентября, на шестые сутки после ранения. Все облегченно вздохнули: окружной хирург — доктор опытный. Уж он-то поможет, спасет.

Главный хирург округа Степан Петрович Вилесов, высокий, полный, в больших роговых очках, для своего внушительного веса довольно ловко выпрыгнул из люльки, вытащил из-под полога пузатый баул. В ординаторской он тщательно привел себя в порядок, переделся во все белое, привезенное в бауле. Из него же он вынул и передал дежурной сестре ящичек с инструментарием:

— Обработать! А вы, милейший, — метнул он взгляд в сторону Емельянова, — распорядитесь по части операционной, чтоб стерильная чистота, блеск!

Операцию он провел уже ночью, при свете керосиновых ламп и свеч. Длилась она несколько часов.

После, пока санитары переносили больного из операционной в отдельную палату, хирург, потный и усталый, еле держась на ногах, ходил из угла в угол, молча, по-стариковски жевал губами, в забытьи вздрагивал. Затем, маленько успокоившись, он стремительно встал, толкнул дверь, едва не сбив с ног молодую женщину, стоявшую в коридоре.

— Почему вы здесь, сударыня? Прошу прощения!

— Я не сударыня. Я жена раненого. Как он, что?

— Говорить об этом рано, операция была тяжелой. Вам следует успокоиться, отдохнуть. У вас есть дети?

Надя ничего не ответила. Она только подумала: зачем о детях? И тотчас дрогнуло сердце, оледенело в груди: господи!

И опять потянулись часы, минуты, полные тревог. Еле дождавшись утра, Надя, сильно волнуясь, прибежала в больницу. Строгий хирург ее не принял, даже в палату не пустил. Он никого не пу-

скал туда, даже Емельянова. Несколько раз приходил секретарь райкома Егор Кузьмич Густоев — и его не принял. Приходил Николай Васильевич Чугайнов. И тот ушел ни с чем. Было ясно: больной в критическом состоянии. Уже под вечер Егор Кузьмич и Николай Васильевич вновь заявили в больницу. На этот раз они застали хирурга в коридоре. Осунувшийся, он тяжело прошаживался туда-сюда, держа в одной руке очки, а в другой скомканный носовой платок.

На немой вопрос секретаря райкома он ответил не сразу. Делая вид, что сильно занят протиранием своих громадных очков, он виновато прятал взгляд, тянул время. Но сколько ни тяни, а говорить придется. Видимо, поняв это, доктор оставил в покое очки и тихо сказал:

— Увы, чудес на свете не бывает. У больного обнаружилось заражение крови. Если бы хоть чуточку пораньше...

Его мысль закончил секретарь райкома:

— Если бы не наши расстояния и не избитые дороги...

И сдернул с головы фуражку.

— Его жену искать не надо, — сказал доктор. — Она с детишками в палате. И беспокоить ее пока не следует.

— Да, да, — как эхо, повторил секретарь райкома и, не протившись с доктором, вышел на улицу. За ним последовал и Николай Васильевич Чугайнов.

Спускаясь с крыльца, Егор Кузьмич круто помотал головой и, глядя под ноги, тихо проговорил:

— Вот и потеряли еще одного человека-борца. Такого человека потеряли.

— Отчаянный был, самоотверженный, — ответил Чугайнов.

— Вот именно: самоотверженный, настоящий чекист. Его имя не забудет народ, — заключил Густоев.

Они миновали старый сад, повернули к райкому. У высокого крыльца толпились люди, стояли оседланные кони. В стороне от райкома, на скамейке под чугунным забором-решеткой, теребя кончик бесцветного измятого платка, сидела плохо одетая женщина с двумя ребятенками. Усталая, без единой кровиночки на лице, она

смотрела на людей ничего не выражающим тусклым взглядом, была, казалось, совершенно безучастна к жизни. Детишки, как и она, были худые и бледные, одетые во что попало. Тут же суетился седенький, обросший до самых глаз сельский пастух Фектис. Когда секретарь райкома и Чугайнов приблизились к скамейке, он толкнул женщину в бок, помог ей встать.

— Кто такие? — спросил Егор Кузьмич.

Обращаясь к женщине, он повторил вопрос. В ответ она только кончик платка поднесла к губам, глаза и тут не ожили.

— Вот пришли, мил человек, — ответил за сестру старый пастух. — Борис Тимофеевич помочь обещался.

В разговор вмешался Чугайнов:

— Эта женщина — Матрена Архиповна Митюкова, супруга Сабана Прокопа, того самого, который, помните...

— Интересно, интересно. Продолжай.

Чугайнов рассказал все, что знал.

Под конец сообщил:

— Незадолго до ранения Борис Тимофеевич говорил: «Дело Матрены надо быстрее довести до конца, надо спасти детей». Старших он хотел определить в учение, а маленьких устроить в детдом. Хотел устроить на работу и ихнюю мать.

Секретарь райкома выслушал его до конца, ни разу не перебил, затем долго морщил лоб, размышлял.

— Ну ладно, коли так, — произнес он наконец. — Борис Тимофеевич знал, что делал. Доведем его дело до конца. Веди, их, Николай Васильевич, чтоб оформили нужные документы. Без всяких проволочек. Слышишь, дед? Идите в районный исполком. Там все сделают.

Пастух низко поклонился, затараторил:

— Спасибочко, спасибочко. Дай бог здоровья и вам, и доброму человеку Борису Тимофеевичу...

Он еще не знал, что его благодетеля уже нет в живых.

На улице стояло бабье лето. В безоблачном небе, собираясь в теплые страны, протяжно курлыкали журавли-сеголетки: курлы, курлы! Прощай, красное лето...

Круто забирал листопад. Катился к закату тяжелый и тревожный тысяча девятьсот тридцать первый год.

«Его имя не забудет народ», — сказал первый секретарь райкома Егор Кузьмич Густоев. Слова его оказались пророческими. С той драматической поры прошло полвека, а память о доблестном чекисте жива. Из поколения в поколение передаются о нем рассказы, воспоминания. В центре села Коса, под вековыми тополями и березами, где похоронен Борис Тимофеевич Боталов, поставлен памятник. Его именем названа одна из улиц села.

Народ помнит своего сына.

Тревожные километры

1

Афонин целился тщательно, наверняка. Из-за угла лесной избушки-зимовья ему хорошо была видна старая ель, за которой стоял боком к нему тот, кто только что чуть не убил его, Афонина-старшего, — пуля прошила воротник полшубка.

Афонин целился в голову, а точнее — в шапку, немного видневшуюся из-за дерева.

Не дыша, он, наконец, выстрелил.

Афонин видел, как на уровне шапки из ели брызнул пучок золотистых искр-щепок, но человек не упал. И тут же он ощутил боль в правом плече; опуская руку, державшую маузер, в сыпучий снег, выругал себя:

— Мазила... Теперь мне — конец...

Стоявший за деревом, поняв, что обитатель избушки ранен, махнул кому-то в глубь леса рукой:

— Ребята, заходи сзади. Теперь он — наш.

2

Кулаки-мироеды братья Афонины были осуждены за убийство молоденького председателя колхоза Гаврика Монастыренко. Летом тридцать пятого года они с группой бывших кулаков и белогвардейцев совершили побег из мест заключения. Два месяца ушло на

безуспешные поиски преступников. Казалось, что они провалились сквозь землю — никаких следов не оставили после себя. И вдруг в Гаринское районное отделение ОГПУ Уральской (ныне Свердловской) области в начале октября поступил тревожный сигнал: неизвестными зверски убит председатель сельсовета. По всем приметам, среди них находились братья Афонины: Герасим, старший, и младший — Федор. Численности банды никто не знал, но было предположение, что в ней находилось пятнадцать-шестнадцать человек.

Шестого октября оперативный уполномоченный Павел Власов вместе с милиционером Конюховым вышел к месту происшествия, находившемуся от Гарей за шестьдесят с лишним верст. Шли по глухим лесным дорогам, утопая в осенней грязи. Шли под мелким дождем, всухомятку подкреплялись небогатым провиантом, приготовленным Власову женою, а Конюхову — матерью: не успел еще жениться двадцатилетний комсомолец. Нередко попадались болота, словно губка, пропитанные водой. Идти по ним было страшновато и небезопасно: болотная дернина под ногами дышала, как живая, иногда казалось, что стоит сапогом продавить ее — и гнилая жижа мгновенно засосет ногу, затянет в свою бездонность.

В поселке Кама, где было совершено злодеяние, к чекистам присоединился местный лесник Боталов. От него Власов и Конюхов узнали об очередном преступлении. На этот раз бандиты не пощадили двух колхозных активистов.

Надо было действовать быстро, оперативно, не теряя ни минуты времени.

Боталов поведал также, что, по свидетельству охотников, бандиты орудуют небольшими группами, по два-три человека, прячутся они в заброшенных скитах и охотничьих избышках.

Подсушив обувь и одежду в доме лесника, Павел Власов приказал своим спутникам собираться в дорогу, благо к вечеру выпал снежок, малость подморозило. Вечером же, не ждая быть замеченными, они покинули поселок.

Небо было ясным, звездным. Дышалось легко, свободно. Снежок похрустывал под сапогами. Мысли приходили самые радужные:

вот нападут они на след бандитов, переловят их поодиночке, и — через какую-нибудь неделю — можно докладывать о выполнении задания.

Всем нам, людям-человекам, свойственна слабость — детски наивная вера в скорое торжество справедливости. Все-то нам не терпится приблизить этот счастливый час. И потому спешим-торопимся, подгоняем время.

Не осудим мы и Власова, который без конца подстегивал своих спутников:

— Быстрее, ребята, быстрее! Далеко от нас бандиты не уйдут.

Если бы он знал, что намеченная им для операции неделя растянется на долгих два с половиной месяца! Может, тогда не через десяток дней, а сразу же по выходе из поселка понял: не для того бандиты бежали из тюрьмы, чтобы запросто попасться в руки молодого работника ОГПУ. Не для того! Они еще раз попытаются свести счеты с советскими активистами, со свидетелями, которые выступали против них на суде, просто с честными людьми — по-звериному ныне озлоблены Афонины на всех честных людей.

Первый снег продержался недолго, два-три дня, и снова тайгу окутали густые серые туманы. Шли на север, там, в таежной глухомани, по слухам, обитали бандиты, там они продолжают чинить свои черные дела.

Если не попадалось зимовье, спали под открытым небом — под густыми елями, на настиле из мокрых хвойных лапок.

Только на восемнадцатый день были схвачены первые два бандита. Они указали местонахождение некоторых других членов разбойничьей шайки.

И снова — тайга, немеренные километры, пронизывающий до костей холод. Особенно тяжело было переносить длинные осенние ночи. Усталость буквально валила с ног, нестерпимо хотелось спать. Уж давно свыкся Власов, свыклись его товарищи с не очень сытными лесными буднями, к неустроенности привыкли, к опасности, наконец: из-за каждого дерева могли в тебя целиться бандиты. А вот холод донимал. Отчаявшись уснуть, дрожа, стуча зубами, подхватывались среди ночи и устраивали пробежки, начинали бо-

роться, чтобы хоть маленько согреться. Или на свой страх и риск разводили ночью костер из кражей, уложенных накрест. И чем дальше на север они шли, тем становилось холоднее, морозы теперь не отпускали, тайга покрывалась ровным слоем снега.

Но приходилось терпеть, приходилось привыкать и к холодам. А что делать? Возвращаться, не поймав Афониных? Просить сменны? Ну дадут ее, допустим. Так разве сменщик — железный человек? Он не будет страдать? «Ладно уж, Власов, — говорил он сам себе, — негоже с полдороги возвращаться».

Иногда жену вспоминал, Матрену Ивановну. Как она там с детьми управляется? Помогает ли ей Галя, семилетняя старшая дочь? Обещала помогать, когда он уходил из Гарей, приглядывать за двухлетней сестричкой и полугодовалым Генкой.

Матрена к его службе относится двояко. С одной стороны, она понимает, что Павел у нее — человек нужный, полезный обществу, член партии. А с другой стороны, какой это жене понравится такая, как у них, жизнь? Судите сами.

Двадцать седьмой — двадцать девятый год. Армия. Служил в кавалерии. За басмачами по среднеазиатским степям да пустыням гонялся. Ранен был. Зрение потерял. Потом оно, правда, восстановилось, но комиссовали.

Ладно, армия есть армия. Дело общее, как говорится. Главные путешествия начались позже. Его, уроженца деревни Власово Свердловской области, избирают председателем Усть-Салдинского сельсовета. Недалеко это, а все равно переезд, новые люди, новое устройство хозяйства.

Через восемь месяцев Власов — избач, а одновременно и секретарь партячейки села Красная Гора. Вскоре райком партии рекомендует его для избрания председателем колхоза «12 лет Октября» в селе Верхотурье.

Жили, считай, на колесах. Потому что уже в марте 1930 года председателя колхоза Павла Власова, отлично показавшего себя в борьбе с кулачеством, приглашают на работу в Верхнетуринский отдел ОГПУ. Через два месяца его переводят в Надеждинск (ныне Серов), где он ведет оперативную работу.

В феврале тридцать второго года Власов уже в Гарях — сначала в райкомендатуре, затем — в отделении ОГПУ. Тут малость задержался. Матрена Ивановна не верила себе: «Неужели осели мы наконец?» — «Надо думать, что осели», — успокаивал ее Павел.

Пока же о предстоящем переводе Власов не знал и, вспоминая жену с ребятишками, думал, что Матрене теперь укорять его не за что, жизнь на постоянном месте наладилась. А что он отлучается надолго, так тут его вины мало: просто огромна территория района, ее не то что пешком, на коне за неделю не объедешь.

Одно сейчас тревожило Власова: слишком затянулись поиски остальных членов банды — двенадцать человек уже были пойманы, двое сами сдались местным властям. Выследили они и младшего Афонина — Федора. Нелегко, правда, дался он: Конюхова, милиционера, гад, ранил в левую руку. Конюхов покинуть оперативную группу отказался под предлогом легкого ранения, но Власов не верил его словам, слыша, как во время сна тот постанывал. Да и температура у него уже не раз поднималась. «Перевязку бы ему сделать по всем правилам, иначе может случиться непоправимое», — размышлял Власов.

И посему торопился разделаться с Афониним-старшим.

Впрочем, была еще одна причина.

Уж очень ему хотелось отметить свое тридцатилетие дома, в кругу семьи. Оно у него будет скоро, через несколько дней — накануне Нового года.

Он устроит настоящий праздник! Обещали приехать из деревни мать с отцом, может, из братьев и сестер кто пожалует. Павел всегда рад гостям. Доброму человеку в его доме никогда не было отказа — и накормит, и напоит, и спать на лучшем месте уложит. Павел с детства воспитан приветливости да доброте. Зная, какой ценой достается хлеб трудящемуся человеку (батрачил он с десяти лет), Павел, однако, считал жадность позором. Он не мог себе представить такого положения, чтобы бедняк бедняку, пролетарий пролетарию не протянул руку помощи. Сколько раз, бывало, Павел последним делился даже с людьми вовсе незнакомыми! Сколько людей делилось последним с ним, тоже незнакомым. Взять вот

эти месяцы скитания. В какую бы деревню, в какой бы хутор ни заходили они, нигде и никто не отказывал им в куске хлеба, в миске горячих щей.

Ни разу Павел не отмечал как следует свой день рождения. Все недосуг, все некогда, а порой просто забывал про него, вспоминал задним числом. А тридцатилетие уж он отметит! Во-первых, он заодно и свое возвращение отпразднует, во-вторых, не просто возвращение, а успешное, благополучное выполнение важного задания. Иного конца, кроме успешного, он и в мыслях не допускал. Остался ведь один Афонин-старший. Только бы Конюхов со своей раненой рукой не подкачал...

Павел неожиданно споткнулся о выгнувшийся змеей корень ели, чуть не упал. Выругался про себя: «Фу, черт! Что это я, как сонный иду, под ногами ничего не вижу?»

И тут в глубине леса он заметил охотничью избушку. И человека возле нее. Одет он был в белый полушубок, сидел у дверей, покуривая.

Треск сучьев под ногами Павла заставил человека насторожиться.

Власов мигом спрятался за деревом. Посмотрел по сторонам. Слева, метрах в тридцати, и чуть сзади шел милиционер Конюхов, он не выпускал из вида Павла и тоже притаился за елью.

А где же лесник Боталов? Он должен быть справа. Но, видимо, увлекся ходьбой, ушел вперед. Как бы не напоролся...

Тех секунд, которые Власов потратил на поиски товарищей, хватило незнакомцу, чтобы исчезнуть из зоны видимости. «Неужто сбежал?» — похолодело внутри у Павла.

Прячась за деревьями, он стал приближаться к избушке.

В какое-то мгновение он заметил за углом избушки уголок воротника и не целясь выстрелил.

А сам снова спрятался за толстой елью.

Власов не предполагал, что мог попасть в Афонина. В том, что они наскочили на Афонина, Павел почему-то не сомневался. Эта неожиданная встреча, это ощущение близкой развязки придали ему сил и разумной отчаянности.

Но вот раздался выстрел, несколько мелких щепок от ужаленной пулей ели впились в лицо Павла.

Павел не слышал слов стрелявшего: «Мазила... Теперь мне — конец...» Он сделал знак рукой в глубь леса:

— Ребята, заходи сзади! Теперь он — наш...

И продолжал внимательно наблюдать за избушкой.

Несколько минут прошло в напряженном ожидании. И тут раздался выстрел.

«Ружейный», — определил Павел. Значит, стрелял Боталов.

Павел сделал несколько прыжков к избушке. И увидел: возле нее корчился Афонин, белый полушубок его был вымазан кровью. Из леса, навстречу Власову, бежал Боталов, крича:

— Хорош!.. Сколько веревочке ни виться...

Да, это был Афонин — его опознали в ближайшей деревне.

...Свое тридцатилетие Власов скромно отпраздновал в тихой заснеженной Чердыни.

3

Сотни больших и малых дел прошли через руки Павла Ивановича Власова. Одни вскоре забывались, другие держались в памяти дольше, но все равно со временем выветривались, растаивали, словно льдинки на солнце. Были — и нету.

А вот «дело Тивуртия», самое значительное после операции по уничтожению банды братьев Афониных, запомнилось. Почему? Да, видно, очень уж оно необычным было. Деликатным. И во многом поучительным.

После Чердыни Власов успел поработать в Ирбите, Уинском, а когда образовалась Пермская область, его перевели в областное управление НКВД. В марте тридцать девятого года это случилось.

А «дело Тивуртия» началось в сентябре того же года.

Предыстория его такова.

В начале тридцатых годов на территории Кировской области развилась бурную деятельность секта истинно православных христиан. Возглавлял ее ярый враг советского строя, бывший белогвар-

деец Пермьяков. Члены секты находились на нелегальном положении, не признавали Советскую власть, отказывались от получения документов, вели активную антисоветскую агитацию: призывали не участвовать в государственных мероприятиях, отговаривали молодежь от службы в Красной Армии, от общественного труда.

Секта к тому же была изуверской. Пермьяков и его верный помощник Тивуртий Накоряков всячески терроризировали членов секты, принуждали их к массовым самоумерщвлениям, совершали насилие над женщинами и несовершеннолетними детьми.

Изуверству Пермьякова и Накорякова, казалось, не было предела. Жертву, доведенную в своей вере до фанатизма, они обычно заставляли голодать до десяти дней, затем истощенного, обессиленного физически и нравственно человека принуждали к самоубийству. Методы — самые разные: сожжение, утопление в прорубях рек, болот, отравление ядами. Своим жертвам главари секты обещали после смерти «мученический венец и вечное блаженство на небе».

Сколько их, обманутых религиозным невежеством людей, вот так ушло из жизни!

Естественно, мириться с деятельностью изуверов было невозможно, и главари кировского придела секты были справедливо осуждены.

На том процессе не раз подчеркивалось, что Советская власть не выступает против религии в принципе, наоборот, она гарантирует свободу совести. И верующие, и атеисты в нашем государстве пользуются одинаковыми правами. Но никому не дозволено, ссылаясь на свои религиозные воззрения, заниматься противоправной деятельностью.

Отбыв наказание, Тивуртий Накоряков (кстати, мирское имя его — Алексей; все члены секты отказывались от обычных имен) поселился в Перми, не думая, однако, прекращать прежние связи, прежние занятия. Вслед за ним потянулись и активисты секты: Анифаиса Капаева, сестры Феофила, Аглаида, Пелагея Антоновы (обратите внимание на имена!), Христофор Хитрин, Хотинья Мосягина, Ефимья Скворцова... Живя без прописки, без документов, они организовали пермский придел секты и приступили к пропаганде

своих идей, вовлечению в секту новых членов. Их щупальцы протянулись довольно далеко: в Верещагинский, Ильинский, Оханский, Очерский, Кунгурский, Большесосновский районы, в некоторые районы Свердловской области.

Плели паутину сектанты искусно, скрываясь под личиной благодетелей, добрых советчиков, бескорыстных помощников. И попадали в эту паутину, как правило, люди легковверные, слабовольные. Хотя и не только они. Всячески поддерживали сектантов, охотно вступали в их ряды бывшие белогвардейцы и кулаки, всевозможные преступники, избежавшие возмездия в силу различных обстоятельств.

Вот что примерно знал оперативный работник Власов, приступая с товарищами к работе по выявлению членов группы Тивуртия, занимавшихся враждебной деятельностью.

4

Роста он чуть выше среднего, худощав. Обут был в высокие сапоги домашнего пошива; в поношенной косоворотке; на голове — старая помятая шляпа; в правой руке — суковатая палка. Странник — и только, а не чекист Власов. Он шел из села в село, из деревни в деревню. Будучи по характеру общительным, разговорчивым, легко вступал в беседы с местными жителями. Расспрашивал о жите-быте, о колхозах расспрашивал, как дела в них идут, какие проблемы-трудности возникают у крестьян.

— А сам ты кто будешь? — не раз ответно интересовались собеседники.

— Человек, — улыбался Власов. — Вот ищу, где бы да к кому пристать.

За разговорами — серьезными и шутливыми — выяснял, не слышно ли чего об истинно православных христианах.

В небольшой деревеньке Андриюшата один старичок, в избе которого Власов остановился, доверительно сообщил:

— У нас свои, местные, все на виду. А вот у Софрона Голубкова две неизвестные женщины часто ночуют. Сам он — мужик замк-

нутый, недобрый, с расспросами к нему мы не пристаем. Слышно, однако ж, что женщин этих в соседних деревнях видели. Вроде б, как ты говоришь, из особых они христиан, в церковь нашу не ходят и других отговаривают...

Павел Иванович вежливо простился со старичком, на прощание пахучей махоркой его угостил, не показывая вида, что его заинтересовали те самые женщины и их особая вера.

В сельсовете он выяснил личность Софрона Голубкова. Да, сказали, человек сложный. В колхоз вступить отказался: «обижен» на Советскую власть — в конце двадцатых годов отбывал наказание за избиение сезонного работника. Сейчас — единоличник. На последних выборах не стал голосовать.

Выяснилось вскоре, что тем двум женщинам Софрон не только давал приют, но и снабжал их рекомендательными списками «своих» людей.

Дело Софрона до конца доводили чекистские органы, а странник в высоких сапогах и с суковатой палкой в руке шел дальше.

Нити паутины редели, Тивуртию все труднее приходилось управлять своими подопечными, а сам он все чаще менял места жительства и тщательнее конспирировался.

В середине ноября Тивуртия все-таки задержали. Возле Оханска, в одном из скитов.

Вскоре удалось выследить и сподвижницу Тивуртия Ефимью Скворцову. Женщина эта горела ненавистью ко всему новому, советскому. Отпрыск дворянской семьи, она всячески восхваляла царский режим, дореволюционные порядки, призывала бойкотировать любые начинания Советов. Двадцать три года — со времен Октября — находилась Скворцова на нелегальном положении, вела паразитический образ жизни. По заданию Тивуртия неоднократно для связи с другими главарями секты выезжала в Горький, Казань, Астрахань, в подпольный центр истинно православных христиан.

Власов присутствовал на суде. Слышал ужасные подробности деятельности Тивуртия — Алексея Накорякова.

Вот лишь некоторые показания.

Аглайда Антонова:

— На моих глазах была сожжена двадцатилетняя девица.

Анифанса Капаева:

— Голодной смертью умерла девица Марфа, сорока лет. Она голодала по приказу Тивуртия.

Еще одно показание — Феофилы Антоновой:

— Однажды из деревни Мураши Тивуртий увез куда-то инокиню Агнию. Вскоре он привез ее мертвой — ее утопили. Нам же Тивуртий объявил, что Агния умерла своей смертью. Но я знаю, что это не так.

Подсудимая Скворцова:

— При мне голодала девица Олимпиада, двадцати двух лет. Потом я уехала в Казань. Позже мне Тивуртий передал, что Олимпиада якобы попросила сжечь ее на костре, что и было сделано.

Власов, слушая, вытирал со лба холодный пот. Слушал и размышляя: «Зачем же вы скрывались от нас, от чекистов, бедные люди? Мы ведь жизни ваши спасали, будущее ваше и детей ваших. Идите, обманутые, с нами, становитесь в наш строй».

И вот, наконец приговор. Власов слышит четкие слова.

— ...Суд считает: враждебная деятельность сектантов полностью доказана...

Из зала суда Павел Иванович уходил с тяжелым осадком на душе. Закончилось очередное «дело», позади тревоги, волнения. Вроде бы радоваться надо — зло помог пресечь, — но вспоминал бесцветные глаза Тивуртия, Скворцовой, и опять наплывали тяжелые думы. Ну что бы людям не жить одной дружной семьей, не заниматься одним добрым делом? Ан нет! Нейметя кое-кому, мутят воду. И сколько ж нужно еще сил приложить, чтобы очистить родник жизни нашей!

На улице было не холодно — не более десяти градусов мороза. Падал редкий снег. Он ложился на пальто, на шапку, при свете уличных фонарей игриво посверкивал. Власов шел не спеша, стараясь настроить свои мысли на веселый лад. Послезавтра — Новый, 1940-й год. Надо будет обязательно сходить с детьми в городской сад. Взять санки — и самых маленьких повезти в санках. И там, в саду, он вдоволь покатает ребятешек с зеркальной горки.

Главари придела были преданы справедливому суду, но зло, чувствовали чекисты, еще до конца не пресечено, не все еще ниточки связей оборваны. И убедились в этом они довольно скоро.

Шестого марта в Кунгурский городской отдел областного управления НКГБ обратился рабочий подсобного хозяйства лесхоза Иван Григорьевич Ерофеев со следующим заявлением:

«Как я недавно узнал, знакомая моей сестры Громова Марфа в настоящее время ведет странный образ жизни: она нигде не прописана и прописываться не собирается.

В разное время в разговоре со мной Громова высказывала антисоветские измышления, заявляя, что она будто состоит в каком-то кружке верующих...»

И далее шел пересказ измышлений. Для Павла Ивановича и его товарищей — Александра Сонько, Андрея Шалаева, Ибрагима Кадырова — не новых.

Прочитав заявление, Власов полузакрыв глаза, долго сидел неподвижно. Размышлял, что делать, как действовать. И лучше прежнего, опробованного уже плана ничего не находил. «Надевайка снова, Павел, — говорил он сам себе, — сапоги, те, что повыше, да потрепанную шапку-ушанку, фуфайчонку, палку суковатую бер в руки и — в путь. Ты Урал и с той и с другой стороны не один раз измерил своими широкими шагами, придется еще разок постранничать...»

Правда, Матрена Ивановна начнет сердчать-хмуриться: «Опять меня оставляешь с этим детдомом?» — и кивнет в сторону расшумевшихся ребятишек (к тому времени у Власовых их было семеро: пять своих и два приемных — сироты Витька и Галина). Сказать-то так она скажет, да тут же начнет тебя в дорогу собирать: найдет за шкафом ту самую палку, сапоги смажет, съестного на всякий случай положит. И даже перестанет тяжело вздыхать, чтобы не расстраивать тебя перед долгой отлучкой.

Вечером ты дашь своему подразделению конкретное задание, а рано утром по заснеженным мартовским улицам заспешишь...

Куда заспешишь? Ты уже разработал маршрут: Кунгурский район; ребята же поедут в Ординский и другие районы.

Главная задача — установить адреса явочных квартир, где главари секты проводят враждебную деятельность среди рядовых сектантов.

На попутных машинах и лошадях Власов доехал до села Лобаново, а дальше — по Сибирскому тракту — пешком.

Приближалась середина марта. На Урале в такое время не редки еще тридцатиградусные морозы. Но нынче день выдался весенним, на чистом небе светило — до боли в глазах — уже позолоченное, а не багровое, как зимой, солнышко. Вдоль тракта небольшими стайками шмыгали воробьи, с криком и суматошной дракой налетая на свежий конский помет или пучок соломы, оброненный местным возницей, доставлявшим с дальнего поля корм колхозному скоту.

В полдень у мосточка через неширокую речушку, намертво скованную льдом, Власов присел отдохнуть. Снял фуфайку — солнце припекало, затем постелил ее на крепкий осевший снег, а сам — сверху.

Есть хотелось — жутко. Достал из вещмешка сваренную в мундире картофелину, не спеша очистил ее, посыпал солью, затем отрезал ломоть хлеба и, безмятежно глядя на небеса, на горизонт с темным лесом, на дорогу, стал есть.

Перекусив, захотел пить. Посмотрел туда-сюда вдоль речушки — не видно проруби. Решил перетерпеть.

И зашагал дальше, в сторону Кунгура. Расчет его был прост: до вечера «случайно» оказаться в той деревне, где, по сведениям, в настоящее время проживала Марфа Громова. Надо уточнить сообщенные сведения, заодно постараться выяснить, впрямь ли Громова такой человек, каковым предстает из письма, нет ли тут наговора.

За спиной он услышал гул мотора. Оглянулся — его догоняла полторка. Власов вышел на середину дороги, поднял руку. Машина скрипнула тормозами, вздрогнула и резко остановилась у самых его ног.

В кабине, рядом с парнишкой-шофером, сидела неопределенных лет женщина в коричневом платке, опущенном до самых глаз.

— Подвези, сынок, — попросил Власов парнишку.

Тот взглянул на женщину — не возражает ли? Женщина не возражала.

Власов одну ногу поставил на колесо, другую перемахнул через борт. И полуторка тронулась.

В деревню он пришел, когда уже начали сгущаться сумерки. Деревня небольшая, дворов пятьдесят, стояла на угоре, под темным пологом леса.

Павел Иванович зашел в крайнюю избу. Во дворе слышен был голос хозяйки, незло поругивающей корову, — та, должно, мешала выкладывать в ясли сено. Он подождал, пока хозяйка закончит работу, и нарочито громко спросил:

— Есть кто в этом доме?

Из стайки вышла невысокая женщина лет сорока. В руках она держала вилы — забыла поставить на место, испуганная неожиданным голосом.

— Здравствуйте, — дружелюбно улыбнулся Власов.

— Здравствуй, — ответила хозяйка. Измерила незнакомца проницательным взглядом, сказала: — Заходите в избу.

Зашли, сели за стол, друг против друга. Как водится, хозяйка стала расспрашивать: кто да откуда? Он сказал, что получил известие о болезни отца и вот добирается теперь на родину, в Уинский район.

Хозяйка глубоко вздохнула:

— Я мужа зимой схоронила...

— Дети есть?

— Двое. Мальчик и девочка. Из школы еще не вернулись.

— Что ж, это хорошо, если дети есть. В недалеком будущем опорой станут. А пока уж потерпите...

Он любил вот такие разговоры, вот такие неожиданные знакомства с простыми людьми. Во всей своей необычной работе Власов всегда старался опираться на них, людей этих, — будь то старик, парень молодой или как вот эта средних лет женщина. Без труда

отыскивал общие темы для разговоров с ними, входил к ним в доверие без всякой игры, без хитрости; знал их тревоги и радости — сам ведь из батраков. А где шутка нужна была — шутил, сказку-байку мог завернуть.

И люди были всегда с ним откровенны. И незаметно для собеседника он узнавал все, что его интересовало. Как, например, в этот раз. Хозяйка вдруг пожаловалась:

— Вот вы говорите, что жизнь будет все лучше и лучше, а у нас тут по деревне другие слухи идут. Дескать, мы все грех на душу берем, работая в колхозах.

— Это почему же — грех?

— Бога у нас не признают потому что.

— А-а, — рассмеялся Власов, — это старая песенка. — И уже серьезно: — А кто ж такие слухи распускает?

— Фрося Коновалова, например. Она даже нашим бабам книжки показывала, где про это написано.

— А книжки у нее откуда?

— Вроде б родственница ей принесла. Марфа Громова.

Услышав знакомую фамилию, Власов спросил:

— А где она живет, эта Марфа?

— Кто ее знает. Вроде б в Кунгуре. Но это не точно. Скорее всего нигде она не живет. Сейчас вот у Фроси квартирует, потом исчезает куда-то, потом снова появляется. Бабы наши говорят, что она в кружке отступников каких-то состоит. И Фросю вроде б туда заманила...

Ниточка от Громовой и Коноваловой привела вскоре Павла Ивановича и к еще одному сектанту — Константину Дорохову, в прошлом кулаку, а после осуждения Тивуртия и Скворцовой продолжившему их преступные дела.

И последующие дни, недели, месяцы проходили в беспрерывных поездках (если можно назвать поездками в основном пешие переходы). Были выявлены новые члены секты: Мария Попова, иеро-

монах Иван Рожков, Ольга Корекова, Александр Гордеев, Игнатий Туркин. Хорошо поработали и помощники Власова, которые тоже установили немало подпольных групп.

В ночь с 24 на 25 января сорок первого года решено было провести операцию по задержанию Дорохова и компании. Накануне операции Власов собрал сотрудников, познакомил их с планом.

— Главное, — напоминал он, — действовать быстро, оперативно, взаимосвязанно. Ни один из враждебно настроенных сектантов не должен ускользнуть от нас. Если кто-то ускользнет, он успеет предупредить других сообщников, и тогда... В общем, я надеюсь, что этого «тогда» не случится.

Разъезжались чекисты по районам кто на чем: на поездах, на попутных машинах, на попутных же лошадях, запряженных в санирозвальни. К вечеру поднялась метель, ртутный столбик опустился ниже двадцати градусов. Что и говорить, не легко в такую погоду добираться в глубинки. Особенно когда сойдешь с главной дороги на еле заметную тропу, ведущую в деревню или село.

Власов выехал в дальний Уинский район. Места здешние он знал неплохо — когда-то тут работал. Вместе с ним находился Николай Зеленин, молодой способный лейтенант.

В деревню Большой Ась они добрались часам к одиннадцати вечера. Устали страшно, промерзли, однако в двух избах, куда они заходили за понятами, останавливались всего лишь на пару минут — пока понятые одевались. И сразу — к дому Дорохова.

Хозяин дома только что загасил лампу, когда к нему постучали. Он долго не отворял, выглядывая в незамерзший краешек окна и стараясь узнать поздних пришельцев. Двоих односельчан он опознал, а вот кто двое других — неизвестно. Может, братья по кружку, а может...

Стук повторился. Дорохов нашарил спички на столе, зажег семилейку и вышел открывать с недобрим предчувствием. Больше всего он опасался за тайник.

Наконец дверь открылась, и Власов первым глагнул через порог. Перед ним стоял высокий грузный мужик с красивой смоляной бородой.

Чекист представился.

У Дорохова екнуло сердце, но он старался держаться равнодушным.

— Чем могу служить?

— Вы обвиняетесь в распространении антисоветской литературы...

Дорохов выпучил глаза:

— Откуда у меня литература?

Николай Зеленин тем временем внимательно осматривал избу. К изумлению Дорохова и к удивлению Власова, он вскоре обнаружил под печью тайник с литературой. Около ста экземпляров.

Дорохов молчал — препираться было бесполезно. Только скрипнул зубами.

— Одевайтесь потеплее, — предупредил его Власов, — до Перми путь далек, а на дворе мороз крепчает.

Уже под утро прибыли они попутно к дому Фроси Коноваловой, где в ту ночь, кроме Марфы Громовой, находилась и еще одна активная деятельница секты — Ольга Корекова. И здесь был найден тайник — под домом. Он оказался более вместительным: почти двести экземпляров враждебной литературы обнаружил Николай Зеленин.

«Как там дела у других ребят? — беспокоился в те часы Власов. — Уж больно погода неподходящая...»

Беспокоился зря. Все главари и активные участники секты, проводившие враждебную деятельность, были задержаны. Суд приговорил их к различным срокам наказания.

Многomesячная работа чекистов подошла к концу.

7

Двадцать пять лет стоял на посту коммунист Павел Иванович Власов. Карал врагов Советской власти, наставлял на верный путь оступившихся, служил верой и правдой своему народу. Во время Великой Отечественной войны он выполнял ответственные задания по выявлению немецко-фашистской агентуры. За успешную работу

по обеспечению государственной безопасности в те трудные для вашей Родины дни награжден орденом «Знак Почета», знаком «Заслуженный работник НКВД». Послевоенная деятельность Власова отмечена орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

Последние три года Власов служил заместителем начальника отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности областного УВД. В органы внутренних дел его направили на укрепление. И на новом месте он проявил свои лучшие качества — честность, принципиальность, преданность делу. Как всегда, не думал о себе лично. Может, потому и здоровье не щадил.

— Почему «может»? — возразили мне его товарищи, не один год работавшие вместе с Власовым. — Так оно и было.

Ныне Павел Иванович — на заслуженном отдыхе.

Это было в апреле

Гусаров чувствовал себя превосходно: наконец-то он исполнил просьбу чекистов! Удалась встреча, ничего не скажешь. Разговор получился стоящий. Послушать его, участника XVIII Всесоюзной партийной конференции, хотелось многим, собрались все, кто находился в этот час в управлении госбезопасности. Объявили доклад — об итогах прошедшей конференции ВКП(б), но Николай Иванович сразу попросил считать его не докладчиком, а так, собеседником. Чекисты хорошо знали первого секретаря обкома партии. Они заулыбались в ответ на его просьбу. Контакт был установлен.

Сейчас всплывали в памяти не собственные утверждения, а вопросы, которые ему были заданы. Не ради ли этой возможности и оторвались товарищи от своих непростых дел? Первый же из них — начальник оперативного отдела и член партийного бюро Архипов, сидевший напротив, слушавший Гусарова, положив нога на ногу, словно напоказ выставив свои ослепительные сапоги, как-то совсем по-домашнему, нетромя спросил:

— Как вы думаете, война будет скоро?

Все притихли, посерьезнели, приготовились не упустить ни слова.

Гусаров окинул чекистов взглядом, положил на край пепельницы дымившуюся папиросу, выпрямился в кресле и ответил нетромя:

— Думаю, скоро.

По залу прошла плотная волна тишины. И сотрудники в годах, хлебнувшие еще гражданской войны, и чекисты-первогодки, — каждый по-своему переваривал это слово: «скоро».

Встал один из молодых, краснея и ероша волосы, обратился к Николаю Ивановичу:

— Как вам представляется наша задача в этот тревожный момент?

Гусаров тоже поднялся с места, сделал шаг-другой, в раздумье переспросил:

— Как? — Посмотрел в зал, затем в окно и, рубя воздух рукою, ответил решительно: — А так: все силы, все умение, весь талант — на охрану безопасности нашего родного государства!

Выйдя из управления, Николай Иванович знаком отпустил машину, дремавшую у подъезда. Далеко ли до обкома — Театральный сквер перейти, только и всего. Он с удовольствием двинулся пешком, намеренно замедляя шаг.

— Не помешаю? — Рядом шел Архипов, тот самый, что задал вопрос о войне. Он ступал осторожно, даже как-то церемонно, оберегая от случайных брызг свои сверкающие сапоги. — Разрешите вопрос?

Николай Иванович еще более замедлил шаг, повернулся в сторону Архипова, готовый его выслушать.

— Положение в Европе архитрудное. Гитлер совсем потерял разум. Я тоже думаю, что война будет скоро. А нас предупреждают, что в Пермь, возможно, прибудет делегация немецких авиационных специалистов. Как можно такое допустить? Слепому же ясно, что это разведчики!..

Гусаров предостерегающе поднял руку:

— Только без эмоций! Не берусь утверждать, что время самое подходящее для подобного визита, но уж если быть таковому, то чекисты, надо полагать, знают, что делать. Коли к нам с миром, так и мы с миром, ну, а если... Авиационные специалисты, говорите? Значит, их волнует наш моторостроительный, КБ товарища Швецова. Яснее ясного... Ну, тороплюсь, — он протянул Архипову руку, — желаю успехов.

Остаток пути Гусаров довершил один, глубоко, с удовольствием вдыхая пряную апрельскую свежесть, обещая себе бросить наконец курить. «Немецкие авиаспецы? — подумал он вдруг беспокожно. — Сейчас, когда Швецов так подавлен, когда у него в КБ практически остановлена работа?»

Так и не связав в одну нить встревожившие его обстоятельства, Гусаров прошел мимо козырнувшего ему постового милиционера, поднялся по широкой обкомовской лестнице, устланной ковровой дорожкой, и вошел в свой кабинет.

Привычная обстановка возвратила спокойствие, уверенность. Он заглянул в настольный календарь, прочитал собственную запись: «10 апреля — пленум обкома. Первые итоги выполн. реш. XVIII конф. ВКП(б). Доклад». Наморщил лоб, вспомнив, что еще не приступал к работе: надо торопиться. Увидел свежие номера многотиражки моторостроительного завода, присел, стал их листать.

Последний раз он был на заводе четырнадцатого марта. Его пригласили на общезаводское партийное собрание, попросили рассказать о Всесоюзной партконференции. Там, в Москве, ему, кандидату в члены ЦК партии, довелось выступить с большой трибуны. Здесь задача была скромнее: соотнести заводские дела с партийными решениями. Едва ли не во всех речах звучали горделивые нотки: досрочно дали квартальный план, изо дня в день выполняется суточный график. Что ж, это неплохо, совсем неплохо, но только почему не чувствуется настоящего загляда вперед? Почему не ощутима связь того, чем живет коллектив, с тем, что происходит в мире?

В тот раз он говорил долго, вровень с докладчиком. Голос его и без микрофона был слышен на всех параллелях старого деревянного клуба. «Работаете ритмично? — обращался он к коммунистам. — Честь вам и хвала! Но, как поется в песне, если завтра война? Сохранится ваш ритм или нет? Кто ответит? — Помолчал несколько секунд и сам же ответил: — Никто. А между тем на дворе сорок первый год, да, да, и Гитлер прет без оглядки. Зря, что ли, Всесоюзная партконференция подчеркнула особую необходимость развития оборонной промышленности?»

Он умел зажечь людей. По-иному стали выступать после Гусарова. Резко критиковали наркомат за остановку работы по «двухрядной звезде» Швецова, досталось заводским руководителям за обширный парк устаревшего оборудования, горячо говорили о бдительности. «Другой коленкор, — довольно отметил Гусаров, — о самом насущном толкуют». И когда попросили его подвести итог, он сделал это охотно. «Двухрядная звезда»? Он лично обратился по этому вопросу в высшие инстанции. Устаревшие станки? Если не заменят их, то заменят заводских руководителей. Бдительность? С этим качеством не рождаются, бдительными становятся.

Тогда, кстати, договорились рассмотреть в парткоме вопрос «О сохранении военной тайны на заводе», после чего перенести его в цеховые партийные организации.

Что это, не отклик ли на тот разговор? Он припал к полосе заводской многотиражки, увидев заголовок: «Храни военную тайну». И так и этак считать можно. Это материал о только что вышедшей книге. Выделены слова: «Сохранение военной, государственной, партийной тайны — священная обязанность каждого советского патриота». Очень правильные слова...

Вдруг Гусаров снова беспокойно подумал: «Авиаспецы из Германии? Швецов не должен быть в неведении».

Вот уже несколько месяцев Гусаров настойчиво пробивал в верхах вопрос о «двухрядной звезде». Иногда ему казалось, что какой-то рок витает над этим авиадвигателем. Его рождение, даже только проект, были восторженно встречены на известном совещании работников авиационной промышленности в Кремле. Немедленно открыли финансирование новой работы. С еще не родившимся двигателем связывались радужные надежды на будущее, конструкторы истребителей и бомбардировщиков с нетерпением ожидали появления опытных образцов.

По существу, Швецов создал первенец семейства мощных двигателей воздушного охлаждения, способных безотказно работать на больших высотах. Почему «двухрядная звезда»? Потому что цилиндры нового двигателя располагались в два ряда по лучам двух одинаковых звезд. Но от своих предшественников новичок отли-

чался не этим, а малой лобовой площадью. Конструкторы многих стран бились над таким решением, которое бы обеспечило выбор наилучших форм фюзеляжа, уменьшение лобового сопротивления самолета. Но реализовать эту задачу, которая в моторостроении значилась под номером один, удалось впервые Швецову.

В самый разгар работы пришло известие о прекращении финансирования «двухрядной звезды». Аркадий Дмитриевич был буквально ошеломлен. Никто не понимал, чем продиктовано такое решение. Лишь через несколько недель сообщили из наркомата, что это связано с переводом завода на выпуск новой продукции — двигателей водяного охлаждения. Но не ясно было, зачем понадобилась новая специализация. Круг замкнулся.

Гусаров первый поддержал Швецова. Они не раз встречались и в КБ, и в обкоме, подолгу засиживались в домашнем кабинете Николая Ивановича. Его уверенность, что все случившееся — печальная ошибка и что рано или поздно она будет исправлена, и радовала и пугала Швецова. «Только не поздно! — горячо говорил он Гусарову. — Наш двигатель нужен уже сегодня». Но Николай Иванович и сам отлично это знал. Свои соображения он изложил в обстоятельной записке, направленной в ЦК.

Вдруг захотелось Гусарову услышать голос Швецова, сказать ему доброе слово, подбодрить.

— Как жизнь, Аркадий Дмитриевич? — спросил он по телефону. — Рады весне?

Швецов был не в настроении и ответил мрачно:

— Какая это жизнь? Чувствую себя пассажиром в зале ожидания.

— А у меня есть новости, — загадочно сказал Гусаров.

В КБ недоумевали: что стряслось? Последние месяцы главного конструктора, пожалуй, ни разу не видели улыбающимся; понятно, ранен человек, извелся в догадках. А тут — словно вернулось старое, доброе время — помолодел, как-то даже повеселел главный. Уж не сдвинулась ли «двухрядная звезда» с мертвой точки?

Не сдвинулась, нет. Это опять Гусаров. Он так красочно разрисовал Швецову приезд германских авиаспецов, так лихо поведал о том, как наши не дали себя провести, что Аркадий Дмитриевич только подивился его дару устного рассказчика. Когда стало ясно, что никто никуда не приезжал, а только собирается приехать, Швецов безудержно расхохотался.

— Разве зря они лезут к нам? — уже серьезно спросил Гусаров Аркадий Дмитриевич сразу же подумал о своей «двухрядной звезде». «Черт возьми, их приезд может служить веским доказательством «потустороннего» интереса к этому двигателю. Но... не ужели они думают, что возникшие у нас сложности облегчат им задачу?»

Эта догадка остановила Швецова. Он вышел из-за стола, приблизился к окну, снова подумал: «Неужели?»

Вспомнил, как прошлой весной, будучи в командировке в Германии, он постоянно чувствовал себя в фокусе посторонних глаз. В заводском цехе, в конструкторском центре, на улице, в отеле — повсюду кто-то наблюдал за ним, следил за каждым его жестом и шагом.

В Берлине Швецов жил в первоклассном отеле «Адлон». Однажды вечером, когда в городе была объявлена воздушная тревога и в ожидании появления английских бомбардировщиков гостям предложили спуститься в бомбоубежище, он не подчинился распоряжению. Уже через несколько минут что-то щелкнуло в замочной скважине, открылась дверь и на пороге появился портье. Он ничуть не смутился, напротив, спокойно повторил распоряжение администрации.

Когда часа через полтора Аркадий Дмитриевич возвратился в свой номер, по едва видимым приметам он понял, что здесь кто-то побывал. Книга, которую он решил почитать перед сном, лежала не на подушке, куда он ее бросил, а на ночном столике. Чуть сдвинута была скатерть на столе. Насторожил слабый запах табака, никогда не ускользающий от некурящего человека.

Выходит, предстоит новая встреча со старыми знакомыми? Если они пожалуют, гарантировать им хлеб-соль никто не сможет.

Аркадий Дмитриевич улыбнулся. Вспомнилась байка, рассказанная однажды Гусаровым. Неполных шестнадцати лет, будучи бойцом отряда по борьбе с бандитизмом, он как-то сочинил рапорт на имя командира. Написал: «Предлагаю изъять у кулаков соль, тогда они не смогут встречать бандитов хлебом-солью». А командир положил резолюцию: «Предлагаю изъять и хлеб, тогда у них вовсе отобьет охоту к встречам».

Однако шутка шуткой, а чувствуется какой-то сдвиг в пользу «двухрядной звезды». В том смысле, что она нужна своему времени. Ведь если говорить начистоту, то кадры истребительной и штурмовой авиации воспитывались на моторах воздушного охлаждения. Не за горами война, и переключать завод на новые двигатели, переучивать летный состав именно теперь — значит, нанести авиации серьезнейший вред. Что же касается достоинств нового двигателя, то они в русле лучших мировых достижений.

— Быть «двухрядной звезде!» — к собственному удивлению, громко провозгласил Аркадий Дмитриевич.

Теперь уверенность Гусарова стала и его уверенностью.

В ближайшую пятницу Архипов собирался отметить свой день рождения. Трубить большой сбор он не предполагал (не полувековой юбилей!), а хотел пригласить только самых близких друзей и вместе с Сашей и их годовалым Валентином «зафиксировать факт своего тридцатипятилетия».

Александра Борисовна возражала: надо собраться на день раньше, не то непременно что-нибудь помешает. Он обвинил жену в суевении, но согласился. И вот сегодня они ждали гостей.

Архипов мог бы одновременно отметить и семилетие своей службы в органах ЧК. Ему нередко приходило на ум, что с того майского дня 1927 года, когда его, двадцати с небольшим лет, приняли в партию, у него совсем не стало свободного времени. Так было в родных тульских краях, где он пребывал ремонтным рабочим службы пути, так было в Москве, где он стал чекистом, так оно ведется в Перми, куда он прибыл по назначению пять лет назад.

Товарищи уважали Архипова. Он был энергичен, опытен, решителен. На совещаниях у руководства его выступления бывали кратки и предельно четки, и так уж повелось, что чаще всего одобрялись его предложения.

У себя в отделе Архипов был кумиром. Ему прощали и вспыльчивость, и посещавшее его порой высокомерие. Постоянная готовность к действиям, безотказность в любом деле плюс личное мужество стоили в глазах товарищей куда дороже. Да и сам облик его был привлекателен. Проницательные глаза, глубокая складка меж бровей и казавшаяся чужой ямка на подбородке делали его лицо запоминающимся.

Сегодня Георгий Глебович блаженствовал. Наслаждаясь бездельем, он потихоньку стащил с уже накрытого стола аппетитный кусочек мяса, затем прилег на тахту, взял еще утром читанную газету.

— Саша, — крикнул он жене, возившейся на кухне, — послушай объявление: «Поступил в продажу телефонный справочник на 1941 год. Продается на Центральной телефонной станции...» Ты слышишь? И еще: завтра пойдет «Лебединое озеро», так что собирайся! А сегодня в «Художке» идет «Валерий Чкалов», может, успеем на последний сеанс? Чего молчишь?

Вошла жена, удивленно посмотрела на Архипова в позе бездельника, по лицу ее пробежала тень.

— Нафантазировал? Театр, кино... К телефону тебя!

В одну секунду он соскочил с тахты, шагнул в коридор, схватил трубку:

— Архипов слушает!

Ему передали приказ: срочно явиться в управление госбезопасности.

Номер гостиницы германского посольства, где проживал полковник Генрих Ашенбреннер, окнами выходил на улицу Веснина. Он знал, что это его временная пристань, в Москве осталось ему служить недолго, и потому безропотно сносил сложности гостиничного

бытия. Однако очевидны были и плюсы. «Постоялый двор», как он называл посольское общежитие, находился в центре Москвы, можно было, не прибегая к коммунальному транспорту, а лишь пройдя по Бульварному кольцу, выйти к самому посольству, которое издавна находилось на улице Станиславского.

Он гордился своим знанием Москвы. В отличие от коллег, да и от многих москвичей, улицы называл только их новыми именами. Для него не существовало ни Денежного переулка, ни Леонтьевского переулка, а были улицы Веснина и Станиславского, переименованные в честь знаменитого архитектора и еще более знаменитого деятеля театра.

Ранг военно-воздушного атташе давал полковнику Ашенбреннеру определенное положение в обществе, а то обстоятельство, что служба его протекала в Москве, делало его и вовсе заметным. Он, конечно, не мог не знать, что постоянно находился в поле зрения тех берлинских ведомств, от которых зависела не только карьера, а сама жизнь человека, но добрый бог пока его миловал. Он исправно делал свое дело, собирал доступную ему информацию и хвалил себя за смелость суждений.

Он не разделял мнений ни военного атташе генерала Кестринга, ни его помощника полковника Кребса о военных возможностях русских. Когда в прошлом году они возвращались в одном автомобиле с военного парада на Красной площади, Кребс, явно стараясь угодить своему шефу, бросил: «Детские игрушки». Тот согласно улыбнулся, а Ашенбреннер промолчал, но подумал: «Поразительная недальновидность!»

В самое последнее время это ощущение особенно усилилось. Неожиданно и срочно вызвали в Берлин генерала Кестринга, вскоре был вызван в министерство иностранных дел сам фон Шуленбург. Эти поспешные выезды посла и военного атташе предвещали какие-то события. Хотя о чем еще, как не о войне, может идти речь, когда граница до того насыщена войсками и боевой техникой, что походит на замершую линию фронта.

— Поживем — увидим, — вслух сказал на хорошем русском языке Ашенбреннер.

Он взглянул на часы, мысленно пожурил себя за пристрастие к праздному лежанию и стал собираться. Тонко зажужжала электробритва, приятно освежила плечи тугая струя воды; он надел свежую рубашку, быстро повязал галстук и оглядел себя в зеркале.

— Что день грядущий мне готовит? — опять по-русски спросил он себя, подражая известному московскому тенору.

План у него был такой: обычные свои полчаса погулять по бульвару, затем позавтракать в приглянувшемся кафе и где-то около полудня явиться в посольство. Он уже надел плащ и взял в руки шляпу, когда раздался осторожный стук в дверь. На пороге стоял посольский шофер. Он слегка поклонился Ашенбреннеру и, безучастно глядя ему в лицо, быстро проговорил:

— Герр оберст, вас срочно требуют. Автомобиль у подъезда.

Коротка дорога до посольства. В машине Ашенбреннер едва успел перебрать в уме события последних дней и, не остановив ни на чем внимания, подумал: «Что-нибудь из Берлина».

Посольский особняк в этот утренний час чем-то походил на театральную декорацию. Массивная дверь и причудливый балкончик над нею наделяли фасад стилями двух различных эпох. А увенчанные лепными украшениями двенадцать окон на обоих этажах смыслили это различие. Красивый особняк, но какой-то игрушечный.

Машина, миновав постового, въехала во двор, и Ашенбреннер торопливо вошел в здание. На лестнице его встретила секретарша. Приложив палец к губам, она отвела его в сторону и шепотом сообщила:

— Прибыла важная персона из Берлина. Не то от Канариса, не то от Шелленберга. Ожидает вас в кабинете.

Ашенбреннер вдруг почувствовал, как он жутко голоден. Но было уже не до завтрака. Он тут же снял плащ и шляпу, передал их секретарше и, мельком взглянув на себя в зеркало, направился в кабинет, где его ждал таинственный гость из Берлина, представлявший то ли военную разведку, то ли разведслужбу гестапо.

Час-полтора или дольше длилась беседа за дверью, обитой кожей? Скорее всего Ашенбреннер не ответил бы на этот вопрос. Он вышел из кабинета осунувшийся, даже как будто постаревший, по-

тер пальцами лоб, словно вспоминая, куда ему нужно идти, вопреки своим правилам натошак выпил стакан минеральной воды, стоявшей неподалеку на столике, и только после этого направился к себе.

Секретарша сразу поняла, что ему не до вопросов, и только спросила:

— Герр оберст приготовил поручения?

Он не очень-то вежливо махнул рукой, и она моментально скрылась за дверью.

«Вот пришел и мой черед», — думал тем временем Ашенбреннер. Он даже про себя в суеверном страхе не называл то ведомство, которое почтило его своим вниманием. «В интересах великой Германии» — каков аргумент! Но ничего не возразишь, если не хочешь однажды проснуться или, лучше сказать, не проснуться, в родном Берлине, в доме на Вильгельмштрассе, 8»*.

И он промолчал.

Он согласился.

Палец нащупал сигнальную кнопку у ножки письменного стола. С блокнотом и автоматическим пером вошла секретарша. Кратко, будто экономя слова, он сообщил, что завтра с группой авиационных специалистов выезжает на Урал. Отправление с Курского вокзала. Поезд Москва — Пермь.

Домой, в гостиницу, Ашенбреннер возвращался в смятении.

«Почему такая спешность?» — спрашивал он себя в который уже раз.

Берлинский гость на этот вопрос ответил так: «Чтобы успеть подготовиться к дню рождения фюрера, который намечается провести как национальный праздник — с приемом официальных лиц страны пребывания, с речами перед колонией проживающих здесь соотечественников. А день этот, как известно, двадцатого апреля». Но такая мотивировка лишь для отвода глаз. Посол перед отъездом сказал, что возвратится не скоро, и дал понять: ничего этого не будет. Дезинформация и разведывательные цели — понятно, но

* В этом здании помещалось гестапо.

не потому ли такая поспешность, что Германия остановилась у последней черты и вот-вот начнется война с Россией?

В этот вечер он лег с больной головой. А рано утром к посольской гостинице подошел автомобиль. «На Курский вокзал», — коротко приказал Ашенбреннер.

Поезд, которым следовала группа германских авиационных специалистов, отошел от платформы точно по расписанию.

Явившись по вызову в управление госбезопасности, Архипов ознакомился с сообщением, полученным из Центра. И сразу же приступил к разработке операции.

Из характеристики директора Пермского моторостроительного завода Германа Васильевича Кожевникова:

«За период работы на моторостроительном заводе показал себя дисциплинированным, растущим командиром, организатором производства, имеет достаточный кругозор в партийной и хозяйственной работе, инициативный, технически грамотный специалист, повышающий систематически свои знания. В партийном коллективе завода пользуется заслуженным авторитетом. Принимает активное участие в партийной жизни, являясь членом партийного комитета завода, членом РК ВКП(б), членом обкома ВКП(б). Партии Ленина и социалистической Родине предан.

Секретарь райкома партии Л а р и о н о в а».

Из автобиографии Германа Васильевича Кожевникова:

«Я родился в июне 1907 года в Ташкенте. Отец до самой смерти работал на Ижевском заводе токарем. Мать при его жизни была домохозяйкой, а после работала кухаркой. Сестер и братьев не имею.

С двенадцати лет работал слесарем на Среднеазиатской железной дороге, жил в Ашхабаде. Окончил вечерний рабфак и в сентябре 1929 года был командирован на учебу в Московское высшее тех-

ническое училище. Потом перешел в Московский авиационный институт, на моторный факультет. В рядах ВЛКСМ находился в 1923—1932 годы. В 1930 году Краснопресненским райкомом ВКП(б) гор. Москвы принят в члены Коммунистической партии.

В 1932 году на факультетском партийном собрании выступил с политически неправильным заявлением, якобы организация ОРСов (отделов рабочего снабжения) противоречит кооперативному плану В. И. Ленина. Свою ошибку немедленно признал, но за непартийное выступление мне был объявлен выговор без занесения в личное дело. В 1939 году указанный выговор парткомом моторостроительного завода снят.

По окончании института в 1934 году призван в РККА. Имею звание военного инженера второго ранга. В течение пяти лет выполнял представительские обязанности на моторостроительном заводе, а в феврале 1940 года назначен его директором...»

Германа Васильевича Кожевникова за глаза называли двужилым. Он мог полдня пробыть в своем кабинете, потом посетить цеха, побывать в партийных органах, провести совещание, отправиться домой в восьмом, а то и в девятом часу вечера, а в полночь снова появиться на заводе, чтобы лично понаблюдать работу конвейера в это сонное время суток. И ничего, утром он бывал неизменно бодр и выглядел вполне отдохнувшим. Возраст, что ли, помогал выдерживать такую нагрузку? Тридцать четыре года было директору

Простившись за полночь с Архиповым, Герман Васильевич приветливо махнул ему рукой и проводил взглядом автомобиль, отъехавший от заводууправления. Теперь надо было основательно обдумать все то, что он услышал от Архипова, потому и решил отправиться домой пешком. Собственно говоря, его не только ввели в курс дела, но и познакомили с планом действий. На основе этого общего плана он намеревался прикинуть свой собственный, предусмотрев роль конкретных людей в конкретных обстоятельствах, осуществление разных мер производственного и иного порядка.

Итак, с однодневным визитом прибывает группа авиационных

специалистов из Германии. Официально цель их поездки — ознакомление с передовым в Советском Союзе моторостроительным заводом, который работает на всю авиацию. Следовательно, прием надлежит организовать так, как подобает в подобных случаях. Но это — официально. На самом же деле их задача — осмотреть опытное производство, где в ожидании государственных испытаний стоит «двухрядная звезда» Швецова. Уже самое наличие скрытой цели говорит об истинном лице прибывающих гостей. Тем не менее надо соблюсти внешние приличия, чтобы не вызвать эксцесса, и в то же время необходимо решительно перекрыть доступ к нашим секретам.

Именно так была оценена складывающаяся обстановка, когда Кожевников беседовал с Архиповым. Тот несколько раз повторил: «Бдительность и еще раз бдительность!». Сам собою напрашивался вывод: надо сделать все необходимое и возможное, чтобы не дать врагу осуществить свой замысел. Для этого придется...

Дома Кожевников взял чистый лист бумаги, разграфил его на три части и крупно надписал: «Первое. Второе. Третье». В одну графу он внес фамилию главного инженера, в другую — начальника производства, в третью — директора заводской фабрики-кухни. Именно от этих людей, по замыслу чекистов, зависел самый первый, подготовительный, этап операции.

Главный инженер завода Виктор Павлович Бутусов был фигурой колоритной — что внешностью своей, что биографией. Среднего роста, атлетического склада, чуть рыжеватый — это он получил приглашение Горького рассказать на страницах журнала «Наши достижения» о том, как «постепенно становился коммунистом, новым человеком»; это он стоял рядом со Сталиным на трибуне Мавзолея в скорбный час похорон Серго Орджоникидзе и от имени московской инженерии произнес слово прощания; это он выступал у памятника Пушкину в столетнюю годовщину смерти поэта; это он был членом правительственной комиссии по перелету Владимира Коккинаки из СССР в Северную Америку.

Бутусов родился на Средней Волге. Восемнадцатилетним деревенским парнем он добровольно записался в Красную Армию и в Конармии Буденного прошел всю гражданскую войну. В деда своего, что ли, полного георгиевского кавалера, пошел он храбростью? Молодой рубака был награжден почетным революционным оружием.

Потом была Москва. Работа и учеба, да еще забота о девяти братьях и сестрах, которых увез из голодающего Поволжья. Затем, в 1930-м, он стал коммунистом, еще через год получил диплом инженера. А еще через шесть лет его, уже видного специалиста авиационного моторостроения, награжденного орденом Красной Звезды, командировали в Соединенные Штаты Америки представителем СССР по закупке оборудования. Там он пробыл долгих три года. Правда, с кратковременными отлучками в Англию, Францию и Германию, где, как и в Америке, изучал моторостроительное производство.

В начале 1940 года Бутусов был отозван на Родину, а перед праздником Октября его вызвали в Кремль. Сталин, Ворошилов и Микоян приветливо встретили, поинтересовались здоровьем. Поскольку жалоб не последовало, то сразу и приступили к основному вопросу. Чем окончилась та беседа? Тем, что в ноябре Виктор Павлович принял обязанности главного инженера пермского завода.

Кожевников отлично знал одиссею Бутусова и сейчас, выйдя из-за своего стола ему навстречу, он с удовольствием пожал руку этому славному человеку. Главный инженер внушал ему уважение и симпатию.

Казалось, ничто не могло обескуражить Бутусова. Когда директор обрисовал ему положение дел, он помедлил самую малость и сказал:

— Бриллиантовая идея — помочь им просчитаться.

Кожевников усмехнулся: любимое выражение главинжа — бриллиантовая идея.

— Что вы имеете в виду? — поднял он брови.

— Возникли некоторые соображения, — ответил Бутусов. — Через час смогу аргументировать. — Он обеими ладонями разом при-

гладил волосы и взглянул вопросительно: — Не будем терять драгоценные минуты?

— Жду вас через час, — ответил Кожевников.

В назначенное время к директору явился начальник производства завода. Потом по вызову пришел заведующий заводской фабрикой-кухней.

Пассажирский поезд, в котором находились германские авиационные специалисты, следовал по расписанию.

Из окна третьего этажа Театральный сквер казался огромной гравюрой, исполненной вдохновения реалиста. Как-то по-особому ясно гляделись большие тополя, выстроившиеся вдоль аллей; у еще безжизненных цветников копошились рабочие «Горзеленстроя», колдуя над оттаивающей почвой; детвора на маленьких своих велосипедах и самокатах смело бороздила лужицы, сверкавшие на солнце. Покоем и добротой веяло от всего этого, хотелось долго и молча рассматривать медленный приход весны.

Стенные часы показали шестнадцать ноль-ноль, и все, кто был вызван на этот час к руководству управления, словно нехотя оторвались от окон и направились в кабинет. Лирический настрой уступил место деловой сосредоточенности. Совещание с участием оперативных работников началось.

Архипов, едва получил слово, сразу же приступил к делу. Он говорил не торопливо, но и не нарочито замедленно; взятый им темп позволял слушателям без напряжения следить за его мыслью, фиксировать внимание на цифрах и фактах, самое важное раскладывать на полочках собственной памяти.

Никто ничего не записывал. Ничто дважды не повторялось.

Раскрывая задачу, Архипов переводил взгляд с одного лица на другое.

Вот рослый и крепкий блондин Аркадий Павлович Корнилов. Только через год ему исполнится тридцать, а он уже по праву

считается опытным работником. Не зря приняли в партию. И чекистом он стал не по случаю: многое пережил-переживал. Только подумать: в родной своей деревне Поспелово, что против Набережных Челнов, был он торговым работником, потом стал слушателем бухгалтерской школы в Елабуге. В полном смысле слова бежал оттуда — наскучило; перебрался в Горький, чтобы получить специальность по душе, а душа-то и запросила чекистской работы. Возвратился в родные края, окончил школу ГПУ. С той поры и начал отсчитывать стаж.

А вот рядом Максим Васильевич Прадедович. Он чуть постарше Корнилова, но в партии уже почти десять лет. Рассудительный, неторопливый, основательный. За плечами у него и крестьянский труд, и культурно-просветительная, и милицейская, и комсомольская работа. Все это было в его родной Белоруссии. А восемнадцати лет от роду, в Сибири, стал он чекистом. Тюмень, Тобольск, Свердловск... Вот уже восемь лет работает в Перми, и как работает! Иногда кажется, что он старше, чем на самом деле. Должно быть, потому, что выработался у него этаким стиль — сначала все взвесить скрупулезно и лишь потом объявить свое мнение. Года еще не прошло, как наградили его знаком «Почетный чекист».

Или Иван Ликарионович Беляев. Он тоже чекист-ветеран — с 1929 года в органах. Начинать на границе, демобилизовавшись, вернулся в родную Пермь, пришел, как коммунист, в горком партии и заявил: «Располагайте мною». Куда девать чекиста? Его и направили в органы, что называется, по специальности. Превосходно работает! Что ни праздник — непременно получает благодарность в приказе.

Все эти люди и их товарищи, такие же, как и они, через какие-нибудь сутки с небольшим окажутся лицом к лицу с вышколенными разведчиками из фашистской Германии. Это будет поединок особого рода — без выстрелов и погони. В этом поединке главным будет хладнокровие и расчет.

— Итак, товарищи, прошу задавать вопросы, — сказал Архипов и повторил: — Прошу... Аркадий Павлович?

Корнилов поднялся, кивнул утвердительно:

— Да, имеется вопрос. Почему, собственно говоря, надо показывать им наш завод? В чем дело? С одной стороны, мы видим в них разведчиков, и правильно видим, а с другой стороны, все-таки даем возможность познакомиться с заводом, с его производством. Разумно ли это?

Вопрос Корнилова как бы ставил под сомнение правомерность всего того, о чем так основательно говорил тут Архипов. Эта прямота его покорила, он сорвался:

— Я смотрю, среди нас всего один разумный человек — товарищ Корнилов. А знаете ли вы, что это обдумывалось в Москве, у нас? Или для вас это несущественно?

С Архиповым случались подобные вспышки. Недаром в управлении говаривали: «Не будь на нем слоя грубости — цены бы ему не было». Корнилов же, как ни в чем не бывало, переждал этот срыв и повторил свой вопрос: следует ли вести фашистов в заводские цеха?

На сей раз Архипов, не повышая голоса, совершенно спокойно ответил:

— Будь моя воля, я бы, как и вы, не пустил их на завод. Но это вопрос большой политики. Ведь в прошлом году товарищ Швецов посетил их заводы. Повторяю: если мы ориентируем людей, чтобы они проявили высокую бдительность, то опасность будет сведена к нулю.

— Но позвольте, — взял слово Прадедович, — не скажете ведь вы им, как неразумным детям, «туда нельзя», когда они наострят лыжи в цеха опытного производства?

— А кто сказал, что данное производство имеется на данном заводе? — искусно выразил удивление Архипов.

Присутствующие облегченно засмеялись. Ну, коли так, тогда совсем другое дело.

Поднялся Беляев:

— С этим вопросом ясно. А где гарантия, что у кого-то из них, а быть может, и у всех, где-нибудь в пиджачных пуговицах не вмонтированы фотокамеры? Техника-то слава богу! Цейсс, надо думать, не спит.

— Надо думать! — весело подхватил Архипов. — Но и мы с вами не спим тоже. Необходимо сделать так, чтобы они не сфотографировали ничего неположенного, подчеркиваю, ни-че-го...

Других вопросов не было.

Разошлись в хорошем настроении.

Пассажирский поезд, в котором находились германские авиационные специалисты, прибывал по расписанию.

Гостей встретили на перроне вокзала и сразу же усадили в заводские легковушки. «Специалистов» было семеро да встречавших столько же, так что понадобилось пять автомобилей; один за другим они покинули привокзальную площадь.

Долгая дорога, казалось, не утомила гостей, они пожелали сразу отправиться на завод.

В заводууправлении им предложили умыться, перекусить, но они отказались, мол, как говорят у русских, время — деньги.

Ашенбреннер с неподдельным интересом разглядывал только что представленных заводских руководителей — рослого и чуть хмурого главного конструктора Швецова, властного и, похоже, напористого директора Кожевникова, добродушного и привлекательного главного инженера Бутусова.

«Обыкновенные люди, — думал он неторопливо, — у них своя жизнь, свой мир, и другого им не нужно. Если быть войне, их не одолеть...»

Он почувствовал на себе чужой взгляд, резко повернул голову и встретился глазами со своим спутником — бритоголовым анемичным человеком. Еще на Курском вокзале, когда вся группа собралась вместе, запоздавший сотрудник посольства сообщил, что сейчас явится последний, седьмой, член делегации, консультант по экономическим вопросам. И явился этот бритоголовый, с палкой орехового дерева. Очень скоро Ашенбреннер понял, что его приставили с определенной целью.

Встретившись с «консультантом» взглядом, Ашенбреннер принужденно улыбнулся, поднял руку и постучал ногтем по своим часам, мол, следовало бы поторопиться.

За проходной завода не было ни приветственных речей, ни цветов. Сопровождаемые Кожевниковым, Швецовым и группой главных специалистов, немцы проходили по цехам, цепко приглядываясь к самоновейшим станкам, придерживая шаг у готовых узлов на сборке двигателей воздушного охлаждения, задирали головы, оценивая высоту пролетов.

Что-то почти неуловимое выдавало в них военных людей: то ли четкость движений, то ли полное отсутствие интереса к тому, как работают люди, а может быть, и подчеркнутая сдержанность, которая выглядела чрезмерной для штатских. Во всяком случае, их отлично сшитые костюмы и одинаковые галстуки были прозрачной ширмой.

Гости не вступали с рабочими в разговоры, глядели как бы сквозь них. Рабочие, когда немцы задерживались у их станков, углублялись в свое дело, и только потом, когда те шли дальше, молча смотрели им вслед. Не очень-то было понятно, какая необходимость в том, чтобы немцы, наверняка фашисты, ходили по заводу, глазели, куда им заблагорассудится. Только присутствие Швецова и Кожевникова заставляло думать, что в этом нет ничего страшного, так надо.

В дальнейшем пролете сборочного цеха, почти на самом выходе из него, немцы вдруг сбавили шаг, а потом и вовсе остановились. Их внимание привлекли узлы и детали двигателей водяного охлаждения. Только что они наблюдали массовую сборку «воздушки», и вдруг — «водянка» в считанных экземплярах! Как же так? Следует ли полагать, что двигатели водяного охлаждения находятся в стадии освоения? И означает ли это, что радушные хозяева познакомили своих гостей с новейшей продукцией завода?

Швецов вспомнил, как еще несколько недель назад распорядился убрать узлы «водянки», присланные как образцы в преддверии предстоявшего их освоения. Кожевников тогда поморщился, но распоряджения главного конструктора не отменил. А Бутусов, присут-

ствовавший при этом, словно бы в шутку сказал: «Отдайте их мне, на память». Теперь ясно... Он и перебросил их сюда.

— Вы спрашиваете, — Аркадий Дмитриевич по-немецки повторил вопрос, — находятся ли двигатели водяного охлаждения в стадии освоения? Но, господа, во всех иных случаях мы бы вам показали готовые двигатели, а не узлы.

Кожевников, прослушав перевод, тут же подхватил:

— И следовательно, господа, вы получили счастливую возможность познакомиться с тем, чего мы пока еще не выпускаем, а только должны начать выпускать.

Немцы довольно переглянулись. «Консультант» улыбнулся главному конструктору, директору и двинулся дальше.

«Молодцы наши, хорошо поработали, — про себя усмехался Швецов. — Сообразили ведь сократить по «воздушке» задел! Попробуй теперь представить обычную загрузку — просто невозможно. Ну а что касается «водянки», выходит, и она сослужила нам службу. Гости-то всерьез приняли ее за нашу новую продукцию».

Немцы ходили по заводу без усталости, с энергией людей, которые знают, что самое интересное их ожидает в конце пути. Чувствовалось, что это «самое» не дает им покоя, из-за него они и отправились за тридевять земель от своего дома. Было видно, как угасает их деланное внимание к обыкновенным вещам. Сейчас могло произойти непредвиденное.

— В центральную лабораторию! — требовательно сказал «консультант», обращаясь к переводчику. Тот, мельком взглянув на директора, остановил всю группу и, обаятельно улыбаясь, объявил немцам: «Господа, программой не предусмотрено знакомство с центральной лабораторией завода, но, идя навстречу...

Все направились в лабораторию. Ашенбреннер молча шел рядом с «консультантом» и боковым зрением видел, как тот что-то на ходу переключивал из одного кармана в другой, то ли чего-то опасаясь, то ли к чему-то готовясь.

Кожевников, шагая со всей группой, озабоченно думал: «Они, конечно, рассчитывали на отказ. Не вышло. Куда же еще они теперь запросятся?»

«Если все кончится так, как задумано, на банкет не пойду. Устал. Да и с какой стати? — размышлял Швецов. — Пить с ними водку? Слуга покорный! В прошлом году там, в Германии, пришлось чокнуться с Мессершмиттом. Б-р-р-р, будто змею облобызал...»

В центральной лаборатории смотреть, а особенно рассматривать было нечего. Мерительный инструмент, электрическая аппаратура, микроскопы — все это выглядело обыденно и привычно. Добрую четверть помещения занимала мощная рентгеновская установка германского производства. Сейчас на ней работала группа заводских металлослов, и немцы, увидев это, похоже, забеспокоились, занервничали.

Бутусов еще вчера сказал: если они запросятся в ЦЛ, то меньше найдут, чем потеряют. Развивая свою мысль Кожевникову, он импровизировал: «Представляете? Гости входят в лабораторию, а там у нас на стенах (специально для наших заочников) развешены схемы русских дореволюционных авиадвигателей — вся родословная, воспроизведена по вузовскому учебнику. Уж будьте спокойны, гости не пройдут мимо. А куда поймут, что это секрет Полишинеля...»

Сейчас, когда вся группа вошла в центральную лабораторию, и, бросив взгляд на стену, увешанную схемами, немцы остановились, Кожевников подумал о Бутусове: «Ну и ну!» Словно по щучьему велению, они рассредоточились вдоль схем и стали пожирать глазами, наверняка и тайно фотографировать все эти «наглядные пособия».

Кожевников вздохнул с облегчением: «Ну, теперь, кажется, все». Ашенбреннер был ошеломлен. «Такая безмозглость! Выставить на всеобщее обозрение схемы... Неужели они так и не поняли, кто к ним пожаловал в гости?»

Осмотр лаборатории не занял и десятка минут. От посещения других цехов немцы отказались. Тут им и объявили, что подошло время прощального ужина.

В заводоуправлении всю группу ждал хорошо сервированный стол.

Из донесения начальнику оперативного отдела управления госбезопасности по Пермской области тов. Архипову:

«Из бесед с рабочими цеха сборки сложилась следующая картина.

Войдя в цех в сопровождении работников завода, немецкая группа вроде бы не проявила особого интереса к окружающему. На самом же деле у них, похоже, были распределены обязанности. Едва переступив порог, один из немцев стал незаметно считать количество пролетов, другой — прикидывать высоту цеха. Обратил на себя внимание бритоголовый с палкой; он редко на нее опирался, больше держал в руках в вертикальном положении, оберегал. Можно предположить, что в палке вмонтирована миниатюрная фотокамера.

Замешательство вызвали у немцев доставленные на сборку комплекты узлов и деталей для двигателей водяного охлаждения.

Попытки немцев отделиться от группы не были отмечены...

А. Корнилов».

Застолье уже продолжалось больше часа. Пожилой официант быстро убирал пустые блюда и графины, а его молодой коллега с той же быстротою ставил на стол новые закуски и вина. Гости никак не могли оторваться от прекрасных маринадов и солений, и потому все не утихал перезвон бокалов. Становилось душно. Над головами плыли клубы табачного дыма.

Ашенбреннер с аппетитом выпил водки, съел салат из свежих огурцов и помидоров, редкостных в апреле. Сидевший рядом Кожевников предложил хорошую папиросу, шелкнул зажигалкой. Хотелось тишины, чтобы осмыслить этот уходящий день, самому себе ответить на важные вопросы. Ведь если подходить формально, то он, Генрих Ашенбреннер, главная персона среди присутствующих здесь соотечественников. Как-никак, один из атташе посольства, полковник. Почему же это его не греет? Почему хочется ему быть незаметнее? Не потому ли, что приставили «консультанта»? Как все сложно и противоречиво! И как неотвратима власть тех сил, кото-

рые решили его сломить перед отъездом в этот далекий город. Как-то теперь сложится жизнь? Если начнется война...

Он встретился взглядом с «консультантом», уловил молнии в его глазах и, взяв в руки бокал, сам поднялся. Все притихли, как приличествует в ожидании тоста, а Ашенбреннер, помедлив самую малость, неожиданно воскликнул:

— Prosit!

— На здоровье! — эхом откликнулся переводчик.

Теперь Ашенбреннер избегал взгляда «консультанта».

Как нередко бывает в застолье, Кожевников, не произнесший и десятка слов, вдруг оказался в центре внимания. Привлекло его имя.

— Русский Герман? Немецкий Герман! — выкрикивал один из гостей. — Кто есть кто?

«Консультант» учтиво наклонился в сторону Германа Васильевича:

— Не из немцев?

— Должен огорчить: из русских, — ответил директор.

Заводские рассмеялись и даже два-три раза хлопнули в ладоши.

Наполнив свой бокал, «консультант» поднялся с места, каким-то офицерским жестом оправил на себе пиджак:

— Господа, в этот прощальный час хочется со всей искренностью сказать: мы не жалеем, что отправились в такой далекий путь. Скажу больше: мы довольны встречей с вами, нас порадовало все то, что вы откровенно нам показали. Предлагаю этот тост за здоровье нашего дорогого фюрера и верного друга России Адольфа Гитлера! Хайль!

Четверо из делегации, носившие значки со свастикой, в один голос рывкнули «хайль». В этот самый миг погасла люстра, и все погрузилось в темноту. Тост был сорван.

Когда через минуту снова засияли лампы, официанты внесли на огромном блюде жареного поросенка. Внимание было переключено. Снова послышался перезвон бокалов.

«Как теперь сложится жизнь? — ухватился за прерванную мысль

Ашенбреннер. — В Берлин пойдет донесение, меня отзовут, а там... Правда, если начнется война, им будет не до того. Хоть бы началась война! А может, выкинуть сейчас что-нибудь такое, что бы изумило «консультанта»... Но что? Что?»

Он почувствовал внезапно, как что-то больно уперлось ему в бок, увидев палку «консультанта», поднял глаза на него самого и, следя за его взглядом, заметил, что Кожевников выбирается из-за стола. Ашенбреннер тоже поднялся со своего места и попросил у директора завода папиросу.

— Я как раз за папиросами, — виновато ответил Кожевников, — к себе в кабинет, сейчас вернусь.

Он отворил дверь и вышел в коридор. Тут же за ним вышел Ашенбреннер.

Делать было нечего, Кожевников ключом открыл свой кабинет, у порога нашарил выключатель и пропустил вперед гостя. Не предлагая ему сесть, он достал из шкафа новую пачку папирос, что-то походя переставил на письменном столе и вдруг сообразил, что не видит новый телефонный справочник, городской, вышедший из печати только на днях.

От Ашенбреннера не ускользнуло замешательство Кожевникова, и он, как бы подчеркивая свое спокойствие, заложил руки за спину. И выдал себя. Левый карман пиджака сразу принял форму выпуклого прямоугольника.

— Прошу, — жестом пригласил Кожевников к дверям Ашенбреннера.

Часа полтора еще длилось застолье. Немцы пили и ели с такой старательностью, словно получали за это сдельную оплату. Заводские не удивлялись, они знали, что в Германии введена карточная система; даже их гостям, занимавшим у себя дома определенное положение, видимо, пришлось познакомиться с жесткими ограничениями. Что ж, пусть едят, не жалко! Ведь не тот друг, кому кусок даешь, а тот, кого второй раз накормишь.

«Консультант» встал и остальные немцы встали. Переводчик пригласил их следовать за ним, к подъезду заводоуправления, куда уже подали автомобили, чтобы отправляться на вокзал.

На перроне не было ни приветственных речей, ни цветов.
Поезд ушел по расписанию.

Проводив последнюю машину, Кожевников поднялся к себе в кабинет, включил верхний свет, сел к столу.

Осторожно постучав в дверь, вошла уборщица, протянула ему телефонный справочник — в банкетном зале нашла, на полу.

Кожевников взял справочник, машинально раскрыл его, затем закрыл, положил перед собою. «Выронил он его с пьяных глаз или нарочно бросил? Теперь это уже никогда не узнать».

Было около полуночи. Кожевников по телефону связался с Гусаровым. Несмотря на поздний час, первый секретарь обкома был на месте.

— Ну, как? — спросил он у директора завода.

— Нормально, — ответил Герман Васильевич.

— Завтра побеседуем, — по-деловому сказал Николай Иванович. — Пища для размышлений есть? Это хорошо, что есть. С «двухрядной звездой» просматривается сдвиг, так что предстоит очень много работы. Устал, говоришь? Не имеешь права, коммунист Кожевников, дорогой мой товарищ. Ну, тороплюсь, до завтра!

Герман Васильевич положил трубку, расслабился в кресле, прикрыл глаза. Напряжение дня ушло, и сразу услышал он могучие гулы испытательной станции. Живет завод, работает! Теперь уже не за горами тот день, когда во весь голос заговорят о «двухрядной звезде», пройдут ее государственные испытания и, наконец-то, заводской коллектив «распечатает» серию. Большое будущее у этого двигателя! Ему жить, работать, воевать...

Архипов вышел из управления глубокой ночью. Он пересек трамвайную линию, остановился и вдруг решил, что пойдет домой не привычным кратчайшим путем, а круговую, по центральным улицам. Было прохладно. Напористый ветер из-за Камы забирался под шинель, заставлял ускорить шаг.

Улица Ленина в этот час была безлюдна. Город спал крепким предутренним сном. Еще не скоро прогремывает первый трамвай, не скоро начнут развозить свежую выпечку по хлебным лавкам. Пусть себе спит город. И ему тоже хочется спать. Очень хочется спать...

Словно во сне появился перед ним вышедший из машины Гусаров.

— Знаю, знаю, — опередил он Архипова. — Сообщили ваши товарищи. Молодцы, чекисты!

— Я с работы, домой, отдохнуть, — устало сказал Архипов.

— А я уже отдохнул — и на работу, — бодро отозвался Гусаров. — Ну, тороплюсь. Желая успехов!

И они расстались.

А в девять ноль-ноль в служебный кабинет начальника оперативного отдела один за другим вошли Корнилов, Прадедович, Беляев и другие чекисты, участвовавшие в событиях минувшего дня. Архипов, подперев рукою подбородок, молча смотрел на товарищей, которые шумно рассаживались по своим обычным местам. Когда воцарилась тишина, он энергично встал, словно стряхнув с себя усталость, и, без надобности постучав карандашом по настольному стеклу, сказал:

— Здравствуйте, дорогие товарищи чекисты.

За этим необычным для него обращением было скрыто волнение, которое не вязалось с присущей ему вспыльчивостью, и всех, кто сейчас находился в кабинете, охватило доброе чувство к этому человеку.

Годы совместной работы сблизили, и чекисты без труда понимали истинный смысл взглядов и интонаций друг друга. Обращение начальника отдела означало многое: и удовлетворение выполненной работой, и благодарность за умелые действия, и как бы уверенность в том, что и дальше они будут все вместе.

— Закуривайте, — против обыкновения предложил Глеб Георгиевич. Но никто не закурил. Он улыбнулся, положил на место карандаш и сел. И сразу в кабинет вернулась обычная обстановка деловой строгости.

— Подведем итоги, — сказал Архипов, и все приготовились слушать. — Прежде всего отмечу, что операция проведена успешно. Фашистские разведчики так и не получили доступа к «двухрядной звезде». Это стало возможным исключительно благодаря четким и умелым действиям нашей оперативной группы, а также высокой бдительности и конкретной помощи работников моторостроительного завода. Еще и еще раз мы убеждаемся: сила чекистов в их прочной связи с народом...

Совещание было долгим. Разошлись в тринадцать ноль-ноль.

Через полтора месяца «двухрядная звезда» прошла государственные испытания.

Еще через месяц началась война.

В долгие военные годы не было, наверное, такой минуты, когда бы над огромным фронтом не грохотали боевые машины со знаменитым пермским мотором.

Хорошо, что еще тогда, в апреле сорок первого года, чекисты и моторостроители не допустили врага к «двухрядной звезде».

Портрет неизвестного

Старика с осанистой смолистой бородой, лопатой свешивающейся чуть ли не до пояса, Трубицин приметил сразу. Было в нем неуловимое сходство с фотокопией портрета, лежащей у него в кармане. К тому же старик пугливо обернулся, словно почувствовал настороженный взгляд, после чего в движениях появилась скованность.

С полчаса Трубицин наблюдал за стариком, стараясь не упустить в толчее рынка. Все это время он вспоминал детали портрета и примерял их к незнакомцу. Было ощущение какой-то раздвоенности: в профиль сходство не вызвало сомнений, а вот когда он сопоставлял посадку глаз, носа, вспоминал огромный сократовский лоб изображенного на портрете, эта иллюзия рушилась.

Старик между тем, изрядно потолкавшись у столов, ломившихся от ранних огурцов, помидоров и прочей овощной снеди, тихонечко протопал к ларьку, где продавали головные уборы. Попросил у продавщицы черную кепку с лакированным козырьком и стал неторопливо ее рассматривать. Потом, сняв свой затасканный картуз неопределенного цвета, примерил ее. Чем-то кепка ему не подошла, старик вернул ее продавщице и двинулся дальше.

Трубицин ринулся к киоску и попросил запримеченную кепку. Размер ее был пятьдесят шестой. Все стало ясно, словно внезапно рассеялся туман. Такой детский блин на огромную голову человека с фотографии не натянешь.

Можно было ругать себя за напрасно потерянное время. Можно осуждать за подозрительность, которая появилась у него по отношению к людям, имеющим черные окладистые бороды, или посмеяться над горячностью, с какой он бросился выслеживать старика... В принципе это уже не имело никакого значения. День отмерял свои часы, и, хотя он поколесил по городу немало, успехи были на нулевой отметке. Ну что ж, теперь путь его лежал в Мотовилиху.

...Трамвая, как назло, долго не было. Трубицин нервничал. И без того он считал поездку напрасной, а тут еще полчаса на ожидание. Подобные минуты всегда были для него самыми тягостными: в четко настроенном ритме дня они — провал, пустота. Даже думать о чем-то конкретном в это время не хочется.

Он чувствовал себя в положении шахматиста, добившегося значительного перевеса в партии, но не знающего, как его реализовать. Позиция выглядит настолько подавляющей, что сопернику полагалось бы, не тратя времени на бесполезную борьбу, сдаться. А тот выжидает, просит сделать ход. И выясняется, что немедленного выигрыша нет, надо играть очень тонко и точно, чтобы не дать противнику ни малейших шансов. Время идет, а дело не движется, и в душе уже поселилось беспокойство. А где беспокойство — там сомнения, неуверенность, с которыми так трудно идти к победе...

Наконец люди на остановке зашевелились, и он тоже увидел выплывающие из-за поворота желто-красные вагоны. В душевном состоянии сразу наступил перелом. А когда в окне замелькали серые крыши разнокалиберных построек Разгуляя, он почти совсем успокоился. Движение — это тоже деятельность, и деятельность активная. Оно с каждой минутой приближает к намеченной цели, к тому самому моменту, когда станет ясно, нашел ли он точный ход.

Если говорить о «партии» в целом, то провел он ее убедительно, без существенных ошибок. Ну, поправлял его несколько раз начальник отделения, давал советы. Но вообще-то все замыслы противника он разгадал, никаких шансов выкрутиться Сергееву и его компании не оставил. Обвиняемые полностью признали свою вину. Все

ясно, так есть ли смысл еще тянуть, тратить время и силы? Это теперь-то, когда каждый день полон тревогами войны.

Трубицин вновь и вновь возвращался к вчерашнему разговору с начальником отделения. Шел он к нему в кабинет с надеждой получить новое задание, поскольку полагал, что расследование деятельности этой «русско-славянской национальной гвардии» закончено. Состав созданной Сергеевым организации фашистского толка выявлен, наиболее активные члены ее арестованы, по их делам, замыслам вопросов нет. Он так и заявил лейтенанту государственной безопасности, что для него самое время браться за другие дела.

Леонид Филиппович Аликин не спешил с ответом. Он закурил, стал прохаживаться по кабинету. Чувствовалось, что его мучают какие-то сомнения. Потом остановился у окна, раздвинул шторы, чтобы взглянуть на огни вечернего города. Заговорил совсем не о том, о чем думал Трубицин.

— Ты, Василий Матвеевич, не забыл, в какое время мы работаем? Война. Страшная война, не на жизнь, а на смерть... И в мирные дни деятельность такой компании обратила бы на себя самое пристальное внимание. Революция и контрреволюция по-мирному разойтись не могут. А тут — в условиях войны сознательный сговор, вербовка лиц, настроенных враждебно к Советской власти. Да это же организованная подготовка предателей, которые как манну небесную ждут прихода фашистов. Не верится мне, что во всем этом деле не было чьей-то опытной руки.

Чья-то рука... Не слишком ли часто она нам мерещится? Трубицин уже готов был возразить, но сдержался. Было и у него ощущение того, что мерки работы в условиях военного времени изменились. Понимал, что не только быстрее, но и глубже надо делать свое дело.

Аликин вернулся к столу и принялся листать материалы дела.

— Да, компанию подобрал себе Сергеев! Сам он из ставропольских кулаков, осужден был на пять лет за антисоветские действия. Его первый помощник Булько тоже отсидел три года. С ними же поручик царской армии, еще трое из раскулаченных. У каждого из них в прошлом какой-то конфликт с Советской властью.

Лейтенант нашел нужную страницу, положил закладку, потом еще одну и только тогда поднял голову.

— Что вы думаете, Василий Матвеевич, по поводу фотографий, найденных у Сергеева и Булько?

— Я обратил внимание на них, товарищ лейтенант. Сергеев говорит, что нашел фотографию в книге, взятой в библиотеке, и оставил у себя как закладку. Кто на ней запечатлен — не знает, но ему понравилось мужественное лицо, особенно — борода, действительно осанистая, даже величественная. Дескать, характерный русский тип. А вот объяснение Булько менее вразумительно: мол, наверное, из фотографий квартирной хозяйки, у нее они разбросаны повсюду. Кто на фотографии — понятия не имеет. Обнаружена в ящике письменного стола вместе с прочими бумагами. Я подумал было, что этого человека они ждут, но потом от данной версии отказался: не вписывается она в правила конспирации.

— Проверяли их показания?

— Да, конечно. Квартирная хозяйка Булько пожимает плечами: вполне возможно. Ее покойный муж не то чтобы коллекционировал, а интересовался фотографиями артистов, писателей, военачальников. Был и в библиотеке. Сергеев брал в основном «шпионские» романы и несколько книг о Германии. С теми, кто пользовался книгами до него, я встречался. Никто фотографию не признал своєю.

Немного помолчав, Трубицин добавил:

— Элемент случайности находки я допускаю. У меня однажды такое же было, когда учился на курсах. Взял книгу в библиотеке, а в ней оказалась трешка. Пытался найти владельца денег, в библиотеку заявил. Меня только осмеяли.

— Осмеяли, говоришь? — Аликин улыбнулся.

Он был значительно старше, уже располнел, что позволяло предположить не очень нормальную работу сердца. От бессонных ночей в последние дни под глазами появились темные круги. Вторую неделю все в управлении жили сообщениями Совинформбюро. Не стало в коридорах веселых разговоров, которые заводили курьезы. Даже в столовой чувствовалась тревожная тишина. Каж-

дый торопился поскорее покончить с обедом и бежал по делам. Именно бежал. Раньше ходили неторопливо, даже вызов к начальству воспринимался как обычное дело. Теперь же в этих случаях думалось: а что означает вызов? Не предстоит ли работа, связанная с новой обстановкой? Многие работники управления подали рапорты с просьбой направить на фронт. Прошел только десяток дней, а уже стало заметным, как редеют отделения. Без торжественных проводов (а застолья по такому поводу вообще считались противоестественными) люди уезжали. Буднично, просто, словно в дальнюю служебную командировку.

Улыбка Аликина словно расковала Трубицина. Спало напряжение, он почувствовал в деловом разговоре ноту откровенности. Недолго он здесь работает, а уже понял, что и характер доклада и обсуждение существа дела зависят от многих обстоятельств. Порой требуется только официально доложить. И получить официальный ответ. А иногда суть вопроса такова, что требуется вместе подумать, обсудить всевозможные варианты дальнейших действий.

— Вот что я скажу тебе, Василий Матвеевич. Не по душе мне заканчивать дела, в которых есть вопросы без ответа. Вроде бы и случайны эти фотографии, а вроде бы и нет. Воспользуемся услугами геометрии. Есть два факта: и у Сергеева и у Булько обнаружены две одинаковые фотографии бородатого человека. Две точки. Через них уже можно провести линию. А линия должна куда-то вести. Куда? Это интуиция, основанная на опыте, на диалектическом подходе к фактам. Я не исключаю элемента случайности, но только тогда, когда это будет доказано.

— А что, разве есть основания сомневаться?

— Пока не знаю. Эти фотографии я направлял экспертам, и вот что они сказали: фотографии идентичны, значит, оригинал один. К тому же это репродукции с печатного портрета. И это обстоятельство не упрощает, а усложняет значение вопроса.

— Почему же, — усомнился Трубицин, — теперь ясно, что не следует иметь в виду какое-то конкретное лицо, которое может быть связано с этой организацией. Портрет имеет чисто символическое значение.

— Я тоже так думаю. Но какое? — Не дождавшись ответа, Аликин уже тоном распоряжения сказал: — Надо выяснить, где сделаны репродукции, кем, по какому поводу. И вообще — кто изображен на снимке? У меня такое впечатление, что это лицо мне знакомо, когда-то оно попадалось мне на глаза. Обойдите все фотографии города и попытайтесь выяснить все, что можно.

Этим Трубицин и занимается сегодня целый день. Побывал, по сути, во всех уголках города. Фотомастера внимательно смотрят на портрет, рассматривают со всех сторон, а потом возвращают, пожимая плечами. Не верить им нельзя: каждый дело знает, свой почерк установит по мельчайшим деталям.

И вот осталась еще одна фотомастерская — в Мотовилихе.

Старый фотограф удивил его: только взял в руки портрет и сразу заявил:

— Помню, моя работа.

Рассказал он следующее. Минувшей осенью он получил заказ сделать две репродукции с книжной фотографии. Заказ делал учитель истории: в школе готовили какую-то выставку. Он еще предлагал увеличить снимок, но клиент воспротивился, сказав, что все фотографии на витрине должны быть одного размера. Под портретом была указана фамилия, но он забыл ее. Что делать, память сдавать стала. Но личность, уверял он, известная, героическая. Если же что касается города, Мотовилихи — тогда другое дело. Здесь он многих известных людей знает, имеет массу фотодокументов.

Корешок квитанции фотограф нашел быстро. Клиент значился под фамилией Сергеев.

На обратном пути Трубицин обдумывал план дальнейших действий. Появилась масса вопросов, требующих ответа. Сергееву нужны были две фоторепродукции, и получить их он решил не в ближайшей мастерской, а довольно далеко от района, где жил. Он сказал, что фоторепродукция нужна для выставки исторических личностей — это по идее забота учителя истории, между тем его предмет — физика. Без сомнения, он и Булько знали, чей это портрет, но утаили от следствия. Почему это имело для них столь существенное значение?

В этих раздумьях он с трамвайной остановки дошел до управления и вдруг остановился. Конечно, приятно доложить о находках, проливающих свет. Но он представил своего начальника, внимательно слушающего информацию, затем размышляющего над нею. Спокойно, деловито, вроде бы соглашаясь со всем, о чем ему доложили. Потом, когда кажется все в порядке и промахов не допущено, он задает простенький вопрос. Сколько раз в подобной ситуации, когда казалось, что все сделано отменно и не к чему придраться, этот вопрос ставил в тупик даже опытных оперативных работников. Что же говорить о нем, Трубицине, не проработавшем в управлении и года?

Сейчас до него дошло, что, выслушав информацию, одобрив его действия, порассуждав о пользе сомнений, Аликин спросит: «А кто все же на фотографии?»

Посмотрев на свою работу как бы со стороны, Трубицин уже не нашел ее безупречной. Первый вопрос о фотографии он задал Сергееву лишь на третий день, а его помощнику Булько — даже позже. Дал им время опомниться, продумать линию поведения. Сейчас, зная, что они на допросах были не искренни и такое поведение имело какой-то смысл, он досадовал на себя.

...Появилась компания Сергеева в поле зрения чекистов в какой-то мере случайно, хотя эту случайность в определенном смысле можно считать закономерностью. В органы поступило письмо, автор которого утверждал, что точно знает: есть люди, организация, в которой каждый, появившись сегодня Колчак на Урале, побежал бы к нему с великой радостью.

Эту информацию поручили проверить. Автор письма добавил к сказанному очень немного. Все у него было по пьяному делу, толком ничего не помнит. Но утверждает: его пытались вербовать. Почему обратили внимание на него, объясняет тем, что однажды, обозленный жизненной неудачей, он, изрядно выпив, в сильных выражениях поносил некоторых должностных лиц. Кто-то, слышавший это, воспринял его ругань как недовольство Советской властью. Потом с кем-то он еще пил, но уже в другом месте. Тот человек, назвавшийся Иваном Васильевичем, встретил его еще раз и снова

говорил о том, что есть люди, которые могут помочь ему поспешить с кем надо.

Прошло немало дней, пока Трубицин разыскал этого Ивана Васильевича, оказавшегося вовсе Василием Ивановичем, мастером по ремонту велосипедов. Дальше пошло быстрее — ниточка потянулась, и клубок распутывали уже целой группой, специально созданной по этому делу.

...Почему он повернул в сторону педагогического института, Трубицин сам не знал. Где-то на полпути спохватился. Ах да, надо скорее выяснить, чей это портрет, и помочь может доцент Жирнов, с которым он был немножко знаком. Сейчас у него было такое предчувствие, что, узнав это, он поймет всю задачу.

День уже клонился к вечеру, но было еще жарко. Он снял пиджак, бросил его на руку и почувствовал себя бодрее. В учреждениях заканчивали работу, и поток пешеходов на улице усилился. В сторону Красных казарм маршировала колонна призывников. С вещевыми мешками, сумками мужчины шагали за молоденьким сержантом, не очень заботясь о строе. Безусых парней среди них почти не было. «Запасники», — подумал Трубицин.

На какой-то миг ему показалось, что он тоже шагает в рядах этой колонны, что у него в руках дорожные пожитки. Но нет, пока он только рядом, пока ему только по пути...

В институте было тихо, и он вспомнил, что сейчас время сессии, да и та должна уже заканчиваться, но об этом он сразу не подумал, и теперь оставалось одно — надеяться, что по какому-то случаю Жирнов окажется на кафедре.

Можно сказать, Трубицину повезло. Доцент проводил консультацию для студентов-заочников. Полчасика Трубицин побродил по коридорам, не отходя далеко от нужной аудитории, и наконец дождался, когда дверь распахнулась и разноголосый шум возвестил о завершении занятия.

Для доцента загадка оказалась простой. Он поднес фотографию к окну, внимательно осмотрел и повернулся к Трубицину:

— Это Бакунин, Михаил Александрович. Апостол русского анархизма. Портрет довольно известный.

На кафедре он порылся в шкафу с книгами и в одной из них нашел точно такой же портрет.

— Личность героическая, но во многом противоречивая. Чтобы понять его место в русской истории, истории рабочего движения вообще, лучше всего почитать статьи классиков марксизма-ленинизма. — Он назвал несколько работ.

Доцент почувствовал замешательство молодого чекиста. Понимая, что тот не сможет поделиться с ним своими заботами, не стал расспрашивать, а перевел разговор на другие рельсы. На прощание пригласил заходить — если нужна будет помощь, с удовольствием окажет ее.

— Вот мы и узнали, кому принадлежит роскошная борода, — размышлял вслух Аликин, прохаживаясь по кабинету. — Но проще от этого вопрос не стал. Имеет ли «русско-славянская национальная гвардия» какое-то отношение к Бакунину, может, само название взято из его сочинений? Вряд ли. Анархизм и национализм имеют точки соприкосновения, но все-таки это далекие друг от друга течения. Одно ставит своей целью разрушение всякой государственности, у другого — во главе угла превосходство одной нации над другой, причем закрепленное государственными актами. А Сергеев ярый националист. Обратите внимание: в первом варианте написанного им «устава» ставилось условие — в организацию принимаются только русские. Булько настоял отказаться от этого: моя, зачем ограничивать круг полезных людей.

— Но, Леонид Филиппович, у меня не сложилось впечатления, что эти заговорщики — интеллектуалы, что они сильны в теоретических вопросах, — возразил Трубицин. — Только у Сергеева высшее образование. Довольно заурядные люди. А уж идеи — какое там! Что анархизм, что национализм — им все равно, просто глохнет ненависть к Советской власти, а куда эту ненависть обратить — не имеет значения. Один тоскует по тем временам, когда его отец всей деревней командовал, другому — пару магазинов своих иметь охота. Вот и вся программа.

— Не все так просто, Василий Матвеевич! Тысячи людей из так называемых бывших сердцем приняли Советскую власть, и ни-

какими силами не повернешь их теперь против нее. А у этих что? Этим почудилась надежда на успех. В связи с чем, долго гадать не надо, над Европой замаячила тень фашизма. Но и тут есть вопрос: зашевелились они полгода назад — сами сообразили или кто надоумил, что нашему народу войны с ним не избежать? И игра в идейные разногласия в этом плане имеет свой смысл. Для них, оказывается, не все равно — банда это или контрреволюционная организация. Ты обратил внимание, что, испытывая затруднения в средствах, Сергеев так и не решился на ограбление инкассаторов, хотя Булько и настаивал на этом неоднократно. Понимал Сергеев, что на бандитизме далеко не уедешь.

— Но деньгами-то они рассчитывали в ближайшее время обзавестись. Не для красного же словца Сергеев обещал. Значит, надеялся на что-то.

— Вот это обстоятельство и интересует меня с самого начала. В бумагах Сергеева обнаружены сделанные от руки схемы двух наших оборонных заводов. С одной стороны — иллюзия идейной борьбы, выработка программы и устава. С другой — шпионская направленность практической деятельности. Эти схемы — явно товар, ждущий своего покупателя.

В это время зазвонил телефон: Аликина вызывал начальник управления. Трубицин пошел к себе, достал из сейфа дело и начал его просматривать. Все вроде бы знакомо в этих бумагах до строчки, до слова. Но состоявшаяся беседа подтолкнула как бы заново осмыслить известные факты. Странные у них с Аликиным разговоры. Полагалось бы оперативному работнику доложить, начальнику отделения либо одобрить действия, либо принять свое решение и дать соответствующие указания. А они начинают рассуждать, причем часто отвлекаясь и далеко уходя от конкретного вопроса. Каждый раз Аликин как бы предлагает подняться над конкретными фактами, осмыслить их, найти скрытое звено. Трубицин понимал, что старший товарищ учит его, натаскивает в буквальном смысле этого слова. В самом деле, что он знает о чекистской работе? Год учился на курсах, но там познал только азбуку. До этого — горнометаллургический техникум да два года работы на производстве.

Был мастером, затем начальником электроцеха на заводе. После курсов направили сюда, в областное управление. Еще года не работает, и вот первое серьезное дело.

Сначала такие беседы вызвали у него чувство досады. Как гончая, напавшая на след, он рвался в погоню. Ему бы схватиться врукопашную, проверить в деле приемы самбо, которые неплохо изучил на курсах, — на соревнованиях, проходивших там, он неизменно был в числе первых. А его то и дело сдерживают: не спеши, обдумай все как следует, в нашем деле не должно быть промашки.

Промашки... А кто знает, как их избежать? Вот и сейчас он снова просматривает протоколы допросов Сергеева и Булько, пытаясь убедить себя в том, что не прошел мимо важного, существенного. Да нет, кажется, все рассмотрено обстоятельно, ответы детальные, сомнений не вызывают. Разумеется, и тот и другой говорили только о том, о чем их спрашивали. Они понимали, что отрицать очевидное неразумно. Но и откровенности настоящей ждать от них нечего: и без того вина велика, чтобы ее усугублять.

Отложив папки, он стал размышлять, мысленно как бы накладывая разговор с Аликиным на конкретные факты. Почему он досконально не выяснил, где и когда Сергеев и Булько спелись, откуда повилась их веревочка? Оба не отрицали, что знакомство у них состоялось в «местах отдаленных», где оба отбывали наказание по приговору суда. Несколько месяцев работали в одной бригаде на строительстве канала. Обоим там даны положительные характеристики: работали хорошо, отличались примерным поведением. Именно это и послужило основанием досрочного освобождения. Так... А нет ли здесь чего-то такого, в чем можно было бы усомниться? Трубицин улыбнулся, вспомнив, что Аликин в подобных случаях поправлял его: не усомниться, а проверить. Сомневаться — значит подозревать, а от этого уже недалеко до того, что человеку можно приписать действия, которые существуют только в воображении.

Ну, что ж, товарищ лейтенант государственной безопасности, давайте проверим. Трубицин быстро набросал текст телефонограммы, уточнил по документам адрес. Хотел было уже направиться к начальнику отделения, но подумал, что его, вероятно, еще нет у

себя. Снова стал листать дело, пытаясь найти детали или факты, которые остались непроверенными. Так... Булько освободился на полгода раньше, уехал в Свердловск, устроился на работу физруком школы, но уволился, не дожидаясь конца учебного года. Ну и что особенного в этом? А все-таки почему он так быстро убрался оттуда? Почему из Свердловска приехал в Пермь? Нет ли здесь какой-то связи с Сергеевым? Может быть, проверить? И сел писать новую телефонограмму.

Аликин прочитал запросы и без комментариев подписал их. Его необычная молчаливость удивила Трубицина, и он спросил:

— Появились новые дела?

— Да, забот сильно прибавилось. Обстановку сам понимаешь. К тебе одна просьба: скорее. Это даже не столько моя просьба, сколько начальника управления.

Он не стал рассказывать Трубицину, что только что выдержал за него самый настоящий бой. Начальник управления без обиняков выразил неудовольствие, что они тянут с этой «национальной гвардией». «Все ясно там с нашей стороны, пусть остальным занимается следствие». Его можно было понять: решение новых задач потребовало людей в два-три раза больше, чем имелось в поредевших подразделениях. Каждый человек был на вес золота. Все работали, не зная ни дня, ни ночи, и тем не менее не успевали.

— Все-таки давайте дадим Трубицину еще несколько дней, — обратился Аликин к начальнику управления. — По-моему, он вышел на связь этой организации с немецкой разведкой.

— Какие факты?

Выслушав соображения Аликина, начальник управления некоторое время думал.

— Ладно. Решение откладываю до завтра. Сегодня позвоню в наркомат и поинтересуюсь их мнением. Может быть, есть аналоги использования фотোগрафий.

Завтра... А до этого завтра оставалось несколько часов. Много ли успеешь сделать! Он взглянул на Трубицина — лицо потемнело, осунулось, но держался парень бодро.

— Дома был сегодня?

— Успею еще к ужину, товарищ лейтенант.

— Боюсь, что уже не успел. Позвони матери, успокой, чтобы не волновалась.

— Да она же все понимает.

— Я в этом не сомневаюсь. Но теперь мало кто спокойно спит, и дополнительного повода для этого давать не надо. А тебе еще предстоит поработать. К утру у нас должен быть четкий ответ на вопрос о том, имеется ли идейная связь между Бакуниным и возникновением этой «гвардии». О книгах соответствующих позабылся?

— Захватил парочку в пединституте — его сочинения, да в нашей библиотеке взял несколько томов.

— Ладно. Пролитай их так, словно завтра сдавать государственный экзамен. Не забыл, как это делается?

— Да что вы, товарищ лейтенант.

Трубицин уже давно обратил внимание на манеру своего начальника. Когда речь идет о делах служебных, он всегда обращается к своим подчиненным на «вы». Как только дело касается забот житейских, личных, с официального языка он переходит на товарищеский, в котором решающее значение играют не звания, а возраст, и тогда подчиненному он может сказать «ты», однако облечь это такой интонацией, что это звучит как отеческое напутствие или родительская ворчливость. И воспринимается такое не как указание, а как доброжелательное слово, как человеческая просьба. Мол, извини, что прошу сверх положенного, не имею права тебе приказать, но иначе нельзя.

— Да вот еще что, Василий Матвеевич! Возьми-ка эту книжицу. Здесь есть изложение программы и устава партии нацистов. Сличи с «творчеством» Сергеева. Сдается мне, что здесь найдется немало общего.

Уже в дверях он остановил Трубицина:

— Телефонogramмы отправь немедленно. — Помолчав, добавил: — Давно нам полагалось это сделать...

Идя по коридору, Трубицин думал: упрек это или служебное замечание? Правда, сказано было это мимоходом, без какого-либо

комментария. Можно было понять это и как обращение к самому себе. Нам... Понятно, что сейчас все надо делать быстрее, энергичнее. Пришло время не щадить себя в работе. Выходит, и думать надо быстрее, и до своих промашек доходить...

Возникшее чувство досады вначале мешало сосредоточиться, но потом, перелистывая страницу за страницей, отрешился от этих беспокойных мыслей — полная невзгод и волнений жизнь Бакунина увлекла его. Судьба этого человека не могла не взволновать. Был в ней и тюрьмы и ссылки, жаркие бои на баррикадах Праги и Дрездена, долгая дружба с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Ему посвятили немало своих работ К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин. Революционер, непримиримый противник самодержавия и вместе с тем — один из создателей мелкобуржуазной утопической теории анархизма — таков Михаил Александрович Бакунин, весьма сложная и противоречивая фигура.

Трубицин уже давно понял, что бакунизм, как мирозерцание, по словам В. И. Ленина, отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа, никак не повлиял на идейные позиции Сергеева. И время не то, и цели другие. Но, начав просматривать письма А. И. Герцена «К старому товарищу», он не смог от них оторваться. Признаться, в свое время даже не стал вчитываться. Сейчас его интерес к письмам был подогрет желанием как можно больше знать о Бакунине. Когда же есть определенная целевая задача, то отношение к подобному чтению, безусловно, меняется. А потом он открыл «Исповедь» М. А. Бакунина. В буквальном смысле открыл для себя. Написанная в Петропавловской крепости, она была покаянием бывшего революционера перед царем. Тот, кто когда-то провозглашал, что «страсть к разрушению — творческая страсть», теперь каялся в своей вине перед «законами отечества», свои мысли и деятельность оценивал как безумие, грех и преступление. И вспомнилась встреченная сегодня в книге В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» мысль о том, что мелкобуржуазная неустойчивость в революционных устремлениях превращается в апатию, покорность, ведет к предательству коренных интересов революционного движения.

Когда он добрался до книжки, из которой можно было получить представление об идейной направленности нацизма, Трубицин пожалел, что не с нее начал свои ночные занятия. Тут ему поистине пришлось работать на два фронта — сличать «теоретические» изыскания Сергеева и установки гитлеровской партии нацистов. Сличать было что — его «подопечный», не мудрствуя лукаво, свои положения сдирал у фашистов.

Так вот где был спрятан «золотой ключик»? Немного походил по комнате и поразмышляв, Трубицин понял, что у него нет оснований для успокоения. Дело в том, что в этом случае роль бакунинского портрета становилась еще более условной...

На столе росла стопа просмотренных им книг. Уже заявило о себе раннее летнее солнце и перестало дышать прохладой открытое окно. На улице звенели трамваи, раздавались нетерпеливые гудки автомашин. Город проснулся и все явственнее наполнялся будничным шумом. Взглянув на часы, Трубицин встал из-за стола, потянулся руками. Сонливости он не чувствовал. Перекусить бы, но буфет еще не открыт. И отлучиться нельзя. Позвонил на всякий случай начальнику отделения, тот откликнулся, попросил зайти через десять минут.

Прослушав информацию, Аликин не задал ни одного вопроса, словно в ней все было так, как он и предполагал.

— Будем считать, что «экзамен» ты сдал на «отлично». А сейчас домой, спать. Явишься в четырнадцать часов. Могу тебя порадовать: в Москве заинтересовались историей с портретом. Известен случай использования такого пароля.

Поспать в этот день Трубицину так и не удалось. Плотно позавтракав (мать уже постаралась), он растянулся было на диване, как раздался телефонный звонок. Звонил Леонид Филиппович:

— Ты извини, Василий Матвеевич, что не даю тебе отдохнуть. Отоспишься в поезде. Собирайся на недельку в командировку. Машина за тобой уже ушла...

Дело заканчивали без него. Хотелось бы самому, но спираль чехистских буден закручивалась все туже и туже, и именно она диктовала повестку дня и распределение сил. Будет у Трубицина не-

мало заданий и дел, при выполнении которых он еще не раз вспомнит вечерние разговоры у начальника отделения, его наставления. Потом придет его час, и начальник управления издаст приказ об отчислении из списков личного состава старшего оперуполномоченного Василия Матвеевича Трубицина в связи с выбытием в действующую армию. Вместе с солдатами 1-го Украинского фронта он пройдет дорогами войны от берегов Днестра до златой Праги. Оперативному работнику отдела «Смерш» доведется не раз проявлять мужество и смекалку, выигрывать поединки не на спортивной арене, а в боевой обстановке, распутывать хитроумные следы и ловушки. Будут и ранения, будут и ордена.

Вернувшись после войны в свое управление, он некоторое время будет сидеть в кабинете Аликина и уже в качестве начальника отделения учить чекистской науке молодежь. Наверное, у Трубицина что-то останется от своего наставника. Все мы обязательно вместе со знаниями перенимаем привычки учителей, обогащаем их затем своим житейским и практическим опытом. Процесс этот — нескончаемая цепь, одно звено в которой принадлежит тебе. А цепь крепка, пока надежны все звенья.

Звено, которое представлял Василий Матвеевич Трубицин, в этой цепи не подкачало. Служил он в органах государственной безопасности еще долго, стал полковником, начальником подразделения.

Но это все будет потом. А июльским вечером грозного 1941 года, вернувшись из затянувшейся командировки, доложив о поездке, он поинтересовался у Аликина:

— Как там мои старые знакомые?

— Старые знакомые, говоришь? Размотали мы все ниточки, дело передали по инстанции. Совсем немножко ты не успел...

Аликин рассказал ему, что сделанные запросы оказались результативными. Из Свердловска сообщили, что, по словам директора школы, работавший физруком Булько с обязанностями справлялся неплохо, дисциплинарных нарушений не имел, но замечен в провокационных разговорах. Однажды ночью был на улице крепко избит, после чего, полежав несколько дней в больнице, уволился. Понять причину и следствие было уже нетрудно. Пытался вербовать, но

действовал неумело, в лоб, нарвался на человека эмоционального, который, выслушав его, устроил «кулачные именины». Поняв, что «засветился», провокатор смылся в другой город.

Интересные сведения принес и второй запрос. Ударная работа обоих на строительстве канала оказалась результатом обыкновенных приписок, но разобрались в этом слишком поздно. На участке том в роли учетчика оказался некий Петрусенко, отбывавший наказание за участие в деятельности националистической организации на Украине. В лагере сумел втереться в доверие, получить эту выгодную для него должность. Для вербовки поле у него оказалось широкое, а главное — он получил рычаги воздействия. И Сергеев и Булько имеют основания считать себя обязанными ему. Надо полагать, что Петрусенко не пришлось сильно уговаривать обоих. Когда стало ясно, что тот и другой имеют шанс освободиться раньше положенного срока, условились о пароле. Сам он бежал.

О том, что ниточка с портретами Бакунина ведет к Петрусенко, убеждает сообщение ленинградских чекистов. При задержании во время перестрелки был убит фашистский разведчик. Судя по всему, он и Петрусенко — одно и то же лицо. У него в портфеле оказался журнал, в котором помещен портрет Бакунина.

Трубицин задал давно мучивший его вопрос:

— А почему для пароля был избран именно портрет Бакунина? Не проще ли было взять, скажем, портрет известного писателя. Доступнее, хлопот меньше.

— Не всегда более доступное удобно. Ведь как могла осуществляться связь? Кто-то пришел в дом в поисках, скажем, друга по армейской службе. Покажи портрет Пушкина, можно нарваться на неприятность. Каждый школьник разоблачит. Так что в данном случае при выборе портрета учитывалось, что он должен быть доступен, безобиден, но в то же время не слишком известен. И вот еще какая мысль. Связь могла быть установлена почтой с помощью письма, на марке которого окажется условленный портрет.

— А есть марка с портретом Бакунина?

— Не знаю. Пришлось бы и это уточнять при необходимости. Так что при выборе портрета я вполне допускаю элемент случай-

ности. Не надо забывать, в каких условиях завязывался узелок. Была идея пароля (вот почему мы искали аналоги), а во что она выльется, зависело от того, что окажется под рукой — журнал, где опубликован портрет, отрывной календарь или какая-то книга. А потом, у Петрусенко не было полной уверенности в новых знакомых, чтобы вооружать их основными средствами и паролями связи. Да и сам он тогда был изолирован от своего центра. А содержание напутствия и роль пароля ясны: вживаться и ждать сигнала. Им же долго ждать было не вмоготу, затеяли игру в организацию. А начав, уже трудно было остановиться, тем более, что Сергееву понравилась роль идейного вожака.

Трубицин уже был у дверей, когда Аликин задержал его:

— Василий Матвеевич! На всякий случай выясни, есть ли марка с портретом Бакунина. Между делом, конечно. Знаешь, не люблю, когда вопрос остается без ответа.

Ценою собственной жизни

1

Человек обычно даже не догадывается, что совершает поступок, достойный подражания, что его жизнь становится примером для других; он просто честно выполнял свой долг — долг человека перед Родиной, перед своим народом. Не это ли подтверждает жизнь пермского чекиста Александра Демидовича Шляпникова.

Он родился в 1903 году в семье крестьянина-бедняка. Едва ему исполнилось одиннадцать лет — почти одновременно умерли отец и мать. Остались в избе-развалюхе пять братьев и сестренка — теперь старшая в семье; ей исполнилось уже двенадцать лет. На нее и Александра легли все заботы о младших.

Безрадостная жизнь не сломила, а закалила парня, заставила многое увидеть и понять. Почему в деревнях народ от голода пухнет, а богатеи едва от жира не лопнут? Несправедливо это, так жить нельзя! И когда пришла Советская власть, и потом, когда в их деревне стали сколачивать коммуну «Путеводная звезда», Александр Шляпников понял: он начинает новую жизнь.

Крестьяне вздохнули: казалось, самое страшное уже позади, но чудовищная засуха 1921 года сгубила молодую коммуну, еще не пустившую настоящих корней. И чтобы младшие братишки не умерли с голоду, Александр, закинув за спину тощий мешок, ушел из родной деревни искать спасительную работу.

Через год его, добровольца, призвали в армию. Там, в армии,

в 1927 году, он стал членом партии, ибо всем сердцем поверил в святую правду ее дел и целей.

А в феврале 1928 года Шляпников стал чекистом. Он твердо решил посвятить свою жизнь борьбе с врагами Советской власти. В те годы их было предостаточно, врагов скрытых и явных.

Вот тут, как мне кажется, и начинают особенно ярко проявляться те свойства характера Александра Демидовича, которые позволили ему завоевать доверие и уважение товарищей по работе.

Этой работы было столько, что суток не хватало, но чекист Шляпников как-то выкраивал время еще и для учебы. Не только общеобразовательной, не только по специальности... Но пусть за меня говорят документы.

«§ 2. За успешное окончание летно-теоретической подготовки курсантов авиашколы «Динамо» первого набора, за безаварийность и окончание в установленный срок летной теоретической программы — без отрыва от основной работы — награждаю: курсанта первого набора Шляпникова А. Д. — деньгами в сумме 150 рублей...»

Это выписка из приказа начальника авиашколы от 23 марта 1934 года.

А вот строки из другого документа, тоже хранящегося в архиве: «...Работая в органах НКВД, я без отрыва от производства изучил чертежное дело, в совершенстве — фототехнику, окончил курс самолетовождения на самолете «У-2»... Неплохо владею лыжами, рекордов не имею, но имел переходы на 100—120 километров... Я на фронте могу вести разведывательную работу...»

Это часть рапорта чекиста Шляпникова, написанного на имя наркома внутренних дел СССР. Датирован этот документ январем 1940 года, то есть он был написан в самый разгар вооруженного конфликта с Финляндией.

Итак, Шляпников, как свидетельствуют документы, умел ценить время. Поэтому он обязательно планировал свою работу, тщательно готовился к каждой операции, к допросу любого задержанного. Этого же требовал и от подчиненных.

А если к сказанному добавить, что чекист Шляпников характеризовался товарищами по работе как человек вдумчивый, честный

и отзывчивый на чужую беду, то, как мне кажется, не трудно представить, что он представлял собой, каким был его внутренний мир. Рапорт же на имя наркома убедительно свидетельствует о том, что Александр Демидович никогда не искал тихой заводи, что он был готов отдать даже жизнь свою, если это нужно Родине.

2

Рапорт чекиста Шляпникова удовлетворили в начале лета 1942 года. Он был назначен заместителем начальника особого отдела 18-й мотострелковой бригады, входившей сначала в состав войск Воронежского, а позднее — Калининского и Брянского фронтов. Как и всякому фронтовику, ему доводилось не раз попадать под яростные бомбежки фашистской авиации, под губительные артиллерийские и минометные обстрелы, не только отражать обыкновенные и психические атаки врага, но и самому атаковать его, идя грудью навстречу пулям, продираясь сквозь черные разрывы мин.

Все это было, через все это пришлось пройти. Но главным для Шляпникова, как и всех других чекистов, всегда было и оставалось одно — беспощадная борьба с фашистской агентурой. Противостоя врагу, надо было всегда действовать умело, изобретательно и решительно.

Когда 18-я мотострелковая однажды сделала привал у дороги, по которой к фронту двигались наши части, Шляпников вдруг услышал, как один солдат сказал другому:

— Ишь, в хромки вырядился.

Хромки — хромовые командирские сапоги, пригодные для парадов, прогулок по городу и вообще для мирной жизни, но только не для войны. Интересно, кому это понадобилось надеть их в пору осенней распутицы? Шляпников нашел глазами того, о ком так неодобрительно отозвался солдат. Увидел его метрах в десяти от дороги. Обыкновенный старший лейтенант, каких предостаточно в прифронтовой полосе: в повидавшей виды шинели, шапке-ушанке, лихо заломленной на затылок, и с неизменным вещевым мешком за спиной; вот только сапоги хромовые, доверху заляпанные грязью.

Шляпников подошел к нему — тот подобрался, козырнул. И документы у него были вроде бы в полнейшем порядке. Но опытный глаз чекиста мгновенно зафиксировал две «мелочи»: излишне старательно козырнул старший лейтенант, да и на слишком хорошей бумаге напечатана справка, согласно которой предьявитель ее после излечения в госпитале следовал в свою часть.

Потом последовали допросы, во время которых выяснились все подробности жизни задержанного. Ни один ответ не брался на веру, все тщательно проверялось. Но вот беда: город, в котором будто бы родился задержанный, сейчас находился по другую сторону фронта.

А ответ из госпиталя, хотя и был напечатан на обыкновенной бумаге и машинкой с другим шрифтом, был малоутешителен: «Во время недавней бомбежки города при прямом попадании бомбы в госпиталь сгорели все архивы, а раненые, находившиеся на излечении и уцелевшие после этого варварского налета фашистской авиации, распределены по другим госпиталям».

Неудачи не обескуражили Шляпникова. Он послал запрос в то военное училище, которое в 1937 году якобы окончил Сергей Сергеевич Камушкин — тот самый старший лейтенант.

Ответ из училища пришел быстро и был лаконичен: «Среди выпускников училища таковой не числится».

И снова допросы, допросы. Наконец Камушкин «сознается», что он солдат, дезертировал с фронта; под старшего лейтенанта замаскировался потому, что к командирам патрули не так придирчивы.

Но чекист не верит ему, он убежден, что под личиной дезертира хочет укрыться матерый вражина, и под надежным конвоем отправляет его в отдел контрразведки своего корпуса.

В дальнейшем станет известно: предчувствие чекиста подтвердилось.

Какие только дела не выпадали на долю армейских чекистов! Бывшие особые отделы при воинских соединениях с началом Великой Отечественной войны были преобразованы в отделы контрразведки «Смерш» («Смерть шпионам») и вместе с новым наименованием обрели некоторые новые функции. Например, солдат Труб-

ников, как стало известно, сунул в карман фашистскую листовку-пропуск. И сразу вопрос: зачем? Из любопытства? Для нужд сугубо житейских? Или на тот случай, если фашисты в кольцо возьмут?

Чтобы не дошел солдат до рокового поступка, свершив который он станет казниться до конца дней своих, приходилось вести с ним профилактическую работу. Осторожно, уважительно: нельзя человека обижать, если у тебя нет ничего, кроме собственных предположений.

Только разобрались с этим солдатом — пополз черный слушок. И опять вникай: порожден он злым умыслом врага или случайной ошибкой нашего человека?

Однажды Шляпников, будучи уже начальником отдела контрразведки бригады, от жителей деревни Дреймаловка получил известие, что на станции Дарница II видели активного пособника фашистов Драча, бежавшего из мест своих недавних преступлений. Поступили эти сведения — и началась работа: стали разыскивать фотографию преступника, потом составлять его словесный портрет. Не минуты, а часы ушли на это. А ведь он, душегуб, на железнодорожную станцию пришел для того, чтобы побыстрее исчезнуть отсюда. Может быть, уже нет резона начинать поиск? Но чекистская совесть не позволила отмахнуться от сигнала местных жителей, она заставила начать и успешно завершить поиск матерого врага.

Население районов, побывавших под пятой фашистов, активно помогало вылавливать фашистских прихлебателей. Отделом Шляпникова только в одном районе было арестовано семьдесят полицейев и старост — отъявленных предателей.

В окрестностях той же Дреймаловки при прочесывании местности был задержан солдат, назвавшийся Чугуновым, уроженцем Челябинска. Дескать, из госпиталя ехал в часть, а тут налет авиации, ну, спасаясь от бомб, и побежал куда глаза глядели; так перепугался бомбежки, от которой отвык за время лежания в госпитале, что вещевой мешок в теплушке оставил; там, в мешке, все его документы.

Что же, Чугунова следует немедленно отпустить на все четыре стороны? Но разве нельзя предположить, что в данном случае фашисты своего агента умышленно не снабдили документами? Не исключено и такое.

Однако возможен и другой вариант: документы были, но он их где-то предъявлял и позднее уничтожил, чтобы смазать свои следы. Или...

Много этих «или». И каждое надо тщательно проверить.

Приказав увести задержанного, Шляпников распорядился:

— Немедленно запрос в госпиталь: лечился ли там солдат Чугунов и когда выбыл в часть? Заодно дайте мне все ориентировки на лиц, совершивших побег из-под стражи.

Просмотрели все ориентировки — среди разыскиваемых не оказалось задержанного Чугунова.

Ответ из госпиталя пришел утвердительный: да, находился на излечении солдат Чугунов, был с такого-то по такое-то число. Единственная зацепочка — уж очень долго он добирался от госпиталя до той станции, где, по его словам, попал под бомбежку. Но бомбежка была. Именно в указанный им день. Это проверили.

А что долго ехал... Может назвать уважительную причину, вроде того, что не сумел сесть в поезд. Или отстал от него на таком глухом полустанке, где поезда останавливаются в исключительных случаях...

Значит, все подозрения долой, значит, помогай ему поскорее попасть в часть?

Казалось, проверка зашла в тупик. Но Шляпников не сдался: он послал в госпиталь, где находился на излечении Чугунов, его фотографию.

Снова потянулись дни ожидания. И вот приходит ответ: «Опрошенные нами раненые, лично знавшие Чугунова, и медицинский персонал госпиталя не могут утверждать, что на данной фотографии именно солдат Чугунов, хотя кое-какое сходство наблюдается...»

Вот теперь появилось что-то существенное. Теперь можно почти с уверенностью сказать, что у мнимого Чугунова в жизни не все так просто, как он рассказывает. И, оформив соответствующие

документы, Шляпников этапирует задержанного в отдел «Смерш» своего корпуса.

А вскоре был задержан тоже солдат, и тоже без единого документа. Этот назвался Петровым, до армии — жителем Восточно-Казахстанской области. Если верить ему, он добровольцем пришел в Советскую Армию, но чуть ли не в первом своем бою попал в плен к фашистам. Не один, а с семьей товарищами попал. Но когда их погнали в лагерь, они, улучив момент, убили конвоиров и бежали. Где сейчас его товарищи? Остались у партизан, на которых натолкнулись во время своих скитаний по лесам. Почему он не последовал их примеру, почему оказался здесь? Он, Петров, хочет быть только в армии.

Как видите, здесь в самой легенде много сомнительного. Вот и пришлось проверять каждый факт. Дотошно, скрупулезно.

Чтобы не оставлять неясности, сразу скажу: все, что поведал Петров, оказалось правдой.

Работа контрразведчиков в те годы осложнялась тем, что их отделы были небогаты штатами, а если к этому добавить, что во время своих операций, да и в боях с фашистами, они несли потери, станет ясным, как невероятно трудно им приходилось порой.

Вот из чего, если говорить кратко и схематично, слагалась работа, возложенная командованием на чекиста Шляпникова. Да еще в обстановке, подобной вот этой...

Дело было на Северо-Западе, где наши войска вели бои местного значения. Они, эти бои, тоже были кровавыми, тоже уносили солдатские жизни. Такой бой местного значения разгорелся и за деревню Брагино. Двое суток он гремел. О силе и ярости его можно судить хотя бы по тому, что вражеская авиация по восемь раз в день обрушивала бомбовые удары на деревню и наши позиции близ нее. Особенно ожесточенным был последний налет, когда несколько чудом уцелевших домов запылали жарким пламенем, которое ночь превратило в день, залив кровавыми отблесками и небо, и снега, почерневшие от осевшей на них пороховой копоти.

И до этого налета нашим бойцам приходилось туго, но они все же удерживали свои позиции. А тут дрогнули, стали отходить со-

седи, прикрывавшие левый фланг бригады; только небольшие группы автоматчиков из двух батальонов еще преграждали дорогу фашистам, которые с трех сторон рвались в деревню.

В этот критический момент боя капитан государственной безопасности Бочманов сказал своему заместителю таким спокойным тоном, словно пригласил прогуляться:

— Сходим-ка туда, Александр Демидович.

Сказал «сходим», а сам побежал пригнувшись и зигзагом, побежал навстречу отходившим бойцам; Шляпников не отставал от него.

Лишь два офицера-чекиста оказались перед отступавшими. Нет, они не кричали, не угрожали своими автоматами. Они просто спешили туда, откуда только что отошли солдаты. И сначала один из отступавших остановился, присоединился к офицерам, потом — другой, третий... А чуть погодя цепочка солдат прыгнула в окопы, до которых фашистам оставалось всего несколько десятков метров.

Положение было восстановлено, однако фашистов наседало столько, что Бочманов и Шляпников поняли: хотя и на короткое время, но из деревни Брагино придется отступить. И тогда Бочманов по-прежнему спокойным голосом сказал Шляпникову:

— Забирай оперативные документы, нашу машинистку и задержанных. С этой минуты ты отвечаешь за их целость и сохранность.

Подумал и добавил:

— Пробирайся в Гуцино, где сейчас командный пункт бригады. И своего связного захвати в помощь.

К этому добавлю лишь одно: понимая, что Шляпникову со связными будет почти невозможно уследить за документами и арестованными, Бочманов вдогонку за ними послал и своего связного.

Кто из двух чекистов проявил большее мужество — не берусь решать. Оставшийся в жарком бою или другой, вырвавшийся почти из окружения, доставивший на новый командный пункт бригады в целости и сохранности и оперативные документы, и арестованных. Ясно одно: в этот день они оба сполна доказали свою верность чекистскому долгу, верность присяге.

Прибыл Шляпников в деревню Гушино, по-хозяйски расположился на новом месте и тут узнал, что в бою за деревню Брагино пал смертью храбрых его начальник — капитан государственной безопасности Бочманов.

Было несказанно жаль Бочманова, за эти месяцы ставшего не просто начальником, но и учителем, другом. Была и некоторая оторопь: выходит, с сего часа Шляпников один отвечает за всю огромную работу, возложенную на контрразведчиков? Единственное, что он себе позволил: сведя густые черные брови, какое-то время посидел молча. Потом спросил устало:

— Что у нас сегодня по плану работы?

Никого не было в избе, когда он задал этот вопрос. Да и не людям, а самому себе адресовал его. Как строгое напоминание о том, что на войне каждая секунда имеет особую цену.

На сегодняшний день, если следовать плану работы, еще предстояло зайти к командованию бригады. Готовясь к встрече, Александр Демидович и сделал вот эту выписку из «Памятки немецкому солдату»: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик...»

Только потому сделал эту выписку и пошел с ней к командованию бригады, что позавчера один из молодых лейтенантов, проводя политинформацию, много негодующих слов обрушил на фашизм, а хотя бы одного факта, разоблачающего его гнусный облик, не привел.

Может быть, эта выписка поможет молодому лейтенанту, натолкнет его на нужные мысли?

Возможно, кому-либо покажется, что в данном случае чекист Шляпников ломал голову над вопросом, который к его прямым обязанностям не имел никакого отношения. Но сам он считал иначе, ибо твердо знал, что несет ответственность за все, происходящее в бригаде, за все, что способно хоть в какой-то степени повлиять на ее боеспособность. Несет наравне с командованием бригады. Может быть, даже чуть больше.

После разгрома под Сталинградом фашистская правящая верхушка была вынуждена объявить в Германии траур, а Геббельс, выступая по радио, признал: «Мы переживаем на востоке военное поражение. Натиск противника в эту зиму предпринят с ожесточением, превосходящим все человеческие и исторические представления». Казалось бы, урок преподан отличный, но уже в середине апреля 1943 года Гитлер подписал оперативный приказ, в котором говорилось: «...Этому наступлению придается решающее значение. На направлении главного удара должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов».

Так началась подготовка к фашистскому летнему наступлению в районе Курска.

В массе советских войск, которым выпало принять на себя удар фашистских полчищ, а потом и самим сокрушающе атаковать их, была и бригада, в которой служил Александр Демидович Шляпников.

Началу фашистского наступления — конечно же! — предшествовало оживление деятельности вражеской агентуры. Фронтowym чекистам было жизненно необходимо быстро пресекать любые ее действия, то есть, выражаясь языком официальных документов, проявлять чекистско-оперативную гибкость. А когда началось наступление фашистских полчищ, когда земля вздыбилась от нескончаемых взрывов, контрразведчики стали еще просто воинами, тоже смерти глядели в лицо, глядели ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Но красноречивее всяких слов об этом свидетельствует наградной лист, в августе 1943 года направленный по инстанции командиром 18-й бригады: «В июльско-августовских боях на Орловско-Брянском направлении коллектив т. Шляпникова при 50% укомплектованности показал чекистско-оперативную гибкость в обслуживании подразделений бригады».

Сам т. Шляпников своевременно и деловито информировал командование о выявленных недочетах и этим самым содействовал

в выполнении боевых задач. В боях т. Шляпников ведет себя смело и отважно...»

Как лаконично, даже скупое все это сказано! А ведь 27 июля, когда наши войска уже вели наступление, на пути одного из подразделений 18-й мотострелковой бригады оказался населенный пункт Кулики, вернее — лишь несколько домиков, чудом уцелевших после огневого вала. Но, планируя летнее наступление 1943 года, гитлеровцы позаботились и о создании в своем тылу рубежей надежной обороны. Кулики являлись опорным пунктом одного из таких рубежей. И теперь, когда наши бойцы, разгоряченные успешным наступлением, были от Куликов в считанных десятках метров, по ним вдруг ударили вражеские пулеметы. Ударили разом, прицельно. Одна из пулеметных очередей прошила землю буквально у ног Шляпникова, бежавшего в цепи атакующих.

Наши солдаты чуть дрогнули, попадали на землю, истрескавшуюся от многодневного зноя. Чекист Шляпников понял, что сейчас считанные секунды могут решить многое, что именно сейчас один паникер способен сорвать наступление, а отважный — довести его до победного конца. И еще подумалось, что, если они попятятся, окажутся напрасными потери, которые уже понесли, что при новом наступлении на эти же Кулики еще кто-то отдаст свою жизнь раньше, чем они достигнут теперешнего рубежа. Все это промелькнуло в сознании в какие-то мгновения, и вот уже родилось решение — непоколебимое, окончательное: Шляпников, словно не замечая вражеского огня, встает во весь рост, призывно смотрит на бойцов и, строча из автомата, бросается вперед.

В том наградном листе командир бригады ходатайствовал о награждении Александра Демидовича орденом Красного Знамени. В августе ходатайствовал. А в сентябре он же вновь представил боевого чекиста к высокой правительственной награде. И опять, теперь уже в новом наградном листе, говорилось о нехватке людей в аппарате у Шляпникова, но что это не помешало чекистам образцово справиться с своими прямыми обязанностями, что в боях Шляпников «ведет себя смело и отважно». А заканчивается наградной лист так: «За проявленные доблесть и мужество в борьбе с не-

мецкими захватчиками и их пособниками при освобождении г. Нежина и при форсировании рек Днепра и Десны и создание плацдарма на правом берегу Днепра тов. Шляпникова наградить орденом Отечественной войны I степени».

Архивы не сохранили для нас документов о том, что конкретно совершил чекист Шляпников при форсировании Днепра и Десны, при создании плацдарма на правом берегу Днепра. Мы, отлично зная, как все это было сложно, смертельно опасно, можем только строить различные предположения. Одно бесспорно: это было что-то особенное, выдающееся.

В мае 1944 года написан еще один наградной лист, где, помимо уже известного нам, было сказано: «...принимал участие в отражении контратак противника... и в сохранении Красного знамени бригады».

Вдумайтесь в эти скупые строки, в эти слова: «...и в сохранении Красного знамени бригады»!

4

Советские войска, громя фашистские полчища, упорно шли вперед, рвались к нашей государственной границе, очищая от ненавистных захватчиков новые города, деревни, поселки. Но в каком виде представляли они перед нашими воинами!

Шляпников хорошо знал, что это не случайность, не прихоть войны, а система, результат политики фашистской Германии. «Противник должен обнаружить действительно тотально сожженную и разрушенную страну...» — такова была директива Гимmlера. И фашисты безжалостно убивали, жгли, крушили, а что удавалось — увозили в Германию. Если, конечно, Советская Армия или партизаны не заставляли их поспешно бежать с места очередного преступления. Вместе с фашистами, словно соперничая с ними в ненависти ко всему нашему, это черное дело вершили изменники — всякие бургомистры, старосты, полицай и прочий сброд.

Теперь, когда почти каждый день с боями преодолевались километры территории, побывавшей под пятой фашизма, чекисту

Шляпникову было просто необходимо работать так, чтобы от справедливого возмездия не ушел ни один военный преступник, ни один его пособник. Не только должность, но и совесть советского человека этого требовала. И он, почти лишив себя и сотрудников отдела сна, работал, работал, выявляя пособников фашистов, ведя их поиск, мгновенно реагируя на каждый сигнал. Бывало и так, что удача приходила вроде бы случайно. «Случайно» — это в том случае, если начисто забыть о характере Александра Демидовича, если не вдуматься в сущность чекистской работы. Так, уже на правом берегу Днепра при прочесывании местности был задержан мужчина лет сорока — осанистый, с неторопливыми движениями и седыми висками. Документы у него оказались в полнейшем порядке, однако Шляпников задержал его. Почему задержал? Ведь о себе он рассказывал вроде бы правду: когда его деревня оказалась оккупированной, бежал в лес, где в полном одиночестве отсиживался до этого счастливейшего в его жизни часа — прихода родной Советской Армии. Больше того, еще патрулю, задержавшему его, он заявил, что идет в соответствующие органы. С повинной идет.

Ему был задан вопрос:

— Почему не стали партизаном? Или не знали, что они вообще есть?

Ответ последовал без промедления:

— Боялся идти в партизаны: они ведь сами нападали на фашистов, значит, сами на себя огонь вражеских автоматов вызывали. — Помолчал и добавил, как бы искренне стыдясь того, что говорил: — Смерти я больше всего боялся и боюсь. В бою ли, от болезни ли — все равно боязно.

— Сколько же времени вы в одиночестве прожили в лесу? Так сказать, добровольцем-отшельником?

— Считайте, два годочка там канули.

— А одежда у вас вполне приличная для теперешнего времени, никак не подумаешь, что вы в ней в лесу, где и сырость, и копоть от костра, столько лет проходили. Да и лицо у вас... Короче говоря, на изголодавшегося вы не похожи.

— Виноват, — потупился допрашиваемый. — Все эти два года, чтобы выжить, подворовывать приходилось. Больше, конечно, еду разную... А тут, как только наши пришли, как надумал к вам явиться, чтобы покаяться, заглянул в одну хату, хозяйевами покинутую. Ну и...

На все вопросы задержанный отвечал без раздумья, но что-то угодливое мелькало в его глазах. Даже тогда, когда ему было сказано, что за воровство можно и в тюрьму угодить, в глазах, на лице его не было ничего, кроме покорного согласия на любое наказание. Может быть, он от фронта там укрыться хочет? Тогда ему сказали, что за воровство, конечно, полагается тюрьма, но время сейчас военное, а возраст у него призывной, так что скорее всего на фронт отправиться придется. И опять ничего в его глазах, кроме покорной радости!

Словно забыв, о чем шел разговор, Шляпников разложил перед собой карту Украины и требовательно спросил, в каких районах за эти два года побывал задержанный. Последовал ответ: почти всюду, а точнее — везде, кроме двух самых восточных ее районов, расположенных рядом.

Приказав увести задержанного, Шляпников немедленно послал запросы в эти два района: дескать, не числится ли в списках вражеских пособников гражданин Будакин. Подумав, написал еще один запрос, теперь в тот район, где, по словам Будакина, он проживал до войны.

Ответы пришли довольно скоро. Два из них были совсем одинаковые: нет, в указанном районе Будакин среди фашистских пособников не числится. А вот в третьем ответе была маленькая зацепочка: «Указанное лицо исчезло из деревни еще до прихода фашистов. Оно значится в числе дезертиров».

Казалось бы, опирайся на последние данные, оформляй дело и передавай его куда положено. Но Шляпников вызвал своего заместителя и приказал уже завтра на рассвете выехать с задержанным в те районы, откуда пришли отрицательные ответы; и обязательно сделать так, чтобы местное население увидело задержанного.

Как потом рассказывал заместитель, чуть ли не в первой же

деревне одна из пожилых женщин, стоявших у колодца, вдруг схватила палку, валявшуюся на земле, и бросилась к задержанному, завопив:

— Бабы! Вот он, Карась проклятый!

С этого эпизода и началось полное разоблачение ярого пособника фашистов. Припертый к стенке многими свидетельскими показаниями, он сначала был вынужден сознаться в том, что в недавнем прошлом творил наравне с фашистами. Но чекисту Шляпникову этого теперь было мало: он хотел знать все, и с самого начала. И оказалось, что этот тип, в довоенное время известный согражданам как Будакин, на самом деле был сыном купца второй гильдии Николаенко, расстрелянного за активное участие в антоновском мятеже: столько невинной людской крови было на руках расстрелянного предателя.

И вот долгие годы он жил в Витебске, занимая скромную должность счетовода в одной из маленьких контор. За порогом ее зубами скрежетал от жгучей ненависти ко всему советскому.

В сороковом году переехал в эти края. Вернее, не просто переехал, а убежал от жены. Появилось подозрение, что она кое-что узнала. От кого узнала? Да он сам имеет дурную привычку разговаривать во сне.

Когда фашистская Германия напала на нашу страну, он от радости чуть не заплакал и при первой возможности сам явился в фашистскую комендатуру, заявил: «Вот он я, Григорий Афнасьевич Карась. Готов верой и правдой служить новому порядку. Что прикажете, то и буду делать».

Почему присвоил себе чужую фамилию? Так ведь хотя у германа и была силища, хотя он и пер оголтело, но в душе все же таились сомнения в его победе. Так сказать, для страховочки под чужой фамилией укрылся.

Вроде бы складно рассказывал, а у Шляпникова новые сомнения: плохо верилось, чтобы гитлеровцы приблизили к себе человека, не собрав о нем точных сведений.

И снова допросы. До той поры, пока не последовало признание: «Под своей фамилией я пришел к фашистам». Сделал Николаен-

ко — Будакин — Карась это признание — немедленно возник новый вопрос:

— Почему же народу вы известны как Карась?

Первый ответ явно был рассчитан на протачка:

— Они всем велели так делать.

Тут же последовало спокойное возражение:

— Сами прекрасно знаете, что лжете.

Не глядя в свои записи, Шляпников назвал почти два десятка фамилий вражеских пособников. Не выдуманных, а подлинных.

Долгое упрямое молчание, ссылки на незнание причины. Но терпение и умение всегда побеждают в подобных поединках, и вот уже звучит невнятно:

— Они сами так сделали, а зачем — не ведаю.

Не стану описывать все перипетии борьбы чекиста Шляпникова с этим вражеским пособником, имевшим три фамилии, скажу самое главное: Николаенко — Будакин — Карась не только зверствовал во время гитлеровской оккупации, он прошел еще и специальную школу и был оставлен для шпионской деятельности. Причем его хозяева не верили, что он благополучно минует все чекистские кордоны, поэтому и велели ему самому явиться с повинной, сознаться в дезертирстве и воровстве. Дескать, будут тебя судить, отправят в тюрьму — и только. Зато, когда со временем легализуешься, пустишь корни, придет наш человек; будешь ему беспрекословно подчиняться — заживешь в достатке и на старость кое-что накопишь; за малейшее неповиновение — смерть.

Поздней ночью Шляпников закончил оформление документов на задержанного, приказал на рассвете отправить его в «Смерш» своего корпуса и... остался за своим рабочим столом. Он писал письмо незнакомым чекистам одного из уральских городов, что его подчиненный товарищ Тягнирядно в настоящее время находится в госпитале на излечении, поэтому оказывать материальную помощь своей семье не сможет. Просьба помочь жене чекиста добраться до станции Лозовая, где проживают ее родственники.

Это далеко не единственный случай, когда Шляпников, хотя служебных дел и было более чем достаточно, все же выкраивал время

на дружеский разговор с загрустившим товарищем, на помощь тому, кто в ней нуждался. А вот в Пермь, где все эти годы жила его семья — жена, сын и две дочери, с просьбой о помощи он обратился только раз. Когда из письма жены узнал, что сын плохо ее слушается. Приехать домой и поговорить с сыном, воздействовать на него — было невозможно. Но, считая, что Советская Армия — прекрасный воспитатель и в какой-то мере может парню временно заменить отца, попросил определить его воспитанником в какую-нибудь воинскую часть. И тогда военком написал командиру в/ч № 11154, куда воспитанником был определен сын чекиста: «Прошу учесть тяжелое материальное положение семьи майора Шляпникова...»

Александр Демидович хорошо знал, как невероятно трудно приходилось его семье. Из писем жены и товарищей по прежней работе. Знал и то, что товарищи, как могли, помогали его семье. А сам он высылал только денежный аттестат. Конечно, можно бы хоть изредка отправлять домой небольшие продуктовые посылочки. Но это было бы против его совести чекиста. Да и не он ли всю жизнь бдительно следил за тем, чтобы закон был одинаков для всех людей?

5

Весна 1945 года догнала Шляпникова на территории фашистской Германии, где фронтовым чекистам и вовсе было не до отдыха: ведь теперь вражеский агент, приняв личину самого обыкновенного, самого мирного обывателя, мог вести наблюдение из окна своего дома; случалось, их, вырядившихся соответствующим образом, чекисты извлекали из ликующих толп недавних узников лагерей смерти или вчерашних рабов, долгие годы горбатившихся в шахтах, на заводах и фабриках ненавистной фашистской Германии.

Теперь суток и вовсе не хватало. Однако фронтовые чекисты не роптали, не жаловались. Они просто работали, как могли, быстро и тщательно.

Да, расцветала весна 1945 года. Ласково пригревало солнышко,

задорно журчали ручьи и восторженно щебетали пичуги, обихаживая свои гнездовья. Сам воздух весны 1945 года, казалось, был напоен предчувствием скорой Победы.

Но война всегда была невероятно жестокой. Никому из воинов не дано знать, когда она нанесет ему смертельный удар. Случалось, одного она убивала в тот момент, когда он еще только ехал к фронту. А у другого отняла жизнь за миг до победы. Или даже после нее. Чекиста Александра Демидовича Шляпникова смерть нашла весной 1945 года. В Германии, в городке Грюнвейде, за два месяца до победы.

И вот в далекую Пермь пришло письмо:

«Многоуважаемая Ольга Александровна!

Мы, близкие друзья и боевые товарищи Вашего мужа, с искренним прискорбием вынуждены сообщить Вам о тяжелой утрате самого близкого для Вас человека, а для нас чуткого, внимательного начальника и товарища Александра Демидовича. 17 марта он в Немецкой Силезии был тяжело ранен многими осколками мины, а скончался 19 марта в госпитале, куда мы доставили его...

Мы знаем, что эта утрата для Вас чрезмерно велика, она велика и для нас, прошедших вместе с Александром Демидовичем трехлетний трудный боевой путь... Но не в обычаях советских людей приходить в отчаяние...»

Десять человек подписало это письмо. По поручению всей мотострелковой бригады.

Не почтой, а специальным нарочным были доставлены это письмо и боевые награды чекиста Шляпникова — орден Красного Знамени, медаль «За боевые заслуги». И явился тот нарочный прежде всего к начальнику управления НКГБ по Пермской области, явился с другим письмом. С тем самым, в котором сначала сообщалось о героической гибели чекиста, а потом излагались просьбы: «...б) Через сотрудников Вашего отдела, знающих тов. Шляпникова и его семью, принять необходимые меры для подготовки его жены к получению извещения о смерти ее мужа. в) По силам Вашей возможности оказать помощь семье погибшего гвардии майора Шляпникова...»

Свой краткий рассказ о славном чекисте закончу вот этим маленьким сообщением: только временно, пока корпус выполнял задание Верховного Главнокомандования Советской Армии, тело гвардии майора Александра Демидовича Шляпникова покоилось в немецкой земле. Потом оно со всеми воинскими почестями было доставлено в город Львов, где и захоронено среди воинов, павших смертью храбрых при освобождении этого города от гитлеровских оккупантов.

Жители древнего города приходят к скромной могиле, возлагают на нее живые цветы. Несут свою вахту Памяти пионеры... Это благодарная дань уважения к человеку, который ценою собственной жизни заплатил за счастливое будущее всех людей.

„Небесный“ Капитан

„**П**ермь, УНКГБ.

В семь сорок восемь московского времени 10 октября 1943 года в органы госбезопасности явился с повинной агент германских военных разведорганов «Васильев», который сообщил о десантировании вместе с ним трех парашютистов на территории Горьковской области. Третьего следом за «Васильевым» должны были выбросить в районе станции Семеново, имеет задание осесть между Пермью и Свердловском, получил фиктивные документы на фамилию Ворсина.

Приметы «Ворсина»: рост 167, 30—32 лет, шатен, волосы зачесывает назад, хорошо вырисовывается лысина, шрам на нижней губе, походка косолапая, ноги кривые, одет в форму капитана интендантской службы, имеет при себе фибровый чемодан черного цвета.

Немедленно, обеспечив оперативный контакт с УНКГБ Горьковской и Кировской областей, организовать розыск и задержание «Ворсина», не допустить его оседания и легализации в районах сосредоточения оборонных предприятий Урала.

Ц е н т р».

Капитан Недобежкин, вернувшись в свой кабинет, внимательно перечитал только что полученную ориентировку. В течение часа, как требовала резолюция начальника областного управления, следовало

разработать и доложить подробный план оперативно-розыскных мероприятий.

Раскрыл атлас железных дорог, нашел станцию Семеново.

«А, — вспомнил он, — луковое раздолье!» Осенью тридцать девятого Недобежкин, получив перевод по службе из города Калинина в Пермь, повез жену на новое местожительство. Зинаида неохотно покидала родные ей края, считала, что едет в Сибирь, которая, по ее разумению, начиналась где-то сразу за Горьким, в дремучих керженских лесах. В Семеново она хмуро глянула в окно вагона и ахнула от изумления. Вдоль поезда ходили местные, с ног до головы увешанные могучими луковыми связками.

В тверской стороне, на болотистых землях, этот слезоточивый овощ не удавался. И Зинаида просто ошалела от лукового изобилия, баснословной дешевизны. Она вытащила Федора на перрон, нагрузила его (добро, ехал в штатском) тяжеленными фиолетовыми и светло-желтыми плетями. С той запомнившейся станции ожила его женушка, перестала Сибири бояться...

Набрасывая план мероприятий, Недобежкин предусмотрел создание подвижной оперативной группы, которая должна стать заслоном на ближних подступах к Перми, постоянный контакт с горьковскими и Кировскими транспортниками-чекистами и многое другое. Но главную роль в поисковой операции он отводил Верещагинскому оперпункту, выдвинутому на западную границу области. В создании его Недобежкин в свое время проявил особую настойчивость. «У нас штаты военного времени, лучших людей передали армейской контрразведке, — доказывали ему, — надо держать наличные силы в кулаке, не распыляться». «А разве плохо, — возражал он, — если этот кулак будет вытянут вперед?» В сентябре сорок первого управление направило в Верещагино двух опытных оперативников, они получили там жилье, перевезли семьи.

Поезд простучал колесами по входным стрелкам, ворвался на свободный путь, заскрежетал тормозными колодками. «Два Федя», — определил Семериков. Так диспетчеры называли для крат-

кости машиниста Фотей Ивановича и его паровоз марки «ФД», сильнейший в мире локомотив, созданный незадолго до войны и названный именем первого чекиста Феликса Дзержинского. Фотей Иванович — орел-машинист. Недавно пришлось ему бессменно отработать 96 часов, вел на запад ответственный эшелон.

Семериков пошел вдоль поезда, прощупывая цепким глазом платформы с зачехленными танками. Охрана бодрствует, буксы не дымят, груз закреплен. Внимание привлек шум, возникший в середине состава, и он ускорил шаг. Навстречу боец с винтовкой за спиной вел упиравшегося мальчишку.

— Товарищ капитан, — обрадованно закричал боец, заметив Семерикова, — возьмите «зайца»! Замерзнет, на север едем!

Семериков быстро подошел, взял парнишку за руку.

— Давай сюда путешественника. А куда груз направляется — не кричи об этом на всю станцию.

Боец виновато вытянулся.

«Зайца» привел в оперпункт, усадил на диван, сел рядом.

— Кто таков, почему в воинском эшелоне? — строго спросил он, разглядывая парнишку в упор. Одежка на нем перелатанная, но ухоженная. Ясно — бежал из дому, воевать охота.

— Вовкой зовут, — нехотя выдавил парнишка, озираясь. — В Ленинград еду, отец у меня там, если живой.

— Не рановато ли собрался? Блокада полностью еще не снята. Где жительство имеешь?

— В Сивинском районе. Воспитательница наша Марь Никодимовна померла летом. И Варька-сестренка померла.

— А, — вспомнил Семериков, — ты из тех, блокадных...

Минувшей зимой он вместе с районным начальством встречал тот печальный эшелон. Ждали ослабленных ленинградских детей, вывезенных через Ладожское озеро. Не думалось, что придется выносить из вагонов на руках чуть живые, легонькие тельца, толсто укутанные во всевозможную одежду. Мария Никодимовна, высокая и костлявая старуха в старомодных ботиках (позднее он узнал, что ей не было и тридцати лет), не давала относить в сторонку окоченевшие трупики, хваталась цепко за них, молча роняла круп-

ные слезы из запавших глазниц. Явственно вспомнил Семериков, как нес к саням мальчика в просторной шапке-ушанке, лицо пепельно-серое, глаза закрыты. На ходу прикоснулся ухом к бледным губам — дышал парнишечка. Не Вовка ли это был?

— Шапка твоя где? — спросил он, и, перебарывая нахлынувшую жалость, резко встал с дивана, отвернувшись, зашарил на полке шкафа. Вытащил форменную фуражку, смахнул рукавом пыль с лакированного козырька.

— Бери носи, не теряй. От тетки твоего осталась. Зимой на фронт уезжал. Хороший был человек.

Пронзительно зазвонил телефон. На проводе — его непосредственный начальник и старший товарищ Федор Семенович Недобежкин.

— Семериков? Один в кабинете? Прими экстренное.

Семериков с присущей ему аккуратностью записывал содержание ориентировки о розыске «Ворсина». Подобные сообщения об объявленных в государственный розыск преступниках поступали часто. Их словесные портреты он и его боевой помощник Черных заучивали, имели в виду, «прочесывая» поезда и вокзалы. И только поставив точку, Семериков сообразил, что на этот раз ориентировка адресована прямо-таки сотрудникам оперпункта.

— Слу-у-шай, Федор Семенович, — враз взволновался он, — этот, упавший с неба, на Пермь нацелен, Верещагино ему не миновать. Вот спасибо тебе, Федор Семенович.

Недобежкин, слышно, ухмыльнулся:

— Спасибо абверу или там «Цеппелину» скажешь за небесный подарок. Срочно бери своего Черных, подключай милицию и военизированную охрану. Чтобы комар через сито не проскочил. Понял? Партийные органы проинформируй. Сообщай мне о ходе розыска. Все.

Дела-а. Он выглянул из кабинета, крикнул в коридорчик:

— Черных!

Хлопнула дверь соседней комнаты, старший лейтенант Черных появился у входа.

— Видишь этого товарища, Сергей Александрович? Отведи к

моим, пусть покормят и спать уложат. Возвращайся бегом. В ближайшие сутки дома не появимся.

Черных и Вовка ушли. Семериков сел за телефон, потребовал усиления бдительности от начальников станций и их подчиненных, обратил особое внимание на появление военного с приметами «Ворсина».

Возвратившегося вскоре Черных он ознакомил с ориентировкой. Тот удовлетворенно поцокал языком, пробежав глазами текст. С таким «патретом» интенданту не затеряться. Волосы может сбрить, шрам на губе щетинкой прикрыть, а ухватик кавалерийский куда денешь?

— Надо полагать, — сказал Семериков, — горьковчане усиленно прочесывают район предполагаемой выброски агента. Недобежкин намерен держать прямую связь с опергруппой, выехавшей на станцию Семеново. Какова наша задача? Прикинем варианты.

Нашли исходную точку на карте, сошлись головами над служебным расписанием поездов. Так... В нашу сторону четыре пассажирских. Проходят они через Семеново вечером и ночью. Приземлился «Ворсин», или как его там, около шести утра. Значит — что? Затаялся в станционном поселке и ждет первого поезда. Ну-ка, что там вечером идет? Ага, свердловский. До нас ползет почти двое суток. Успеем подготовить встречу.

— Если бы так! — возразил Черных. — Болтаться в поселке он не станет. Когда «Васильев» явился с повинной? В семь сорок восемь. Прошло еще с полчаса, самое малое, пока наши взяли станцию под наблюдение. А прыгнул он с самолета когда? Считай, почти три часа «Ворсин» был вне всяких подозрений. Неужто не воспользовался? На его месте я бы подскочил на товарняке до Котельнича и въехал в город Киров с поездом северного направления. А там бы еще пересадочку сделал, чтобы нам головы задурить.

— Я бы, я бы, — проворчал Семериков. — С товарняка его на ближайшей станции снимут. Офицер на тормозной площадке! И пересадки не в его интересах: каждый раз трести фальшивыми документами, добывать с большим трудом билеты. Давай все же дер-

жать на прицеле свердловский, отбывающий из Семеново десятого вечером, точнее — через (он взглянул на часы) три часа шестнадцать минут. До его подхода чистить станем все поезда горьковского и северного направлений. Идет?

Выйдя из оперпункта, они посетовали на безлунный темный вечер, на отсутствие батареек к карманным фонарикам, о коих хозяйственники управления обещали побеспокоиться еще на той неделе. Черных пошел в депо инструктировать железнодорожников, Семериков направился к Бурдину, начальнику линейного отделения милиции. Предстояло плотным частоколом перекрыть путь агенту противника на Урал.

Около полуночи Семериков и Черных в сопровождении двух милицейских работников выехали в Балезино, что в Удмуртии, где проходила граница между Горьковской и Пермской железными дорогами, начиналась зона их оперативного обслуживания. Проверяли пассажиров, ориентировали на розыск «Ворсина» работников станций и перегонов.

В Балезинском райотделе НКГБ шифровка с приметами агента уже была получена, оперативные работники действовали, не зная отдыха.

Из кабинета начальника райотдела майора Широкова Семериков заказал срочный разговор с Недобежкиным. Пока ночные телефонистки соединяли с Пермью, договорился с майором о совместных действиях. Широков, поколебавшись, дал согласие на проверку собственными силами двух поездов, следующих за свердловским.

— Поможем, — сказал майор, — хотя и сильно измотаны мои ребята. Встречай в Верещагино, капитан.

Дали Пермь. Недобежкин сообщил, что час назад говорил с горьковчанами. С «Ворсиным» пока неясность. Проческа местности вокруг Семеново никаких следов не дала, кроме одной зацепочки. Жительница деревни Васильевка имела встречу с военным, спрашивавшим дорогу на Семеново. Жаль, приметы не зафиксировала в сумерках. Из Васильевки люди ходят в магазин на разъезд Захарово. Думай, Александр Андреевич, где он мог выскочить.

— Не ветра ли в поле ищем? — высказал сомнение Семериков. — Люк в самолете заклинило, парашют отказал, струсил, наконец...

— Ты эти настроения выбрось, — возмутился Недобежкин. — С балезинскими территориальщиками сконтактировался? Добро. Ползет «Ворсин» через Верещагино, обязательно ползет.

В Верещагино возвратились под утро. Семериков, отпустив ребят по домам, прошел в комнату милиции при вокзале. В дежурке дремали, сидя на длинном топчане и чемоданах, десятка полтора военных. Разглядел погоны и малость струхнул. Растерзают... Завидев его, дежурный милиционер шустро вскочил и отрапортовал:

— Товарищ капитан, по вашему приказанию...

Семериков прервал его взмахом руки, но было уже поздно. Капитаны услышали, заворочались. Один из них, молодой, с узкими черными усиками, подскочил к Семерикову.

— Ты, капитан, поплатишься за свои фокусы! Бесцеремонно снимать с поезда... Я следовал за генералом, по личному распоряжению товарища Сталина. Это произвол! — срывающимся на виз начальственным голосом кричал щеголеватый капитан. Семериков, успевший оглядеть всех собравшихся, поднял руку, требуя внимания.

— Товарищи, это не произвол и не фокус, а вызвано оперативной необходимостью. Разыскивается опасный государственный преступник, скрывающийся под формой советского офицера. Сами понимаете, на лбу у него не написано. На вас подозрений нет, приношу извинения.

Военные запереглядывались, успокаиваясь, раздались голоса, как же теперь быть, чем оправдаться перед командирами.

— Все будет сделано в лучшем виде, — заверил Семериков.

Пока он, мысленно поругивая чересчур усердных помощников, возился с капитанами, оформлял справки о причинах задержки, настал полдень. Заглянув домой на обед, он узнал, что Вовка не стал дожидаться решения своей судьбы, еще утром удрал, видимо на товарняке. С домашнего телефона Семериков позвонил в линейное отделение милиции, распорядился о задержании парнишки в чекистской фуражке.

Свинцовая тяжесть минувших бессонных суток давала себя знать. За столом в кабинете он подремал минут по десять урывками. Связывался по телефону со станциями, а также со своими коллегами, работавшими западнее Балезино. «Ворсин» пока нигде не «проклюнулся», хотя все билетные кассиры, десятки других работников транспорта располагали его приметам.

В прихожей послышалось гулкое топанье сапог, и в кабинет вошел Два Федя. В ватнике, подпоясанном узким ремешком, из-под низка надвинутого козырька форменной фуражки — орлиный нос.

— Фотей Иванович! — Семериков обрадованно вышел из-за стола, поздоровался за руку. — Проходи, садись...

— Некогда, — буркнул машинист, — «Феликс» на заправке. Слушай, такое дело.

Фотей сегодня утром привел воинский эшелон в Балезино, отцепился, обратного груза не нашлось. Ждал выходного сигнала, чтобы возвращаться резервом. Тут подходит к паровозу военный. В чем дело? От поезда, говорит, отстал. Чемодан с вещами и документами уехал, надо догнать. Возьми, браток, на паровоз. И деньги сует — пачку тридцаток.

— Тут я, знаешь мой характер, — продолжал Фотей, — послал его куда следует.

— Эх, Фотей Иванович...

— Понял уж, что промашку дал. Надо было взять на паровоз да сюда к тебе представить. За кипятком, говорит, выскочил, а в руках ни котелка, ни чайника. Подозрительная личность.

Фотей ушел, озадачив Семерикова. Странный военный. Не «Ворсин» ли избрал такой метод передвижения? Нет, не укладывается по времени, рано ему быть в Балезино. Если только он, не дожидаясь в Семеново или Захарово пассажирского поезда, заскочил на тормозную площадку грузового. Такой вариант, между прочим, и предусматривал Черных. А он, Семериков, привязался к свердловскому поезду и упорствует, будто шпион телеграммой его оповестил.

Семериков встал и зашагал по кабинету. Ах, как он самоуверен! Выстроил версию прямолинейно, без запасных вариантов. Грузовые

поезда, конечно же, идут без особых задержек, часто обгоняя пассажирские. «Ворсин», стремясь как можно быстрее оторваться от места приземления, мог зацепиться за любой проходящий поезд. А не забрался ли он в санитарный? Мы ж совсем забыли такую возможность.

Приоткрыв дверь кабинета, он кликнул своего боевого помощника и прошел к столу. Позвонил дежурному по станции. Санитарные поезда? Нет, за минувшие сутки не пропускали ни одного. Есть ли на подходе? Предупреждения не было — значит, в текущие сутки не ожидается. Два Феда? Пока здесь. Через полчаса пойдут с грузовым на Пермь.

Зашел Черных. Семериков рассказал ему о подозрительном военном, который пытался сесть на паровоз Фотей Ивановича. Как думает Сергей Александрович, похоже это на «Ворсина»? Сомнительно. А с другой стороны, не уловка ли врага? Изобразив отставшего от поезда, он, не рискуя липовыми документами, может покрыть приличное расстояние. Сигнал надо проверить.

— Вот и я так думаю, — заключил Семериков. — Два Феда на вкипировке стоят. Сбегай, уточни приметы. Кочегар-беляночка у Фотей глазастая. Я, пока ходишь, начну проверку по линии.

Позвонил в Балезино. Дежурный линейного поста милиции сказал, что нет, отставшие от поезда военные к нему не обращались. Около десяти утра? Он заступил с двенадцати, рядовой Пантюхин до него дежурил. Найти Пантюхина и выяснить? Есть!

Что же скажет Пантюхин? Зафиксирован отставший или нет? Его мысли прервал требовательный звонок. Капитан Недобежкин из Перми:

— Как настроение, Александр Андреевич? Крепись, дорогой. Закончим войну — отоспимся. Что у тебя новенького?

Семериков докладывал, посматривая на часы. Где сейчас «небесный» капитан? Проследовал Котельнич, на подходе к Кирову, по его расчетам. Но есть большие сомнения. Упустил Семериков из виду грузовые и санитарные поезда...

— Не старайся объять необъятное, — посоветовал Недобежкин. — Все товарные, санитарные и прочие средства передвижения

мы чистим на подходах к Перми. Не отвлекайся, работай по своей версии, она руководством управления одобрена.

Подбодрил Федор Семенович. Семериков облегченно вздохнул. Положил трубку на рычаг — звонок из Балезино. Милиционер Пантюхин доложил, что к нему в указанное время действительно обращался пассажир поезда Москва — Новосибирск старший лейтенант Синюхин. Была дана телеграмма в Верещагино о снятии вещей с поезда. Приметы? Обыкновенные, товарищ капитан. Ноги? В сапогах. Нет, не кавалерист, на погонах пушечки.

Ага, вещи должны быть здесь. Семериков собрался было позвонить верещагинскому дежурному, но тут вернулся Черных, с порога дал знак отбоя, сел к приставленному столику.

— Беляночка у Фотей востра-а! Обрисовала того военного — будь спок. Ноги, спрашиваю, не ухватиком у него? Что вы, отвечает! Ноги стройные, походочка четкая, военная. Да поглядите сами: вон по перрону вышагивает. Можете лично его ноги проверить.

— Н-ну? — удивился Семериков. — Здесь, собственной персоной старший лейтенант Синюхин?

— А! — скис Черных. — Ты все наперед знаешь.

— Не огорчайся, — успокоил Семериков. — Радоваться надо зоркости людей наших.

Он посмотрел на часы, стал надевать шинель.

— В райком спешу, к первому. Ты малость отдохни и сходи в депо. Проинструктируй по новой все поездные бригады, какие там окажутся. Приметы сообщи. Приведи пример бдительности Фотей Ивановича. Вернусь — поедем навстречу свердловскому.

В Балезино (вторая поездка за сутки!) прибыли в пятом часу утра. Внимательно осмотрели спавших на скамейках и на полу вдоль стен пассажиров. Черных занялся выяснением, не попадал ли кто в поле зрения милиции. Семериков связался с райотделом НКГБ. Майор Ширококов подтвердил готовность проверить поезда, следующие за свердловским.

Дежурная в фуражке с красным верхом вышла на перрон и звякнула в старинный колокол. Пора на выход. Семериков повторил дислокацию. Начинают вчетвером с головы поезда. «Зри в ноги, --

напомнил Черных сопровождающим их милиционерам, — ноги у него ухватом». Да, согласился Семериков, примета верная.

На первый вагон потратили около часу. Пассажиры спали как сурки. Пока-то расшевелиятся, зевая и поругиваясь. С такими темпами до самой Перми проверка затянется. Стали поднимать людей решительней — в следующем вагоне за полчаса управились. Заскочили в спальный прямого сообщения. Черных заколебался. Надо ли генералов будить, время напрасно терять? Семериков настоял на своем. Чистить надо все, чтобы потом сомнений не было и лишней работы. В первом же купе оказался генерал.

— Иди к черту, — сказал он, не поднимая головы, когда Семериков встал в дверях и предложил приготовить документы для проверки. Заметив, что настырный капитан стоит и не собирается идти туда, куда его посылают, он приподнялся на локте. — Я директор эн-ского завода, это — мои военпреды. Не свети в глаза, убери свой вонючий фонарь.

Семериков доверительно прошептал:

— Извините, товарищ директор. Ищем весьма опасного преступника. Как раз на ваш завод нацелен.

Директор недоверчиво хмыкнул:

— Заливай подшипники! Ко мне, на мой завод? У меня такие ребята — мышь не проскользнет... Э, постой, капитан, чьего с керосинкой ходите, не дают, что ли, электрические? Батареек нет? — Он полез, побряхтывая, в чемодан, вытащил горсть плоских батареек. — Держи гостинец из Москвы. Иди, лови кого надо.

Оставалось пройти шесть вагонов, когда под колесами застучали входные стрелки. Семериков глянул в окно — да, Верещагино уже. Скользнул взглядом по перрону. Эге, нашлась пропажа. Стрелок военизированной охраны, заплетаясь в полах тулупа, вел за руку Вовку. Семериков подозвал Черных.

— Продолжайте втроем с Семушиным и Мамаевым. Я сойду. Вовка нашелся. Да и балезинских товарищей надо встретить. Ни пуха...

С каждым проверенным вагоном убывала надежда. Версия Семерикова не оправдывалась, шарили в пустом поезде. Пересадку

«Ворсин» наверняка сделал; похоже, Семериков это понял, только не признается. Вовка появился, видите ли, беспризорник ему важнее живого шпиона. Расщедрился — отдал следующие поезда соседям. А он, Черных, тянет верную пустышку. Ладно, задание он выполнит, дойдет до хвостового кондуктора.

На станции Чайковская стояли утомительно долго — пропускали на запад эшелоны с танками, пушками и самоходными установками. «Вперед, на Берлин!» — размашисто выведено мелом на стенке теплушки. Сердце Черных заняло ревностью. Дойдут ребята до Берлина, чужие страны и народы повидают. И он мог быть с ними, если бы не упрямство тех, кому попадали его рапорты.

Пока стояли на станции, обошли два вагона. Остался последний, хвостовой. В тамбуре наткнулись на раскрасневшуюся проводницу — подкидывала уголек в топку.

— В Семеново садился кто? — поинтересовался Черных. — Или в Захарово? Кто вышел в Котельниче? Быстро...

Проводница повернулась всем корпусом к нему, покачнулась, оперлась о стенку.

— Выходят и заходят. Станций много, я одна. Пассажиры у меня хорошие, «зайцев» нету.

Черных услышал запах водки, прошел в вагон. Раз выпила — значит, «заяц» поднес, не иначе.

Проверяли тщательно, поднимали каждого пассажира. Что за народ едет! Время к обеду, а все спят, еду экономят. В предпоследнем купе взглядом зацепился за мужчину на нижней полке справа. Тот, заслышав топанье сапог, отвернулся к стене и начал натурально всхрапывать. «Заяц», — догадался Черных и кивнул старшине Семушину на пассажира. Старшина прошел в купе, потрогал за плечо мужчину в бязевой нижней рубашке.

— Ваш билет, гражданин!

Тот — ноль внимания. Посвистывает в обе ноздри, поджав к животу ноги в диагональных офицерских галифе. Старшина переглянулся с Черных, протянул руку, снял с крючка китель, висевший в изголовье. Мелькнули узкие интендантские погоны с четырьмя звездочками.

— Встаньте, гражданин, довольно дрыхнуть! — рявкнул старшина.

Капитан послушно вскочил, сел на полке. Глаза чистые — не спал, притворялся. Черных ощупал его взглядом снизу вверх. Бог ты мой! Ухватик законный. Шрам на нижней губе. Волосы жидкие, лысинка на темечке... Какая встреча!

С верхней полки свесил лохматую голову пассажир в галифе:

— Повежливей, старшина. Как с офицером обращаешься!

Старшина не повернул головы.

— Прошу не вмешиваться. Это, к вашему сведению, безбилетный пассажир, звания тут ни при чем.

Интендант виноватым голосом начал оправдываться:

— Билета действительно у меня нет. В кассе не было. Поймите, не к теще на блины едем в горячее военное время.

— Предъявите ваши документы, — отчеканил Черных, сдерживая рвущуюся из груди радость. Ай да Семериков! Точно рассчитал маршрут «небесного» капитана. — Где сядились? В Захарово, значит... Куда следуете?

Старшина прижал к груди китель, провел по нему рукой сверху вниз и отдал капитану. Тот полез в грудной карман, протянул офицерскую книжку. Старшина передал ее Черных.

— Тэ-э-эк-с. Значит, Ворсин Сергей Викторович, — вслух прочел Черных для старшины, чтобы не было ни капли сомнений. — Место службы... Помощник командира девятьсот двадцать седьмого запасного арtpолка по интендантской службе. Одевайтесь, капитан, в вагоне свежо.

Капитан поднялся с полки, стал натягивать китель. Старшина нагнулся и прогладил карманы галифе. Ничуть не смутившись от нахальства милицейского старшины, капитан сел и потянулся под полку за сапогами. Стоп! Старшина отвел его руку, выгреб ногой сапоги, вынул портянки и потрянул голенищами вниз.

— Где табельное оружие? — спросил Черных. Краем глаза он отметил, что рядовой Мамаев надежно подстраховывает их, держит руку на расстегнутой кобуре.

— Зря копаются, служивые, — миролюбиво ворчал капитан. —

Пора знать, что в тыловую командировку оружие не положено. Тем более — полк-то запасной.

Он неторопливо обулся, умело завернув портянки, притопнул каблуками.

— Понимаю, товарищи, служба у вас. Не сержусь за обыск. Может, присядем за столик? За наших, за геройское форсирование Днепра?

Старшина решил подыграть:

— Об чем разговор, товарищ капитан! За такое грех не выпить. Только сначала штраф за безбилетный проезд давайте оформим.

Черных остановил проходившую мимо проводницу:

— Начальника поезда сюда. Мигом! — И, обращаясь к «Ворсину», добавил: — Нехорошо, товарищ капитан. Проводницу подпоили. Ее с работы снимут, а дома семеро по лавкам, муж на войне погиб. Я понимаю, отблагодарить человека надо. Без билета посадила. Но не водкой же, согласитесь.

Старшина взял чемодан капитана, перекинул на руку его шинель. Черных освободил выход.

— Пройдете в служебное купе, — сказал он радушно. — Небольшая формальность, к сожалению, необходима. Постараемся устроить вас в более приличный вагон.

В Шабуннях старшина Семушин выскочил на перрон и сунул в руки дежурной записку от Черных.

— Срочно, милая, отправь телеграфом.

Старший лейтенант Черных сообщал в Пермь Недобежкину, копия — Верещагино, Семерикову: «Встречайте Перми везем капитана поезд 86 вагон 14».

Семериков в это время ожидал прибытия следующего пассажирского поезда, чтобы встретить бalezинских чекистов и, если потребуется, вместе с ними закончить проверку вагонов. Запасная версия о возможной пересадке агента в Котельниче или Кирове держала Семерикова здесь, на прокопченном перроне. Хотя исход операции, он был уверен, уже решался на подходе к Перми, куда с каждым оборотом колес приближался свердловский поезд.

Основательно готовился капитан Недобежкин к первой встрече с германским шпионом. Приказал своим подчиненным по винточке разобрать его одежду — нет ли в подкладке ампулы с ядом, адресочка или пароля для связи с возможным резидентом.

Проведенный в служебном купе поезда личный обыск «Ворсина» дал следствию неопровержимые улики. В черном чемодане оказались 10-ваттная радиостанция, шифры и расписания связи, без малого сто тысяч рублей денег и пистолет с полной обоймой. Почему оружие в карман не переложил, держал на дне чемодана, запертого на ключ? Не собирался пускать его в ход, надеясь на крепость легенды? Документы ему, кстати, выправили не тяп-ляп. Недобежкин лично проверил. Запасной артиллерийский полк дислоцировался в Пермской области и там действительно ожидали капитана Ворсина, который был откомандирован из фронтового резерва. Тут противник поработал основательно. Ликвидировал подлинного Ворсина или выкрал документы? Запрос об этом в соответствующий отдел контрразведки «Смерш» отправлен час назад.

Разработан и утвержден начальством подробный план допроса. Разложены на приставном столике вещественные доказательства, изъятые при обыске. Он приказал ввести арестованного парашютиста.

«Ворсин» был в нательной рубашке, галифе и сапогах. Китель его, видимо, еще на досмотре. Строгим жестом Недобежкин указал ему на стул посреди кабинета.

— Итак, гражданин Ворсин, вы взяты с поличным. Рация и шифры доказывают принадлежность к агентуре вражеской разведки, то есть налицо преступление, предусмотренное Уголовным кодексом РСФСР. Шпионаж в пользу иностранного государства, с которым мы находимся в состоянии войны. За это, как вам должно быть известно, высшая мера наказания.

Следователь внимательно посмотрел в глаза арестованного, надеясь увидеть в них испуг, страх, ненависть. Нет на земле человека, который спокойно и буднично шел бы на расстрел. Все живое хочет жить. Но глаза «Ворсина» привели Недобежкина в некоторое замешательство.

— Товарищ капитан, — радостно заговорил арестованный. — Я не боюсь, я рад умереть на родной земле. Насчет «вышки» меня предупреждали в разведшколе, пугали пытками. Но разве можно чем-то запугать того, кто прошел их концлагеря, видел газовые камеры? Этот чемодан я сам собирался притащить сюда, если бы не задержали в поезде...

Недобежкин недовольно прервал подследственного. Продуманный в деталях план допроса (и одобренный начальством) начинал давать «просадку», как дом, из-под которого вынули фундамент. Добровольно и честно признается «Ворсин» или играет спектакль, сочиненный в германской разведшколе?

— Я вам не «товарищ», гражданин арестованный. А насчет повинной — дешевый прием. Кто хотел раскаяться в содеянном, тот немедленно явился в органы государственной безопасности после вылета с самолета. Отвечайте на вопросы. Кто вы такой и каким образом завладели документами капитана Ворсина?

Арестованный скис. Но ровным, бесцветным голосом, подробно и без путаницы рассказал о себе. О подлинном Ворсине ничего сказать не может, не знаком, документы на его имя получил перед вылетом из Орши вместе с легендой. Сам он — Косарев Сергей Викторович, родился и вырос в пригороде Перми. Здесь у него мама, брат работает на авиамоторном заводе. Хотел с ними повидаться, проститься и — сюда с повинной. С сорокового года, как пошел в армию, не был в Перми.

«Расфилософствовался! — думая Недобежкин, аккуратно заполняя протокол допроса. Надеялся спасти свою шкуру, выслужиться перед фашистами, положение занять. Как же, не пень деревенский, три курса института прошел до армии. Да, Косарев, изменником Родины ты стал потому, что не был настоящим солдатом, верным воинской присяге, за свою жизнь дрожал».

Косарев, между тем продолжая повествование, старался подчеркнуть, что, как ни соблазняли, он не пошел служить в армию изменника Власова, погубившего 2-ю ударную армию и его, Косарева, в том числе. А согласие на сотрудничество с вражеской разведкой он дал единственно для того, чтобы вырваться из лагеря смерти

и найти возможность отомстить за товарищей, погубленных в болотах под Любанью и за колючей проволокой концлагерей.

Федор Семенович слушал и не представлял себе, как можно сдаваться в плен, когда ты поставлен защищать свою Родину, когда за твоей спиной — матери, жены, дети! Патроны кончились — бей прикладом. Выбили из рук винтовку — зубами рви ненавистного врага.

В Туркестантской долине, где рядовым красноармейцем служил Федор Недобежкин в начале тридцатых годов, тоже бывали в схватках с озверевшими басмачами-головорезами критические моменты. И жажда мучила в знойных песках, и в окружение отдельными отрядами попадали. Но ведь не было случая, чтобы кто-то трусливо поднял руки. Потому что бились за правду и справедливость на земле. Грамогешки не хватало, газету по складам разбирали на коротких привалах. Но убежденность большевистская была железной.

Вот его, Недобежкина, возьми. Что было бы с ним, круглым сиротой, при старой власти? Чекисты определили беспризорника в детский дом. Сыт, обут, обогрет. Потом учеба в техникуме, комсомольская работа. Когда ему предложили служить в органах, он согласился без колебаний. Чекистам, которые вывели беспризорника в люди, он будет признателен всю жизнь. И в смертный бой готов идти, если понадобится. А этот сидит тут, ищет оправданий своей трусости, идейной бесхребетности. Противно слушать.

Недобежкин вызвал по внутреннему телефону своего помощника Виктора Широкова. Молча подал ему записку, подчеркнув слово «немедленно». Виктор, которого Недобежкин настойчиво приучал к ночным бдениям, был свеж и подтянут, несмотря на второй час ночи. А ведь тоже почти двое суток не спал, участвовал в создании оперативного заслона на подступах к Перми.

— Слушай, Косарев, — вернулся он к допросу, перейдя на «ты». — Сказки тут про белого бычка не рассказывай. Следствие ждет правдивых показаний. И версия с оттягиванием явки с повинной рассчитана на простачков. Ну, где тут логика? Сначала он поводит мамочку, потом, поплакавшись, пойдет сдаваться в органы и принесет мамочке новое зло. Родственникам германского шпиона,

ведь не поздоровится. И брата кто будет держать на заводе? Ты это предвидел и зла им не желал, надеюсь. Потому и намеревался, откушав домашних шанежек, отправиться в арtpолк и заниматься шпионской деятельностью. Разве не так?

«Не так, не так», — качал головой Косарев и молчал. Разговор для него потерял всякий смысл. Ему не верили.

Недобежкин терпеливо ждал, отложив ручку. Сейчас подследственный расхлупится, начнет рвать на груди рубаху. Но Косарев молчал, безвольно опустив руки, склонив голову на грудь. Недобежкин встал и походил возле стола, открыл и закрыл сейф, шумно звякая ключами. Арестованный не поднимал головы. Не переиграть бы взятием на испуг. Если он действительно прошел через ад фашистских концлагерей, напугать его трудно. Надо менять тактику.

— Ладно, Косарев, — сказал он, — допустим, было все так, как ты показываешь следствию. Проверка определит, где истина и вымысел. Но есть одно обстоятельство, которое позволяет судить о твоей искренности тут же. Какой тайный знак ты должен был дать хозяевам, если бы вышел в эфир по принуждению?

Косарев встрепенулся, ожил.

— Есть такой знак, това... гражданин следователь. Шифровки я должен был подписывать псевдонимом «Мар». В случае же работы по принуждению советских органов контрразведки — поставить подпись «Мария».

Недобежкин подробно записывал. Арестованный, не ожидая наводящих вопросов, рассказал о полученном задании. Его хозяев интересовало все, что касалось авиастроения: новые марки моторов, их мощности, количество серийной продукции, применяемые сплавы. Недобежкин знал, что гитлеровская разведка с довоенного времени проявляла усиленный интерес к пермским авиадвигателям. Заброска агента-радиста говорила о том, что врагу так и не удалось заручиться надежным источником информации.

— Задание-то, прямо скажем, не по Сеньке шапка, — сказал Недобежкин, выслушав. — Ну, как бы ты, артиллерист, стал собирать сведения об авиации? В институте на кого учился? Учитель рус-

ского языка и литературы. В технике ни бельмеса. Брата инженера небось стал бы вербовать?

Косарев возмутился:

— Ничего я не собирался для врага вынюхивать. Мне бы только вырваться к своим да пушку в руки. Покрошил бы гадов!

В кабинет стремительно вошел Широков, положил бумагу на стол, с юношеским любопытством оглядел живого шпиона и нехотя вышел. Следователь пробежал глазами бумагу. Гм, вот тебе раз. Мать Косарева, в прошлом учительница, с первого месяца войны работала на заводе в литейке, и, по всему, не ради хлебной Карточки. Ежемесячное выполнение норм — почти триста процентов, на заем подписывается одной из первых. Сдала обручальное кольцо в фонд Победы. Отец — член партии с 1924 года. Как инженер характеризовался положительно. Погиб осенью 1942 года при ликвидации аварии в мартеновском цехе. Брат работает, ого, в конструкторском бюро А. Д. Швецова...

А это что на обороте листа? Ну, Виктор, ну, Широков, гвоздь-парень! В глухую ночь такие сведения добыл. На обороте листа была копия извещения райвоенкомата о том, что Косарев Сергей Викторович, геройски сражаясь в боях за социалистическую Родину, пропал без вести в феврале 1942 года. И номер полевой почты Виктор успел расшифровать — принадлежал Северо-Западному фронту. Там и случилось это, со 2-й ударной армией.

В конце ночи Недобежкин прервал допрос, устало склонился над аккуратно заполненными листами протокола, подводя итог сделанному. Хотелось верить, что Косарев не враг, что нанести ущерб Советскому государству не намеревался. Но ведь и добро делать не спешил. Зная, что агенты, сброшенные с того же самолета, нацелены вражеской рукой, не встревожился, не попытался сообщить о них. Почему? Где гарантия того, что «Мар» не вышел бы в эфир, не будь захвачен в пути следования? Вопросы, вопросы... Только тщательная проверка и перепроверка даст исчерпывающие ответы. Хорошо то, что удалось вызвать Косарева на откровенность и он вроде готов выложить все, что знает.

А знал Косарев немало полезного для органов госбезопасности.

На последующих допросах он в мельчайших деталях (вот память оказалась цепкая!) обрисовал всех, кто учился при нем в гитлеровской разведывательной школе, кто был заброшен в советский тыл до него и кого готовили после.

...Между тем, ничего не знали о дальнейшей судьбе «Ворсина» по условиям конспирации ни Семериков, ни Черных. Они продолжали нести бессменную вахту на Верещагинском оперпункте, обеспечивали секретность прохождения воинских эшелонов, чистили поезда в поисках других, еще не разоружившихся агентов германской разведки.

Недвижно лежал в сейфе начальника оперпункта завернутый в газету новенький пистолет «ТТ». На его рукоятке — пластинка с выгравированной надписью: «Семерикову Александру Андреевичу от Наркомата госбезопасности СССР». Это именное оружие, полученное за организацию розыска «Ворсина», через много лет станет экспонатом в музее чекистской славы УКГБ по Пермской области.

Как-то встретились на многолюдной улице Перми два ветерана. — Пароль: Верещагино! — с озорной улыбкой сказал тот, что в сером плаще и зеленой велюровой шляпе.

— Сережка, ну-ка? Давайте пройдемте, гражданин.

Они пересекли улицу, углядели укромную скамейку в сквере. Пристально посмотрели друг на друга. Да... Вот и встретились боевые товарищи. Служба раскидала их в разные стороны, и только пенсионная пора столкнула нос к носу.

— Ты еще молодцом, хотя, помнится, постарше меня был.

— Сравнялись мы, Сережа, и возрастом, и званием, и положением. Деды — наше последнее звание.

Перебрали общих знакомых. Вовку-беспризорника помнишь? Доктор технических наук, в Ленинграде живет. А Два Феди? Ушел на пенсию вместе с паровозом. Кочегар-беляночка вышла замуж за Фотей Ивановича, медицинский институт закончила после войны.

Добрались до Федора Семеновича Недобежкина, жаль, встретиться не привелось. Ушел в запас в звании подполковника, служил где-то на Украине. Молоденький оперуполномоченный был у него в отделении, Виктором звали. Ну? Крупный руководитель из него вырос, генерал-майор. Да... Поезда идут, колеса крутятся, как ты в Верещагино поговаривал. Кстати, что там дальше было с капитаном, которого двое суток в поездах искали, не встречал после войны?

Долго еще в сквере сидели два ветерана. Не обращали внимания на тихо падавшие листья, на шум трамвайных вагонов. Они на время вернулись в другую осень, слышали перестук других колес. Вернулись в октябрь 1943 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Щербинин. <i>Вместо предисловия</i>	5
Н. Козьма. <i>Чрезвычайные полномочия</i>	12
А. Марченко. <i>Большая жизнь</i>	35
В. Соколовский. <i>Девушка из Чердыни</i>	52
И. Христолюбова. <i>«Окажите всяческую помощь»</i>	71
А. Лебеденко. <i>Верность долгу</i>	91
М. Смородинов. <i>Крах «Фореста»</i>	114
А. Крашенинников. <i>Черемуховый лог</i>	135
И. Минин. <i>Ранний листопад</i>	160
И. Лепин. <i>Тревожные километры</i>	181
Б. Грин. <i>Это было в апреле</i>	199
Ю. Вахлаков. <i>Портрет неизвестного</i>	227
О. Селянкин. <i>Ценою собственной жизни</i>	245
Г. Сулейманов. <i>«Небесный» капитан</i>	264

**ПОДВИГ
ПЕРМСКИХ
ЧЕКИСТОВ**

Очерки

**Составитель
Николай Петрович
Козьма**

Редактор Б. Грин
Художники М. Курушин, Е. Нестеров
Художественный редактор Н. Горбунов
Технический редактор В. Чувапов
Младший редактор Л. Рубцова
Корректоры И. Пархомовская, Л. Крамаренко

ИБ № 825

Сдано в набор 12. 04. 82. Подписано в печать 22. 06. 82.
ЛЕ01067. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1 и № 2.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ.
л. 12,6. Усл. кр.-отт. 12,6. Уч.-изд. л. 14,823. Тираж
50 000 экз. Заказ № 329. Цена на бумаге тип. № 1
1 р. 30 к., на бумаге тип. № 2 1 р. 10 к. Пермское книж-
ное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.

Книжная типография № 2 управления издательств,
полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь,
ул. Коммунистическая, 57.

П44 Подвиг пермских чекистов: Сборник очерков / [Сост. Н. П. Козьма]. — Пермь: Кн. изд-во, 1982. — 284 с.

Книга документально-художественных очерков о чекистах.

П $\frac{70302-57}{M152(03)-82}$ 19—82

P2